

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»

Английская поэзия

XIV–XX веков

Хрестоматия

Издательство
Пермского национального исследовательского
политехнического университета
2016

Составители: канд. пед. наук *Е.А. Аристова*,
канд. пед. наук *С.Г. Улитина*

УДК 81'232
ББК Ш
А64

Рецензенты: д-р филол. наук,
профессор *Н.М. Нестерова*
(Пермский национальный исследовательский
политехнический университет);
канд. филол. наук, доцент *Е.А. Наугольных*
(Пермская государственная фармацевтическая академия)

А64 **Английская** поэзия XIV–XX веков : хрестоматия / сост. Е.А. Аристова,
С.Г. Улитина. – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2016. – 104 с.

ISBN 978-5-398-01544-7

В хрестоматию вошли наиболее известные поэтические произведения английских поэтов XIV–XX веков, а также фрагменты народных баллад о Робин Гуде и древнеанглийской поэмы «Беовульф». Поэзия представлена как на языке оригинала, так и в переводах лучших российских поэтов-переводчиков. Дается краткая справка о биографии и творчестве поэтов Англии. Сборник включает вступительную статью об английской поэзии и методические рекомендации по использованию поэтических произведений в учебном процессе в вузе. Книга дополнена диском с видеозаписями декламаций поэтических произведений в исполнении актеров – носителей языка.

Предназначено для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных и технических факультетов, отделений иностранных языков и перевода, а также для любителей английской поэзии. Рекомендуется использовать в учебном процессе для специальности «Лингвистика» (бакалавриат) на занятиях по дисциплинам «Литература Великобритании», «История и культура Англии», «Практическая фонетика и культура голоса», «Письменный перевод».

УДК 81'232
ББК Ш

ISBN 978-5-398-01544-7

© ПНИПУ, 2016

Содержание

Предисловие	4
The Birth of English Literature	11
Beowulf.....	11
Folk Ballads of Robin Hood	13
Geoffrey Chaucer.....	25
The Age of Sonnets.....	28
Philip Sidney	28
William Shakespeare.....	30
John Milton	43
Robert Burns	47
William Blake	52
The Lake Poets.....	55
William Wordsworth.....	55
Samuel Taylor Coleridge	59
Robert Southey.....	61
George Gordon Byron.....	64
Percy Bysshe Shelley	70
Alfred Tennyson	74
Robert Louis Stevenson	78
Rudyard Kipling.....	81
William Davies	85
Wilfred Owen.....	87
Dylan Thomas.....	89
Seamus Heaney	92
О переводе поэзии.....	99
Список литературы	102
Источники использованных материалов	103

Предисловие

Поэзия – памятник, в котором запечатлены
лучшие и счастливейшие мгновения
самых лучших и счастливейших умов.

П. Шелли

Английская поэзия как средство формирования социокультурной компетенции

Дорогие студенты, преподаватели и любители английской поэзии, мы обращаемся к вам. Сборник, который вы открываете сейчас, это не история английской поэзии, хотя мы и постарались расположить поэтические произведения в хронологическом порядке начиная поэмы «Беовульф», состоящей из англо-саксонских сказаний VIII–X веков, заканчивая стихами современных английских поэтов XXI века, например Шеймуса Хини... Безусловно, в рамках данной работы нет возможности охватить произведения всех английских поэтов.

Перед нами, составителями, возникал вопрос о содержимом этого сборника. И мы в первую очередь думали о вас, читатели, о тех, для кого предназначена эта книга. Первоначально мы провели опрос первокурсников, обучающихся по специальности «Лингвистика», на одном из занятий по истории и культуре страны изучаемого языка. Эта дисциплина не только дает страноведческие знания, но и знакомит студентов – будущих переводчиков с языковой картиной мира, окружающего носителей языка, с историческими событиями, происходящими в Британии, Англии с древних времен – от Стоунхенджа до современности, с культурой, литературой и искусством Великобритании.

Для того чтобы узнать, насколько глубоко, хорошо наши студенты знакомы с миром английской литературы, а именно она составляет часть культуры, отражает обычаи, традиции, привычки английского народа, мы предложили им ответить на ряд вопросов, один из которых был посвящен английской поэзии. Результаты были неутешительными. В основном студенты называли имена В. Шекспира и Д. Байрона, но не все из них читали их произведения даже в русских переводах, не говоря о подлиннике. Мы даже не упоминаем, что почти никто из них не знал о поэтах-лейкистах, многие не читали стихи Р. Бернса, хотя некоторые слышали песню на его стихи «Старая дружба», упоминался иногда Р. Киплинг, но не как поэт, а как автор «Книги джунглей».

Именно чтобы ликвидировать этот пробел в знаниях, мы решили ввести вас, наши читатели, в удивительный мир английской поэзии. Так и появилась идея создать эту книгу. Мы проделали большую работу по подбору материалов, перелистали много поэтических сборников, посвященных английской поэзии, изданных в России и за рубежом. В поисках информации о творчестве и жизни английских поэтов обращались к источникам в Интернете, мы нашли портреты поэтов. Нами были отобраны лучшие переводы английской поэзии на русский язык, выполненные не только такими известными мастерами слова, как С.Я. Маршак, Б. Пастернак, но и малоизвестными авторами, достойными внимания.

Эта работа увлекла нас, авторов-составителей, и мы надеемся на то, что это издание привлечет и ваше внимание, читатели, и нам удастся открыть вам замечательный мир английской поэзии.

В известном фильме «Моя прекрасная леди», поставленном по пьесе Б. Шоу «Пигмалион», профессор Хиггинс вдохновляет бедную девушку Элизу научиться красиво и правильно говорить по-английски: «Подумайте о Вашей цели. Подумайте, что Вы хотите освоить. Величие и могущество английского языка – это самое большое наше богатство. Самые благородные мысли, рожденные в человеческом сердце, с необыкновенной выразительностью воплощает музыка нашей речи. Вот, что Вы пытаетесь покорить, Элиза. И Вы сумеете. Сумеете!».

(“Think what you're trying to accomplish. Just think what you're dealing with. The majesty and grandeur of the English language is the greatest possession we have. The noblest thoughts that ever flowed through the hearts of men are contained in its extraordinary, imaginative and musical

mixtures of sounds. And that's what you've set yourself out to conquer, Eliza. And conquer it, you will". – Professor Higgins.)

Дорогие читатели, полюбите английский язык, который вы изучаете, уделите ему время и силы, и он ответит вам взаимностью и откроет удивительный духовный мир и культуру народа и страны. Это поможет вам лучше понять себя, свой родной язык, свою культуру и весь мир. Это и есть сущность социокультурной компетенции, формированию которой уделяется большое внимание. Ведь именно социокультурная составляющая обеспечивает культуроведческую направленность, включение обучающихся в диалог культур, что так важно для будущих переводчиков. Собственно социокультурная компетенция состоит из социолингвистической, предметной/тематической, общекультурной и страноведческой компетенций.

Языковой опыт и накопленные знания, умения способствуют формированию коммуникативной компетенции, которая наряду с языковой, речевой включает и социокультурную компетенцию, когда обучаемый овладевает фоновыми знаниями, страноведческими и общекультурными знаниями, умениями и навыками. Формирование социокультурной компетенции при обучении первокурсников дисциплине «История и культура страны изучаемого языка» происходит с учетом принципов коммуникативной направленности, проблемности, принципа диалога культур, который характеризует «отношение культуры к культуре как равноправной, равноценной при ее отличиях; способствует развитию в обществе социокультурного понимания принадлежности к национальному и мировому сообществу».

В течение длительного времени занятия по истории и культуре Англии в Пермском национальном исследовательском политехническом университете проводились двумя преподавателями, принадлежащими к англо- и русскоязычной культурам, поэтому в реальных коммуникативных ситуациях студенты впитывали культуру Великобритании, наблюдали сходство и различие языков и культурных особенностей, получали знания об ином языковом сообществе.

Формирование социокультурной компетенции происходит не только в учебной аудитории, но и за ее пределами. Участвуя в мероприятиях, студенты преодолевают как языковой, так и культурный барьер для эффективного общения с представителями других культур.

Знание традиций, обычаев, бытовой культуры, национальной культуры мира, художественной литературы (прозы и поэзии), отражающей культуру того или иного этноса, помогает преодолевать трудности в общении с носителями другого языка. Мы полностью согласны с С.Г. Тер-Минасовой, утверждающей, что «языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках».

Поэтические произведения занимают особое место в изучении языка и культуры Англии, поэтому в курсе дисциплины «История и культура Англии» первокурсники знакомятся с удивительным миром иноязычной культуры, исторических событий и литературы, важной составляющей которой является английская поэзия.

Невозможно изучать иностранный язык без знания культуры и искусства страны. Особенно это важно для наших студентов – бакалавров-лингвистов, будущих переводчиков. Перед ними открывается языковая картина мира, отличная от той, которая имеется в их сознании. «Картина мира, окружающая носителей языка, не просто отражается в языке, она и формирует язык и его носителя, и определяет особенности речеупотребления» (Тер-Минасова С.Г., с. 34).

Тот факт, что предмет «История и культура Англии» вели в течение многих лет преподаватели – носители языка (проф. Ноттингемского университета г-н С. Лунга, последние два года г-н Р. Хоукс) в тандеме с доцентами кафедры ИЯЛиМК (ныне ИЯЛП) Н.В. Чудиновой и С.Г. Улитиной, т.е. представителями русской культуры, позволил выработать «в сознании учащихся понятия о новых предметах и явлениях, не находящих аналогии ни в их родной культуре, ни в их родном языке». Благодаря этому студенты получили более полное и многогранное знание культуры Англии, поскольку мир носителей английского языка был представлен с учетом их ментальности, а также через призму родной для учащихся культуры. Иногда это происходило через столкновение взглядов, ведь «две национальные культуры никогда не совпадают полностью – это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов» (Верещагина Е.Н., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990, с. 30).

Встреча «За круглым столом», посвященная чтению шекспировских сонетов в переводах на русский язык, вызвала большой интерес: студенты не только декламировали сонеты, но и читали отрывки из трагедий «Ромео и Джульетта», «Король Лир» и других произведений на английском языке и в переводах на русский. Этому мероприятию предшествовала поисковая работа: студенты работали с литературными источниками и вели поиск в Интернете, собирали и анализировали информацию, чтобы написать небольшой реферат и сделать мультимедийную презентацию. Несколько презентаций было посвящено В. Шекспиру, его жизни и творчеству. Студенты познакомились с миром Средневековья, эпохой королевы Елизаветы, когда появился театр «Глобус», с этапами творчества великого драматурга, автора сонетов.

Один из рефератов, посвященный поэме «Беовульф», возвращает нас во времена вторжения англо-саксонских племен в Британию. Автор поэмы неизвестен, но создана она была в X веке. Манускрипт хранится в Британском Музее в Лондоне, но только специалист сможет прочитать оригинал.

В 1397 году Дж. Чосер опубликовал «Кентерберийские рассказы». Эта наиболее важная литературная работа Средневековья, в которой в поэтической форме описаны жизнь и обычаи средневековой Англии, тоже привлекла внимание студентов. В этой серии рассказов в стихах Дж. Чосер изобразил персонажей, взятых из реальной жизни. Для него это не просто «богач» или «бедняк», а представитель определенного слоя общества. Он описал индивидуальные черты характеров в соответствии с их родом занятий и статусом так, что они вдруг стали типичными для своего класса, а собранные вместе они образуют один народ – английский народ со своим национальным характером.

Давайте соотнесем это с историческими событиями того времени, когда правила династия Тюдоров. Более ста лет Англия была в состоянии войны с Францией (1337–1453). Это была так называемая Столетняя война, в течение которой пять английских королей воевали против пяти французских королей, чтобы вернуть земли во Франции. Но к 1453 году они потеряли все земли, кроме пролива Кале.

Таким образом, на занятиях у студентов, изучающих исторические события, происходящие в Британии, Англии, и, соответственно, литературу и искусство, формируется социокультурная компетенция. В их сознании предстает национальная картина мира, язык которого они изучают, в диахронии и синхронии. В настоящее время актуальным является использование информационно-коммуникационных технологий. Практически на каждом занятии при изучении английской поэзии используются видеофрагменты: студенты погружаются в мир шекспировских героев, наслаждаются декламацией стихотворений Р. Бернса в исполнении британских актеров, слушают песни, написанные на его стихи, например новогоднюю застольную *Auld Lang Syne* («Старая дружба»); знакомятся с поэзией Теннисона (*The Lady of Shallot*), с творчеством нашего современника Шеймаса Хини (*Blackberry Picking*).

Во время «Шекспировских чтений», мультимедийных презентаций преподавателем проводилась видеосъемка с последующим просмотром и анализом исполнения, что способствовало улучшению качества подготовки студентов к занятиям и повышению их мотивации.

В результате проведенной работы изменилось отношение студентов как к самому курсу истории и культуры, так и к английской поэзии, с которой они познакомились и полюбили, об этом они написали в финальном опросе. Приведем несколько комментариев студентов-первокурсников о роли английской поэзии в их жизни:

Ст. 1. «Говоря об английской поэзии, каждый из нас представляет образ В. Шекспира или Дж. Байрона. Я не отрицаю, эти поэты уникальны и прекрасны, но это далеко не весь список английских поэтов. К сожалению, многие люди забывают о таких выдающихся поэтах, как Р. Бернс, В. Блейк, П. Шелли, но мой любимый поэт – это Р. Киплинг. Он не только представил миру свою знаменитую «Книгу джунглей», но и писал удивительные стихи. Они несут такую силу, такой жизненный заряд, что я взрываюсь от эмоций и мыслей».

Ст. 2. «Поэзия – это одно из лучших “изобретений” человечества. Английская поэзия – это возможность соприкоснуться с искусством. Я думаю, что она “окрасила мой мир в яркие тона”».

Ст. 3. «При изучении британской истории и культуры мое внимание привлекла английская поэзия. Она помогла мне узнать многих выдающихся поэтов. Английская поэзия дает мне возможность развивать свой внутренний мир, расширять кругозор и культурное мировоззрение. Как вы знаете, я учусь, чтобы получить диплом переводчика, и я не могу представить себе профессионала без знания английской культуры, особенно английской поэзии. Я могу сказать, что без этих знаний я не могу считать себя человеком образованным».

Итак, изучение английской поэзии и чтение переводов поэтических произведений на родном языке способствует тому, что студенты постигают культуру другого народа, его язык и эстетические ценности. Это вдохновляет студентов на более глубокие лингвистические исследования в области поэзии, например, выпускная квалификационная работа студентки Анны Плотниковой была посвящена исследованию проблемы перевода английской поэзии на русский язык. Некоторые материалы из этой работы мы включили в данный сборник.

Использование английской поэзии в курсах «История и культура Англии» и «Практическая фонетика и культура голоса» обеспечивает культуроведческую направленность обучения, вовлекает студентов в новый мир, отражающий ценности, жизненный опыт, эмоции носителей языка, включает их в диалог культур. При этом на 1-м курсе, на начальном этапе обучения, происходит формирование социокультурной составляющей, что соответствует цели образования – обеспечить вхождение человека в социум и помочь адаптироваться в нем.

Роль поэзии в постановке голоса и произношения

Невозможно переоценить роль поэтических произведений в изучении иностранного языка. У каждого языка свой мир звуков, и именно поэзия дает возможность почувствовать музыкальную, эстетическую сторону языка и насладиться красотой его звучания. Вот почему поэзия играет важную роль и занимает особое место в таком курсе, как «Практическая фонетика и культура голоса». На занятиях студенты систематически упражняются в декламации стихов и пении, что способствует развитию голоса, слуха, чувства ритма речи, артикуляции, а следовательно, и дикции, что важно в профессии устного переводчика.

Чтение поэзии вслух не только помогает устранить дефекты речи, которых не должно быть у устных переводчиков, но и развивает ритм, интонацию и модуляцию голоса.

Через дикционные тренинги, включающие разучивание и проговаривание рифмовок и поговорок, чтение вслух и декламацию литературных произведений – стихов и прозы, мелодекламации, происходит формирование голосовой культуры.

Поэтические произведения занимают особое место в изучении языка и культуры и составляют органичную часть занятий по иностранному языку как один из видов тренировочного материала. В них студенты встречаются с текстом, т.е. поэтическим искусством, и с актерским искусством исполнителя. Все эти аспекты сливаются, обладая большим потенциалом, и могут быть направлены на достижение главной цели – формирования выразительности и силы звучащего голоса.

На начальном этапе обучения иностранному языку стихи могут стать дополнительным материалом для формирования таких фонетических характеристик и просодических элементов, как ударение, ритм и паузация. Чтение вслух стихотворных текстов, работа над звучанием поэтического слова дают возможность студентам почувствовать красоту звуковой ткани языка, ощутить ритм как средство выразительности. Таким образом, работа над поэтической стороной песенных материалов способствует развитию навыков просодического оформления высказывания.

Структурно-композиционная и ритмическая организация стихов (поэтическая сторона) поддерживает формирование таких навыков ритмического оформления речи, как фразовое ударение, паузация, темп и ритм. Как считает Х. Гросс, поэзия отличается от прозы более интенсивным использованием фонетических и вообще ритмических средств для передачи настроения, психического напряжения, волнения, различных эмоций и ощущений, чередований напряжения и релаксации.

Исполнение поэтических произведений способствует формированию навыка паузации и правильного синтагматического членения фразы на английском языке. Аналогия музыкальной фразировки песенных текстов, отражение в музыке границ речевых синтагм помогает наглядно иллюстрировать речевую фразировку.

На основе стихов можно выполнять разнообразные упражнения, нацеленные на формирование навыков восприятия интонационного рисунка (восходящий и нисходящий тон) и его адекватное воспроизведение в процессе говорения и чтения. Английская поэзия в исполнении актеров – носителей языка вызывает истинно эстетическое наслаждение, поэтому аудио- и видеофрагменты с декламацией поэзии органично дополняют занятия по английскому языку.

Хорошей мотивацией к совершенствованию навыков декламации поэзии является организация конкурсов чтецов и перевода английской поэзии среди студентов языковых и технических специальностей. Перевод стихотворения Шеймаса Хини *Blackberry Picking*, выполненный победителем конкурса переводов Арсением Шадриним, мы включили в сборник.

Декламация поэтического произведения требует тщательной подготовки. *Декламационный* художественный стиль – это эмоционально-экспрессивный интонационный стиль, это письменная форма языка, читаемая вслух или наизусть. Такой стиль речи можно услышать на сцене, на киноэкране. Декламация характеризуется достаточной громкостью, которая зависит от размера аудитории и эмоциональной окраски произведения; долгими паузами между фрагментами, эмфатическими паузами, подчеркивающими выразительность сказанного; четкой ритмичностью; часто используется категоричный нисходящий тон и высокий падающий тон в завершении фраз и в семантических центрах высказывания.

Вербальная сторона стиха, текст, способствует развитию артикуляции и дикции, рифма способствует запоминанию. Во время декламации темп замедлен, гласные удлиняются, что приближает речь к полному стилю произношения, это можно использовать для постановки произношения студентов на начальном этапе. В свою очередь гласный звук зависит от предшествующего согласного, поэтому невозможно добиться хорошей дикции, не учитывая произношения согласных, которые звучат в процессе декламирования более отчетливо, чем в обычной речи. В поэтическом произведении исполнитель задает темп соответственно содержанию произведения, его эмоциональной окраске: нежная, лирическая окраска соответствует плавному и медленному темпу, решительная, гневная и волнующая – быстрому.

Ритм в поэтическом произведении несет семантическую и экспрессивную нагрузку. Кроме того, ритм может выступать и как средство речевой выразительности, которое возбуждает нервную систему и вызывает эмоциональный отклик. Ритмическая организация речи придает слову дополнительную энергетическую силу.

Систематические упражнения в декламации поэтических произведений способствуют развитию голоса, слуха, чувства ритма речи, артикуляции, а следовательно, и дикции. Разучивание стихов с повторами способствует закреплению правильной артикуляции и произнесению звуков, правил фразового ударения и ритма. Кроме того, чтение поэзии вслух не только помогает устранить дефекты речи и произношения, но и развивает музыкальную сторону речи – ритм, интонацию и модуляцию голоса. Это объясняется тем, что фонематический слух и слуховой контроль находятся в тесной взаимосвязи с развитием артикуляционного аппарата.

Методические рекомендации

Ниже мы приводим ряд рекомендаций, как учить английские стихи *by heart* (наизусть) на примере стихотворения Уильяма Блейка «Ночь». Современный читатель, каковым является и наш студент, мало знаком с подлинным Блейком. Вот что пишет биограф Блейка, наш известный литературовед и писатель Маризетта Шагинян: «Трудно, почти невозможно перевести на русский язык во всем их музыкальном и духовном очаровании стихи Блейка, – их надо читать в оригинале. Слишком много разнообразных требований предъявляют они переводчику, – воздушно-легкая ткань, но энергично-сильный ритм; неповторимая оригинальность образа и глубокая неожиданность мысли, всё это вместе и всё это – на волнах музыкальнейшего, лаконичнейшего языка полуробенка, полумудреца».

<p>Night by William Blake</p> <p>The sun descending in the west, The evening star does shine, The birds are silent in their nest, And I must seek for mine. The moon like a flower, In heaven's high bower, With silent delight Sits and smiles on the night.</p>	<p>Ночь Вильям Блейк (подстрочный перевод)</p> <p>Солнце, опускающееся на западе, Вечерняя звезда светит, Птицы молчат в своем гнезде, И я должен отыскать своё. Луна, как цветок, В небесном высоком жилище, С бесшумным обаянием, Сидит и улыбается в ночи.</p>
--	--

Для начала найдите рифму в конце каждой строки – это поможет вам в чтении незнакомых слов и понимании фонетического рисунка стиха. Например, в первой строфе перекрестная рифма:

West – nest; shine – mine;

Во второй строфе смежная рифма:

Flower – bower; delight – night.

Затем выпишите трудные для произнесения и незнакомые слова. Если вы посвятите немного времени самостоятельным поискам ассоциаций и сделаете какое-нибудь интересное открытие, вам будет легко запомнить любое трудное слово. Итак:

The **sun** descending in the west,

The evening **star** does shine,

The **birds** are silent in their nest,

And **I** must seek for mine.

В первой строчке трудное слово: *descending* – спускающееся (от descend – *спускаться, опускаться*) de – scend – ing [di'sending]; ascend – подниматься (противоположно направленное действие); ascend – **descend** (подниматься – опускаться).

Для лучшего запоминания подберем к каждой из четырех строк главное слово:

1) **sun** – солнце;

2) **star** – звезды;

3) **birds** – птицы;

4) **I** – я.

Почувствуйте ритм стиха. Читая стихотворение, обязательно постукивайте пальцами по столу в такт стиху. Обратите внимание на ритм первых четырех строчек. Он трехдольный:

The **sun** / descending / in the **west**

The evening / **star** / does shine,

The **birds** / are **silent** / in their **nest**,

And **I** / must seek / for **mine**.

Во втором четверостишье ритм становится двудольным, более экспрессивным и легким, а образы остаются столь же яркими и запоминающимися:

The **moon** like / a **flower**,

In heaven's high / **bower**,

With silent / **delight**

Sits and smiles / on the **night**.

Если у вас более развита зрительная память, напишите стихи фломастерами на больших листах и повесьте их на стенах. Время от времени читайте их вслух. Нужно, чтобы память запечатлела образ каждого слова.

Если у вас хорошо развита слуховая память, запишите стихотворение на диктофон и прослушивайте столько раз, сколько необходимо, чтобы запомнить. Через неделю замените эти стихи другими. И помните: He who would search for pearls must dive below.

Читайте, учите стихи наизусть. Нет лучшего способа вживаться в язык, развивать свою речь и голос. Разучивая стихи, вы развиваете память и учитесь мыслить ассоциативно, что крайне важно для того, чтобы свободно говорить на английском. Учить стихи – это весело. Позитивное, порой шутовое содержание стихотворения улучшает наш эмоциональный настрой, а значит, вносит свою крупинку в улучшение физического здоровья.

Желаем вам хорошего настроения и приятного обучения!

ᚷᚢᚱᚦᚢᚱ

Поэзия – высшая форма бытия национального языка.

В поэтическом творчестве с наибольшей полнотой и концентрированностью выражается дух народа – своеобразие его исторического и культурного развития, его психического строя.

Понять поэзию другого народа – значит понять другой национальный характер, эмоциональный мир другой культуры.

Е.Г. Эткинд

ᚷᚢᚱᚦᚢᚱ

ᚷ The Birth of English Literature ᚷ

In the late 6th and early 7th centuries when Christianity came to British Isles, everything was in Latin as the more “learned” language. But for our general knowledge of early English literature we have to thank the Viking pirates of the 9th century. They robbed Anglo-Saxon monasteries, and Latin learning declined. So King Alfred the Great decided to promote writing and education in English.

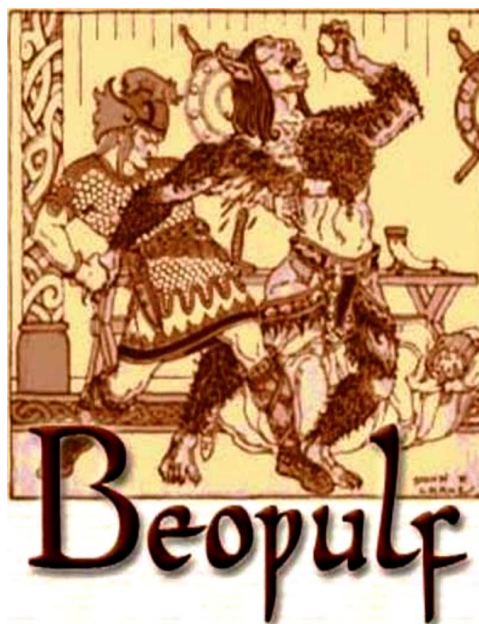
Several collections of excellent poetry survived. Some of them are Christian in content, but others present a mixture of Christian and pagan ideas. From this poetry, we know that even seemingly Christian Anglo-Saxons were often warlike and preferred gold, feasts and heroic actions rather than prayers.

The most brilliant (and the most complete) piece of such poetry is the epic poem “Beowulf” telling the story of a hero who fought monsters. But the story is not about Anglo-Saxons – it takes place in Denmark and Sweden. This might be due to the fact that some of the newcomers to Britain – Jutes, most notably – were of Scandinavian origin.

The language of the Anglo-Saxon records is now called Old English. Technically, it is the language spoken between the 5th and 11th centuries AD (until the Norman invasion 1066). Today, it is very difficult to read even for an English person. So most people read Old English poetry in modern translations – like the one you see below.

ᚷ Beowulf ᚷ

Not much Anglo-Saxon poetry of the pagan period has come down to us. By far the most important remaining example is the epic “Beowulf”, of about three thousand lines. This poem may have been carried to England in the form of ballads by the Anglo-Saxons; or it may be Scandinavian material, later brought in by Danish or Norwegian pirates. At any rate it seems to have taken on its present form in England during the seventh and eighth centuries. It relates, with the usual terse and unadorned power of really primitive poetry, how the hero Beowulf, coming over the sea to the relief of King Hrothgar, delivers him from a monster, Grendel, and then from the vengeance of Grendel's only less formidable mother. Returned home in triumph, Beowulf much later receives the due reward of his valor by being made king of his own tribe, and meets his death while killing a fire – breathing dragon which has become a scourge to his people.

From BEOWULF

*Beowulf kills a horrible man-eating troll called Grendel, yet has to face the even more terrible female monster who is Grendel's mother.
Translation from Old English by Marijane Osborn.*

Then by the shoulder Beowulf seized
Grendel's mother – the Geat was now
furious, and had few qualms about fighting –
and swung her, hard, so she smashed to the floor!
Promptly she paid him back for that pass,
closing upon him with a clammy embrace,
and, weary, that strongest of warriors stumbled;
catching his foot, he went crashing down.
She straddled her hall-guest and drew her *sax*,
a gleaming knife; she wanted to get
vengeance for her child. But on his chest
lay the woven sark; that saved his life
with iron rings that blunted both point and blade.
Edgetheow's son would have ended his days
there under the pool, the prince would have per-
ished,
except he was helped by his woven sark,
that hard net of war – and by holy God,
who brought him victory in that battle.
The Ruler of the Skies decided it rightly,
with ease, when Beowulf stood up again.

He saw before him a fabulous blade
among other armor, an ancient sword
worthy of a warrior, the choicest of weapons –
except it was mightier than any other man
could bear into battle but Beowulf,
heavy and ornate, the handwork of giants.
The daring champion of the Shieldings dived
for that radiant hilt, raised it high,
despairing of his life, lunged angrily,
slashing down hard through the skin of her neck,
breaking the vertebrae, the blade vanishing
through her. Fated, she fell to the floor.
The warrior rejoiced, lifting his weapon.

Из Беовульфа

*Беовульф убивает тролля-людоеда Грен-
деля, но ему предстоит встретиться с
не менее ужасным монстром – матерью
Гренделя.
Перевод с древнеанглийского
В. Тихомирова*

Не утрашился гаутский витязь:
схватил за плечи родитель Гренделя
и, гневом кипящий, швырнул врагиню,
тварь смертоносную метнул на землю;
она ж немедля ему ответила:
в него кровавыми впилась когтями
и тут, уставший, он оступился,
муж могучий, он рухнул наземь.
Уже, пришельцу на грудь усевшись,
она готовилась ножом широким
воздать за сына; но были доспехом
покрыты прочным плечи героя,
была кольчуга ножу преградой,
и сгинул бы воин, потомок Эгтеова,
вождь гаутский, в водной пучине,
когда б не спасла его сбруя ратная,
сеть боевая, когда б Всевышний
Правитель Славы, его покинул;
но Бог справедливо судил – и витязь
воспрянул, ратник сильный, как прежде.
Тогда он увидел среди сокровищ
орудие славное, меч победный,
во многих битвах он был испытан,
клинок – наследие древних гигантов;
несоразмерный, он был для смертного
излишне тяжек в игре сражений,
но ухватился герой за черен,
посланец Скильдинга, страха не знаю-
щий,
сплеча ударил и снес ей голову, –
шею рассекши, разбив хребтину,
пронзило лезвие плоть зломерзостную;
тварь издохла; клинок окровавился;
герой возрадовался!

☞ Folk Ballads of Robin Hood ☜

In the 15th century folk poetry flourished in England and Scotland. The best of folk poetry were the ballads – narratives in verse, partly lyrical, partly epic. There were various kinds of ballads: historical, legendary, lyrical and humorous. They became so popular that the names of their authors were forgotten.

The ballads were handed down by word of mouth from generation to generation. The most popular ones were those about Robin Hood – partly legendary, partly historical character.

Robin Hood is a heroic outlaw in English folklore, and was also a highly skilled archer and swordsman. Although such behaviour was not part of his original character, since the beginning of the 19th century he has become known for “robbing from the rich and giving to the poor”, assisted by a group of fellow outlaws known as his “Merry Men”. Traditionally, Robin Hood and his men are depicted wearing Lincoln green clothes.

In the earliest sources, Robin Hood is a yeoman, but he was often later portrayed as an aristocrat wrongfully dispossessed of his lands and made into an outlaw by an unscrupulous sheriff. He lived in about the second half of 12th century, in the times of King Henry II and his son Richard the Lion Heart. In those days many of the big castles belonged to robber-barons, who ill-treated the people, stole children and took away the cattle and corn of the villeins.

If the country-folk resisted, they were either killed by the barons or driven away, and their homes were destroyed. They had no choice but to go out in bands and hide in the woods; then they were declared “outlaws” (outside the protection of the law).

The 19th century ballad scholar Francis Child collected 38 separate Robin Hood ballads in his ballad collection – as well as a few other ballads which featured Robin Hood in some versions but not in others. Composed over hundreds of years, these ballads form the Robin Hood legend. Scenes from these tales have been used in many novels, movies and television shows.

Some ballads have been adapted in modern English. The numbers are those assigned by the great 19th century scholar Francis Child in his multi-volume collection “The English and Scottish Popular Ballads” (the volume with the Robin Hood ballads appeared in 1888).

☞☜☞☜

Ballad

1

Robin Hood hee was and a tall young man,
Derry derry down
And fifteen winters old,
And Robin Hood he was a proper young man,
Of courage stout and bold.
Hey down derry derry down.

2

Robin Hood he would and to fair Nottingham,
With the general for to dine;
There was he ware of fifteen forresters,
And a drinking bear, ale, and wine.

3

“What news? What news?” said bold Robin Hood;
“What news, fain wouldest thou know?”
“Our king hath provided a shooting-match”:
“And I'm ready with my bow”.

4

“We hold it in scorn”, then said the forresters,
“That ever a boy so young
Should bear a bow before our king,
That's not able to draw one string”.

5

“I'le hold you twenty marks”, said bold Robin Hood,
“By the leave of Our Lady,
That I'le hit a mark a hundred rod,
And I'le cause a hart to dye”.

6

“We'l hold you twenty mark”, then said the forresters,
“By the leave of Our Lady,
Thou hitst not the marke a hundred rod,
Nor caushest a hart to dye”.

7

Robin Hood he bent up a noble bow,
And a broad arrow he let flye,
He hit the mark a hundred rod,
And he caushest a hart to dye.

8

Some said hee brake ribs one or two,
And some said hee brake three;
The arrow within the hart would not abide,
But it glanced in two or three.

9

The hart did skip, and the hart did leap,
And the hart lay on the ground,
“The wager is mine”, said bold Robin Hood,
“If 't were for a thousand pound”.

10

“The wager's none of thine”, then said the forresters,
“Although thou beest in haste;

Take up thy bow, and get thee hence,
Lest wee thy sides do baste”.

11

Robin Hood he took up his noble bow,
And his broad arrows all amain,
And Robin Hood he laught, and begun to smile,
As hee went over the plain.

12

Then Robin Hood hee bent his noble bow,
And his broad arrows he let flye,
Till fourteen of these fifteen forresters
Upon the ground did lye.

13

He that did this quarrel first begin
Went tripping over the plain,
But Robin Hood he bent his noble bow,
And hee fetcht him back again.

14

“You said I was no archer”, said Robin Hood,
“But say so now again”;
With that he sent another arrow
That split his head in twain.

15

“You have found mee an archer”, saith Robin Hood,
“Which will make your wives to wring,
And wish that you had never spoke the word,
That I could not draw one string”.

16

The people that lived in fair Nottingham
Came runing out amain,
Supposing to have taken bold Robin Hood,
With the forresters that were slain.

17

Some lost legs, and some lost arms,
And some did lose their blood,
But Robin Hood hee took up his noble bow,
And is gone to the merry green wood.

18

They carryed these forresters into fair Nottingham,
As many there did know;
They digd them graves in their church-yard,
And they buried them all a row.

ନିଃସଂସ୍କୃତ

БОЖУРА

Балладный цикл о Робин Гуде насчитывает более четырех десятков баллад, повествующих о различных приключениях героя и его товарищей.

Точное время возникновения баллад о Робин Гуде трудно установить; предположительно они восходят к XI веку, ко времени завоевания Англии нормандскими рыцарями. В этих легендах отразилась борьба против чужеземных нормандских феодалов, которые, по словам английского историка XII века Вильяма Мэльмсберийского (ок. 1080 – ок. 1143), «считали всё для себя дозволенным, проливали по прихоти кровь, вырывали у бедняка кусок хлеба изо рта, забирали всё: деньги, имущество, землю...».

Позднее крестьянская война Уолта Тайлора (1381) вызвала появление новых баллад о Робин Гуде. Самые поздние варианты – XV века.

Согласно легенде Робин Гуд жил со своей «веселой ватагой» в Шервудском лесу. Главными его врагами были ноттингамский шериф, жестоко притеснявший народ, и монахи.

«Народные баллады, – писал А.М. Горький, – рисуют Робин Гуда неутомимым врагом угнетателей – норманнов, любимцем поселян, защитником бедняков, человеком, близким всякому, кто нуждался в его помощи. И в благодарность за это поэтическое чувство народа сделало из простого, может быть, разбойника героя, почти равного святому» (предисловие к сборнику «Баллады о Робин Гуде», Петербург, 1919).

С. Маршак «Три баллады о Робин Гуде»

БОЖУРА

Рождение Робин Гуда. Впервые под названием «Робин Гуд» с первой строкой «Был Вилли статным молодцом...» перевод появился в сборнике «Избранные переводы» (1946). Готовя к печати второй том сборника «Стихи, сказки, переводы» (1952), С. Маршак внес значительную стилистическую правку текста перевода.

Согласно одним легендам Робин Гуд был по происхождению йоменом (вольным крестьянином); согласно другим – знатным дворянином. В варианте баллады, переведенном С. Маршаком, его мать – дочь графа.

Робин Гуд и мясники. Упоминаемый в балладе Маленький Джон – неперменный персонаж английских баллад о Робин Гуде, его первый помощник. Прозвище ироническое, так как, по преданию, Маленький Джон был очень высокого роста (семи футов).

Робин Гуд и шериф. С. Маршак перевел эту балладу в 1914–1915 годах; сохранился автограф первой половины перевода баллады, сильно отличающегося от нового перевода 1945–1946 годов. (Печатается по сборнику «Избранные переводы», 1959).

БОЖУРА

Willie And Earl Richard's Daughter

O Willie 's large o limb and lith,
And come o high degree,
And he is gane to Earl Richard,
To serve for meat and fee.

Earl Richard had but ae daughter,
Fair as a lily-flower,
And they made up their love-contract
Like proper paramour.

It fell upon a simmer's nicht,
Whan the leaves were fair and green,
That Willie met his gay ladie
Intil the wood alane.

“O narrow is my gown, Willie,
That wont to be sae wide;
And gane is a' my fair colour,
That wont to be my pride”.

“But gin my father should get word
What's past between us twa,
Before that he should eat or drink”,
He 'd hang you oer that wa.

“But ye'll come to my bower, Willie,
Just as the sun gaes down,
And kep me in your arms twa,
And latna me fa down”.

O whan the sun was now gane down,
He 's doen him till her bower,
And there, by the lee licht o the moon,
Her window she lookit oer.

Intill a robe o red scarlet
She lap, fearless o harm;
And Willie was large o lith and limb,
And keppit her in his arm.

And they 've gane to the gude green wood,
And, ere the night was deen,
She 's born to him a bonny young son,
Amang the leaves sae green.

Whan night was gane, and day was come,
And the sun began to peep,
Up and raise the Earl Richard
Out o his drowsy sleep.

Рождение Робин Гуда

Он был пригожим молодцом,
Когда служить пошел
Пажом усердным в графский дом
За деньги и за стол.

Ему приглянулась хозяйская дочь,
Надежда и гордость отца,
И тайною клятвой они поклялись
Друг друга любить до конца.

Однажды летнею порой,
Когда раскрылся лист,
Шел у влюбленных разговор
Под соловьиный свист.

– О Вилли, тесен мой наряд,
Что прежде был широк,
И вянет-вянет нежный цвет
Моих румяных щек.

Когда узнает мой отец,
Что пояс тесен мне,
Меня запрет он, а тебя
Повесит на стене.

Ты завтра к окну моему приходи
Украдкой на склоне дня.
К тебе с карниза я спущусь,
А ты поймай меня!

Вот солнце встало и зашло,
И ждет он под окном
С той стороны, где свет луны
Не озаряет дом.

Открыла девушка окно,
Ступила на карниз
И с высоты на красный плащ
К нему слетела вниз.

Зеленая чаща приют им дала,
И прежде чем кончилась ночь,
Прекрасного сына в лесу родила
Под звездами графская дочь.

В тумане утро занялось
Над зеленью дубрав,
Когда от тягостного сна
Очнулся старый граф.

<p>He's ca'd upon his merry young men, By ane, by twa, and by three: "O what's come o my daughter dear, That she 's nae come to me?"</p> <p>"I dreamt a dreary dream last night, God grant it come to gude! I dreamt I saw my daughter dear Drown in the saut sea flood".</p> <p>"But gin my daughter be dead or sick, Or yet be stown awa, I mak a vow, and I'll keep it true, I'll hang ye ane and a!"</p> <p>They sought her back, they sought her fore, They sought her up and down; They got her in the gude green wood, Nursing her bonny young son.</p> <p>He took the bonny boy in his arms, And kist him tenderlie; Says, Though I would your father hang, Your mother 's dear to me.</p> <p>He last him oer and oer again: "My grandson I thee claim, And Robin Hood in gude green wood, And that shall be your name".</p> <p>And mony ane sings o grass, o grass, And mony ane sings o corn, And mony ane sings o Robin Hood Kens little whare he was born.</p> <p>It wasna in the ha, the ha, Nor in the painted bower, But it was in the gude green wood, Amang the lily-flower.</p>	<p>Идет будить он верных слуг В рассветной тишине. – Где дочь моя и почему Не поднялась ко мне?</p> <p>Тревожно спал я в эту ночь И видел сон такой: Бедняжку-дочь уносит прочь Соленый вал морской.</p> <p>В лесу густом, на дне морском Или в степном краю Должны вы мертвой иль живой Найти мне дочь мою!</p> <p>Искали они и ночи и дни, Не зная покоя и сна, И вот очутились в дремучем лесу, Где сына качала она. «Баюшки-баю, мой милый сынок, В чаще зеленой усни. Если бездомным ты будешь, сынок, Мать и отца не вини!»</p> <p>Спящего мальчика поднял старик И ласково стал целовать. – Я рад бы повесить отца твоего, Но жаль твою бедную мать. Из чащи домой я тебя принесу, И пусть тебя люди зовут По имени птицы, живущей в лесу, Пусть так и зовут: Робин Гуд!</p> <p>Иные поют о зеленой траве, Другие – про белый лен. А третьи поют про тебя, Робин Гуд, Не ведая, где ты рожден. Не в отчем дому, не в родном терему, Не в горницах цветных, – В лесу родился Робин Гуд Под щебет птиц лесных.</p>
---	---

<p>Robin Hood and Butchers 1 Come, all you brave gallants, and listen a while, With hey down, down an a down That are in the bowers within; For of Robin Hood, that archer good, A song I intend to sing.</p>	<p>Робин Гуд и мясники Спешите на улицу, добрые люди, Послушайте песню мою. О славном стрелке, удалом Робин Гуде, Для вас я сегодня спою.</p>
--	--

<p>2 Upon a time it chanced so Bold Robin in forrest did spy A jolly butcher, with a bony fine mare, With his flesh to the market did hie.</p>	<p>В лесу на рассвете гулял Робин Гуд. Вдруг слышит он топот копыт. Мясник молодой на лошадке гнедой На рынок рысцою трусит.</p>
<p>3 “Good morrow, good fellow”, said jolly Robin, “What food hast? tell unto me; And thy trade to me tell, and where thou dost dwell, For I like well thy company”.</p>	<p>– Скажи, молодец, – говорит Робин Гуд, – В какой ты живешь стороне И что за товар ты везешь на базар? Ты больно понравился мне.</p>
<p>4 The butcher he answered jolly Robin: No matter where I dwell; For a butcher I am, and to Notingham I am going, my flesh to sell.</p>	<p>– Мне некогда, сударь, рассказывать вам, В какой я живу стороне, А мясо на рынок везу в Ноттингам Продать там по сходной цене.</p>
<p>5 “What is [the price] of thy flesh?” said jolly Robin, “Come, tell it soon unto me; And the price of thy mare, be she never so dear, For a butcher fain would I be”.</p>	<p>– Послушай-ка, парень, – сказал Робин Гуд, А сколько возьмешь ты с меня За все целиком: за мясо с мешком, Уздечку, седло и коня?</p>
<p>6 “The price of my flesh”, the butcher repli'd, “I soon will tell unto thee, With my bonny mare, and they are not dear, Four mark thou must give unto me”.</p>	<p>– Немного возьму, – отвечает мясник, – Чтоб в город товар не везти. За мясо с мешком и коня с ремешком Пять марок ты мне заплати.</p>
<p>7 “Four mark I will give thee”, saith jolly Robin, “Four mark it hall be thy fee; Thy mony come count, and let me mount, For a butcher I fain would be”.</p>	<p>– Бери свои деньги, – сказал Робин Гуд, – Бери заодно с кошельком И пей за меня, чтобы с этого дня Счастливым я стал мясником!</p>
<p>8 Now Robin he is to Notingham gone, His butcher's trade to begin; With good intent, to the sheriff he went, And there he took up his inn.</p>	<p>Верхом прискакал Робин Гуд в Ноттингам, Проехал у всех на виду, К шерифу пошел – и деньги на стол За место в торговом ряду.</p>
<p>9 When other butchers they opened their meat, Bold Robin he then begun; But how for to sell he knew not well, For a butcher he was but young.</p>	<p>С другими купцами он сел торговать, Хоть с делом он не был знаком, Не знал, как продать, обмануть, недодать. Он был мясником-новичком.</p>
<p>10 When other butchers no meat could sell, Robin got both gold and fee; For he sold more meat for one peny Than others could do for three.</p>	<p>Но шибко торговля пошла у него. Что хочешь плати – и бери! За пенни свинины он больше давал, Чем все остальные за три.</p>
<p>11 But when he sold his meat so fast, No butcher by him could thrive; For he sold more meat for one peny Than others could do for five.</p>	<p>Он только и знал – зазывал, продавал, Едва успевал отпускать. Он больше говядины продал за час, Чем все остальные за пять.</p>

12

Which made the butchers of Nottingham
To study as they did stand,
Saying, surely he was some prodigal,
That had sold his father's land.

13

The butchers they stepped to jolly Robin,
Acquainted with him for to be;
"Come, brother", one said, "we all be of one trade,
Come, will you go dine with me?"

14

"Accurst of his heart", said jolly Robin,
"That a butcher both deny;
I will go with you, my brethren true,
And as fast as I can hie".

15

But when to the sheriff's house they came,
To dinner they hied apace,
And Robin he the man must be
Before them all to say grace.

16

"Pray God bless us all", said jolly Robin,
"And our meat within this place;
A cup of sack so good will nourish our blood,
And so I do end my grace".

17

"Come fill us more wine", said jolly Robin,
"Let us merry be while we do stay;
For wine and good cheer, be it never so dear,
I vow I the reckning will pay".

18

"Come, brother[s], be merry", said jolly Robin,
"Let us drink, and never give ore;
For the shot I will pay, ere I go my way,
If it cost me five pounds and more".

19

"This is a mad blade", the butchers then said;
Saies the sheriff, He is some prodigal,
That some land has sold, for silver and gold,
And now he doth mean to spend all.

20

"Hast thou any horn-beasts", the sheriff repli'd,
"Good fellow, to sell unto me?"
"Yes, that I have, good Master Sheriff,
I have hundreds two or three".

21

"And a hundred aker of good free land,
If you please it to see;
And I'll make you as good assurance of it
As ever my father made me".

– Дворянский сынок, – мясники говорят, –
В убыток себе продает.
Он, видно, отца разорит до конца,
Бездельник, повеса и мот!

Подходят знакомиться с ним мясники.
– Послушай, собрат и сосед,
На рынке одном мы товар продаем.
Должны разделить и обед.

– Мы все мясники, – отвечал Робин Гуд, –
Одна небольшая семья.
Сочту я за честь попить и поесть
И чокнуться с вами, друзья!

Толпою к шерифу пришли они в дом,
Садятся обедать за стол.
– А младший наш брат, – мясники говорят, –
Молитву за нас бы прочел.

– Помилуй нас, боже, – сказал Робин Гуд,
Дай хлеб нам насущный вкусить
И выпить винца, чтоб согрелись сердца!
Мне не о чем больше просить.

– А ну-ка, хозяйка, – сказал Робин Гуд, –
Друзей угостить я хочу.
Давай нам вина, и по счету сполна
За всех я один заплачу.

– Вы пейте и ешьте, – сказал Робин Гуд, –
Пируйте весь день напролет.
Не все ли равно, что стоит вино!
Беру на себя я расчет.

– Дворянский сынок! – говорят мясники,
– Он продал имение отца
И весь свой доход за будущий год
Решил промотать до конца.

– Давно ль, – говорит Робин Гуду шериф, –
Ты в наши приехал места?
Как жив и здоров и много ль голов
Рогатого держишь скота?

– Рогатого много держу я скота –
Две сотни голов или три, –
А впрочем, наведайся в наши места
И сам на него посмотри.
Пасется мой скот по лесам, по лугам,
Телята сейчас у коров.

<p>22 The sheriff he saddled a good palfrey, With three hundred pound in gold, And away he went with bold Robin Hood, His horned beasts to behold.</p>	<p>И, если захочешь, тебе я продам Задешево сотню голов! Садится шериф на гнедого коня, Три сотни червонцев берет</p>
<p>23 Away then the sheriff and Robin did ride, To the forrest of merry Sherwood; Then the sheriff did say, God bless us this day From a man they call Robin Hood!</p>	<p>И едет верхом за лихим мясником В леса покупать его скот. В Шервудскую чащу въезжают они – Охотников славных приют. – Спаси меня, боже, – воскликнул шериф, – Коль встретится нам Робин Гуд!</p>
<p>24 But when that a little further they came, Bold Robin he chanced to spy A hundred head of good red deer, Come tripping the sheriff full nigh.</p>	<p>По узкой тропе они едут вдвоем. И вдруг увидел Робин Гуд: Лесные олени меж темных ветвей От них врассыпную бегут.</p>
<p>25 “How like you my horned beasts, good Master Sheriff? They be fat and fair for to see”; “I tell thee, good fellow, I would I were gone, For I like not thy company”.</p>	<p>– Вот здесь и живет рогатый мой скот! Тут несколько сотен голов. Коль можешь купить, – тебе уступить Я сотню-другую готов!</p>
<p>26 Then Robin he set his horn to his mouth, And blew but blasts three; Then quickly anon there came Little John, And all his company.</p>	<p>Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд, И разом явились на зов С двух разных сторон и Маленький Джон, И семеро лучших стрелков.</p>
<p>27 “What is your will?” then said Little John, “Good master come tell it to me”; “I have brought hither the sheriff of Nottingham, This day to dine with thee”.</p>	<p>– Что скажешь? – спросил его Маленький Джон. Каков твой приказ, Робин Гуд? – Пожаловал к нам Ноттингамский шериф. Пускай ему ужин дадут!</p>
<p>28 “He is welcome to me”, then said Little John, “I hope he will honestly pay; I know he has gold, if it be but well told, Will serve us to drink a whole day”.</p>	<p>– Что ж, милости просим, почтенный шериф, Тебя поджидаем давно. Отличным жарким мы тебя угостим. А ты нам плати за вино!</p>
<p>29 Then Robin took his mantle from his back, And laid it upon the ground, And out of the sheriffe[’s] portmantle He told three hundred pound.</p>	<p>Дрожащий шериф протянул кошелек, Не молвив ни слова в ответ. И так же без слов отсчитал Робин Гуд Три сотенки звонких монет.</p>
<p>30 Then Robin he brought him thorow the wood, And set him on his dapple gray; “O have me commended to your wife at home”; So Robin went laughing away.</p>	<p>Потом он шерифа повел за собой, Опять посадил на коня И крикнул вослед: – Поклон и привет Жене передай от меня!</p>

Robin Hood Rescuing Three Squires	Робин Гуд и шериф
<p>There are twelve months in all the year, As I hear many men say, But the merriest month in all the year Is the merry month of May.</p>	<p>Двенадцать месяцев в году, Считай иль не считай. Но самый радостный в году Веселый месяц май.</p>
<p>Now Robin Hood is to Nottingham gone, With a link a down and a day, And there he met a silly old woman, Was weeping on the way.</p>	<p>Вот едет, едет Робин Гуд По травам, по лугам И видит старую вдову При въезде в Ноттингам.</p>
<p>“What news? what news, thou silly old woman? What news hast thou for me?” Said she, There 's three squires in Nottingham town To-day is condemned to die.</p>	<p>– Что слышно, хозяйка, у вас в городке? – Старуху спросил Робин Гуд. – Я слышала, трое моих сыновей Пред казнью священника ждут.</p>
<p>“O have they parishes burnt?” he said, “Or have they ministers slain? Or have they robbed any virgin, Or with other men's wives have lain?”</p>	<p>– Скажи мне, за что осудил их шериф? За что, за какую вину: Сожгли они церковь, убили попа, У мужа отбили жену?</p>
<p>“They have no parishes burnt, good sir, Nor yet have ministers slain, Nor have they robbed any virgin, Nor with other men's wives have lain”. “O what have they done?” said bold Robin Hood, “I pray thee tell to me”: “It's for slaying of the king's fallow deer, Bearing their long bows with thee”. “Dost thou not mind, old woman”, he said, “Since thou made me sup and dine? By the truth of my body”, quoth bold Robin Hood, “You could not tell it in better time”.</p>	<p>– Нет, сударь, они не виновны ни в чем. – За что же карает их суд? – За то, что они королевскую лань Убили с тобой, Робин Гуд. – Я помню тебя и твоих сыновей. Давно я пред ними в долгу. Клянусь головою, – сказал Робин Гуд, – Тебе я в беде помогу!</p>
<p>Now Robin Hood is to Nottingham gone, With a link a down and a day, And there he met with a silly old palmer, Was walking along the highway.</p>	<p>Вот едет, едет Робин Гуд Дорогой в Ноттингам И видит: старый пилигрим Плетется по холмам.</p>
<p>“What news? what news, thou silly old man? What news, I do thee pray?” Said he, Three squires in Nottingham town Are condemnd to die this day.</p>	<p>– Что слышно на свете, седой пилигрим? – Спросил старика Робин Гуд. – Трех братьев у нас в Ноттингамской тюрьме На смерть в эту ночь поведут.</p>
<p>“Come change thy apparel with me, old man, Come change thy apparel for mine;</p>	<p>– Надень-ка одежду мою, пилигрим. Отдай-ка свое мне тряпье, А вот тебе сорок монет серебром – И пей за здоровье мое!</p>
	<p>– Богат твой наряд, – отвечал пилигрим, – Моя одежонка худа.</p>

<p>Here is forty shillings in good silver, Go drink it in beer or wine”.</p> <p>“O thine apparel is good”, he said, “And mine is ragged and torn; Wherever you go, wherever you ride, Laugh neer an old man to scorn”.</p> <p>“Come change thy apparel with me, old churl, Come change thy apparel with mine; Here are twenty pieces of good broad gold, Go feast thy brethren with wine”.</p> <p>Then he put on the old man's hat, It stood full high on the crown: “The first bold bargain that I come at, It shall make thee come down”.</p> <p>Then he put on the old man's cloak, Was patchd black, blew, and red; He thought no shame all the day long To wear the bags of bread.</p> <p>Then he put on the old man's breeks, Was patchd from baliup to side; By the truth of my body, “bold Robin can say”, “This man lovd little pride”</p> <p>Then he put on the old man's hose, Were patchd from knee to wrist; o “By the truth of my body”, said bold Robin Hood, “I'd laugh if I had any list”.</p> <p>Then he put on the old man's shoes, Were patchd both beneath and aboon; Then Robin Hood swore a solemn oath, It's good habit that makes a man.</p> <p>Now Robin Hood is to Nottingham gone, With a link a down and a down, And there he met with the proud sheriff, Was walking along the town.</p> <p>“O save, O save, O sheriff”, he said, “O save, and you may see! And what will you give to a silly old man To-day will your hangman be?”</p> <p>“Some suits, some suits”, the sheriff he said, “Some suits I'll give to thee; Some suits, some suits, and pence thirteen To-day 's a hangman's fee”.</p>	<p>Над старым в беде и над нищим в нужде. Не смейся, сынок, никогда.</p> <p>– Бери, старичок, мой богатый наряд. Давай мне одежду свою, И двадцать тяжелых монет золотых Тебе я в придачу даю!</p> <p>Колпак пилигрима надел Робин Гуд, Не зная, где зад, где перед. – Клянусь головой, он слетит с головы, Чуть дело до дела дойдет!</p> <p>Штаны пилигрима надел Робин Гуд. Хорошие были штаны: Прорехи в коленях, прорехи с боков, Заплата пониже спины.</p> <p>Надел Робин Гуд башмаки старика И молвил: – Иных узнают По платью, а этого можно узнать, Увидев, во что он обут!</p> <p>Надел он дырявый, заплатанный плащ, И только осталось ему Клюкой подпереться да взять на плечо Набитую хлебом суму.</p> <p>Идет, хромая, Робин Гуд Дорогой в Ноттингам, И первым встретился ему Шериф надменный сам.</p> <p>– Спаси и помилуй, – сказал Робин Гуд. – На старости впал я в нужду. И если ты честно заплатишь за труд, К тебе в палачи я пойду!</p> <p>– Штаны и кафтан ты получишь, старик, Две пинты вина и харчи. Да пенсов тринадцать деньгами я дам За то, что пойдешь в палачи!</p> <p>Но вдруг повернулся кругом Робин Гуд И с камня на камень – скок. – Клянусь головою, – воскликнул шериф, – Ты бодрый еще старичок!</p> <p>– Я не был, шериф, никогда палачом, Ни разу не мылил петлю. И будь я в аду, коль на службу пойду К тебе, к твоему королю!</p>
---	--

Then Robin he turns him round about,
And jumps from stock to stone;
“By the truth of my body”, the sheriff he said,
“That's well jump't, thou nimble old man”.
“I was neer a hangman in all my life,
Nor yet intends to trade;
But curst be he”, said bold Robin,
“That first a hangman was made”.

“I've a bag for meal, and a bag for malt,
And a bag for barley and corn;
A bag for bread, and a bag for beef,
And a bag for my little small horn”.

“I have a horn in my pocket,
I got it from Robin Hood,
And still when I set it to my mouth,
For thee it blows little good”.

“O wind thy hom, thou proud fellow,
Of thee I have no doubt;
I wish that thou give such a blast
Till both thy eyes fall out”.

The first loud blast that he did blow,
He blew both loud and shrill;
A hundred and fifty of Robin Hood's men
Came riding over the hill.
The next loud blast that he did give,
He blew both loud and amain,
And quickly sixty of Robin Hood's men
Came shining over the plain.

“O who are yon”, the sheriff he said,
“Come tripping over the lee?”
“The're my attendants”, brave Robin did say,
“They 'll pay a visit to thee”.
They took the gallows from the slack,
They set it in the glen,
They hangd the proud sheriff on that,
Releasd their own three men.

Не так уж я беден, почтенный шериф.
Взгляни-ка на этот мешок:
Тут хлеба краюшка, баранья нога
И маленький звонкий рожок.

Рожок подарил мне мой друг Робин Гуд.
Сейчас от него я иду.
И если рожок приложу я к губам,
Тебе протрубит он беду.

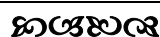
– Труби, – засмеялся надменный шериф, –
Пугай воробьев и синиц.
Труби сколько хочешь, куда глаза
Не вылезут вон из глазниц!

Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд,
И гулом ответил простор.
И видит шериф: полтораста коней
С окрестных спускаются гор.

И снова в рожок затрубил Робин Гуд,
Лицом повернувшись к лугам,
И видит шериф: шестьдесят молодцов
Несутся верхом в Ноттингам.

– Что это за люди? – воскликнул шериф.
– Мои! – отвечал Робин Гуд. –
К тебе они в гости явились, шериф,
И даром домой не уйдут.

В ту ночь отворились ворота тюрьмы,
На волю троих отпустив,
И вместо охотников трех молодых
Повешен один был шериф.

☞ Geoffrey Chaucer ☞

Geoffrey Chaucer (1343–1400), known as the Father of English literature, is widely considered the greatest English poet of the Middle Ages and was the first poet to have been buried in Poet's Corner of Westminster Abbey. While he achieved fame during his lifetime as an author, philosopher, alchemist and astronomer, Chaucer also maintained an active career in the civil service as a bureaucrat, courtier and diplomat. Among his many works, which include “The Book of the Duchess”, the “House of Fame”, the “Legend of Good Women” and “Troilus and Criseyde”, he is best known today for The Canterbury Tales. Chaucer is a crucial figure in developing the legitimacy of the vernacular (commonly spoken language), Middle English, at a time when the dominant literary languages in England were French and Latin.

The Canterbury Tales

Prologue (fragment)

Befell that, in that season, on a day
In Southwark, at the Tabard, as I lay
Ready to start upon my pilgrimage
To Canterbury, full of devout homage,
There came at nightfall to that hostelry
Some nine and twenty in a company
Of sundry persons who had chanced to fall
In fellowship, and pilgrims were they all
That toward Canterbury town would ride.
The rooms and stables spacious were and wide,
And well we there were eased, and of the best.
And briefly, when the sun had gone to rest,
So had I spoken with them, every one,
That I was of their fellowship anon,
And made agreement that we'd early rise
To take the road, as you I will apprise.
But none the less, whilst I have time and space,
Before yet farther in this tale I pace,
It seems to me accordant with reason
To inform you of the state of every one
Of all of these, as it appeared to me,
And who they were, and what was their degree,
And even how arrayed there at the inn;
And with a knight thus will I first begin.

Кентерберийские рассказы

Общий пролог (фрагмент)

Перевод И.А. Кашкина

Случилось мне в ту пору завернуть
В харчевню «Табард», в Соуерке, свой путь
Свершая в Кентербери по обету;
Здесь ненароком повстречал я эту
Компанию. Их двадцать девять было.
Цель общая в пути соединила
Их дружбою; они – пример всем нам –
Шли поклониться праведным мощам.
Конюшен, комнат в «Табарде» немало,
И никогда в нем тесно не бывало.
Едва обильный ужин отошел,
Как я уже со многими нашел
Знакомых общих или подружился
И путь их разделить уговорился.
И вот, куда скромный мой рассказ
Еще не утомил ушей и глаз,
Мне кажется, что было бы уместно
Вам рассказать все то, что мне известно
О спутниках моих: каков их вид,
И звание, и чем кто знаменит
Иль почему в забвеньи пребывает;
Мой перечень пусть Рыцарь открывает.

The Knight

A knight there was, and he a worthy man,
 Who, from the moment that he first began
 To ride about the world, loved chivalry,
 Truth, honour, freedom and all courtesy.
 Full worthy was he in his liege-lord's war,
 And therein had he ridden (none more far)
 As well in Christendom as heathenesse,
 And honoured everywhere for worthiness.
 At Alexandria, he, when it was won;
 Full oft the table's roster he'd begun
 Above all nations' knights in Prussia.
 In Latvia raided he, and Russia,
 No christened man so oft of his degree.
 In far Granada at the siege was he
 Of Algeciras, and in Belmarie.
 At Ayas was he and at Satalye
 When they were won; and on the Middle Sea
 At many a noble meeting chanced to be.
 Of mortal battles he had fought fifteen,
 And he'd fought for our faith at Tramissene
 Three times in lists, and each time slain his foe.
 This self-same worthy knight had been also
 At one time with the lord of Palatye
 Against another heathen in Turkey:
 And always won he sovereign fame for prize.
 Though so illustrious, he was very wise
 And bore himself as meekly as a maid.
 He never yet had any vileness said,
 In all his life, to whatsoever wight.
 He was a truly perfect, gentle knight.
 But now, to tell you all of his array,
 His steeds were good, but yet he was not gay.
 Of simple fustian wore he a jupon
 Sadly discoloured by his habergeon;
 For he had lately come from his voyage
 And now was going on this pilgrimage.

Рыцарь

Тот рыцарь был достойный человек.
 С тех пор как в первый он ушел набег,
 Не посрамил он рыцарского рода;
 Любил он честь, учтивость и свободу;
 Усердный был и ревностный вассал.
 И редко кто в стольких краях бывал.
 Крещеные и даже басурмане
 Признали доблести его во брани.
 Он с королем Александрию брал,
 На орденских пирах он восседал
 Вверху стола, был гостем в замках прусских,
 Ходил он на Литву, ходил на русских,
 А мало кто – тому свидетель бог –
 Из рыцарей тем похвалиться мог.
 Им в Андалузии взят Алжезир
 И от неверных огражден Алжир.
 Был под Лайасом он и Саталией
 И помогал сражаться с Бельмарией.
 Не раз терпел невзгоды он и горе
 При трудных высадках в Великом море,
 Он был в пятнадцати больших боях;
 В сердца язычников вселяя страх,
 Он в Тремиссене трижды выходил
 С неверным биться, – трижды победил.
 Он помогал сирийским христианам
 Давать отпор насильникам – османам,
 И заслужил повсюду почести он.
 Хотя был знатен, все ж он был умен,
 А в обхожденье мягок, как девица;
 И во всю жизнь (тут есть чему дивиться)
 Он бранью уст своих не осквернял –
 Как истый рыцарь, скромность соблюдал.
 А что сказать мне об его наряде?
 Был конь хорош, но сам он не параден;
 Потерт кольчугой был его камзол,
 Пробит, залатан, в пятнах весь подол.
 Он, возвратясь из дальнего похода,
 Тотчас к мощам пошел со всем народом.

The Canterbury Tales is a collection of over 24 stories written in Middle English by Geoffrey Chaucer at the end of the 14th century, during the time of the Hundred Years' War. The tales (mostly written in verse, although some are in prose) are presented as part of a story-telling contest by a group of pilgrims as they travel together on a journey from Southwark to the shrine of Saint Thomas Becket at Canterbury Cathedral. The prize for this contest is a free meal at the Tabard Inn at Southwark on their return.

Chaucer uses the tales and the descriptions of its characters to paint an ironic and critical portrait of English society at the time, and particularly of the Church.

The Prioress

There was also a nun, a prioress,
 Who, in her smiling, modest was and coy;
 Her greatest oath was but "By Saint Eloy!"
 And she was known as Madam Eglantine.
 Full well she sang the services divine,
 Intoning through her nose, becomingly;
 And fair she spoke her French, and fluently,
 After the school of Stratford-at-the-Bow,
 For French of Paris was not hers to know.
 At table she had been well taught withal,
 And never from her lips let morsels fall,
 Nor dipped her fingers deep in sauce, but ate
 With so much care the food upon her plate
 That never driblet fell upon her breast.
 In courtesy she had delight and zest.
 Her upper lip was always wiped so clean
 That in her cup was no iota seen
 Of grease, when she had drunk her draught of wine.
 Becomingly she reached for meat to dine.
 And certainly delighting in good sport,
 She was right pleasant, amiable – in short.
 She was at pains to counterfeit the look
 Of courtliness, and stately manners took,
 And would be held worthy of reverence.
 But, to say something of her moral sense,
 She was so charitable and piteous
 That she would weep if she but saw a mouse
 Caught in a trap, though it were dead or bled.
 She had some little dogs, too, that she fed
 On roasted flesh, or milk and fine white bread.
 But sore she'd weep if one of them were dead,
 Or if men smote it with a rod to smart:
 For pity ruled her, and her tender heart.
 Right decorous her pleated wimple was;
 Her nose was fine; her eyes were blue as glass;
 Her mouth was small and therewith soft and red;
 But certainly she had a fair forehead;
 It was almost a full span broad, I own,
 For, truth to tell, she was not undergrown.
 Neat was her cloak, as I was well aware.
 Of coral small about her arm she'd bear
 A string of beads and gauded all with green;
 And therefrom hung a brooch of golden sheen
 Whereon there was first written a crowned "A",
 And under, Amor vincit omnia.

Аббатиса

Была меж ними также Аббатиса –
 Страж знатных послушниц и директриса.
 Смягчала хлад монашеского чина
 Улыбкой робкою мать Эглантина.
 В ее устах страшнейшая хула
 Звучала так: «Клянусь святым Элуа».
 И, вслушиваясь в разговор соседний,
 Всё напевала в нос она обедню;
 И по-французски говорила плавно,
 Как учат в Стратфорде, а не забавным
 Парижским торопливым говорком.
 Она держалась чинно за столом:
 Не поперхнется крепкою наливкой,
 Чуть окуная пальчики в подливку,
 Не оботрет их о рукав иль ворот.
 Ни пятнышка вокруг ее прибора.
 Она так часто обтирала губки,
 Что жира не было следов на кубке.
 С достоинством черед свой выжидала,
 Без жадности кусочек выбирала.
 Сидеть с ней рядом было всем приятно –
 Так вежлива была и так опрятна.
 Усвоив нрав придворных и манеры,
 Она и в этом не теряла меры
 И возбуждать стремилась уваженье,
 Оказывая грешным снисхожденье.
 Была так жалостлива, сердобольна,
 Боялась даже мышке сделать больно
 И за лесных зверей молила небо.
 Кормила мясом, молоком и хлебом
 Своих любимых маленьких собачек.
 И все нет-нет – игуменья заплачет:
 Тот песик окошел, того прибили –
 Не все собак игуменьи любили.
 Искусно сплоенное покрывало
 Высокий, чистый лоб ей облегало.
 Точеный нос, приветливые губки
 И в рамке алой крохотные зубки,
 Глаза прозрачны, серы, как стекло, –
 Всё взор в ней радовало и влекло.
 Был ладно скроен плащ ее короткий,
 А на руке коралловые четки
 Расцвечивал зеленый малахит.
 На фермуаре золотой был щит
 С короной над большою буквой «А»,
 С девизом: «Amor vincit omnia».

☞ The Age of Sonnets ☞

A sonnet is a 14-line poem with a special pattern of rhymes. There are two types of sonnet:

1. Italian, which consists of two 4-line and two 3-line stanzas and rhymes $a - b - b - a$, $a - b - b - a$, $c - d - c$, $d - c - d$;

2. English, or “Shakespearean”, which consists of three 4 – line and one double – line stanza and rhymes any way you like.

The sonnet genre first emerged in Italy, in the 13th century, and was made popular by Petrarch (1304–1374). But it was until the early 16th century that sonnets appeared in other European languages. The poet who introduced the sonnet in England was Thomas Wyatt, who used the Italian system of rhyming. But English grammar made it difficult to invent as many rhymes as the Italian form required, so the next step was taken by another poet, Henry Howard, Earl of Surrey. He was to simplify the rhyming pattern. So the true inventor of the “Shakespearean” sonnet was Surrey.

☞ Philip Sidney ☞

During the reign of Queen Elisabeth the Italian sonnet had not yet abandoned in England. It was still used by the greatest pre-Shakespearean poet – Sir **Philip Sidney** (1554–1586). If one needs a model of what an ideal Elizabethan character should be then Sidney is the one. He was a poet, a diplomat, a soldier and a courtier, all in one. He was as famous for his inborn nobility of mind as for his unhappy love with Penelope Devereux, daughter of the Earl of Essex. Sidney got into a heavy clash with Queen Elisabeth and was exiled. In 1581 he was allowed to return to London – just to discover that Penelope had been given in marriage to another man, Lord Rich, apparently against her will. Sidney was totally ruined. What he could do best was to make his personal catastrophe into poetry. His book of sonnets, “Astrophil and Stella”, tells the story of a man who is in love with a married woman. She is, however,

faithful to her husband and declines the hero’s attempts, which makes him admire her even more. While the names are fictional (Stella is “star” in Latin, and Astrophil “star-loving” in Greek), the autobiographic nature of the sonnets is recognisable.

Sidney’s death was as romantic as his life – he was killed in a military campaign in the Netherlands in 1586.

From Astrophil and Stella

<p>Sonnet 1</p> <p>Loving in truth, and fain in verse my love to show, That the dear She might take some pleasure of my pain: Pleasure might cause her read, reading might make her know, Knowledge might pity win, and pity grace obtain, I sought fit words to paint the blackest face of woe, Studying inventions fine, her wits to entertain: Oft turning others' leaves, to see if thence would flow Some fresh and fruitful showers upon my sun –</p>	<p>Сонет 1 <i>Перевод В. Рогова</i></p> <p>Пыл искренней любви я мнил излить стихом, Чтоб милую развлечь изображеньем бед – Пускай прочтет, поймет и сжалится потом, И милость явит мне за жалостью вослед. Чужие книги я листал за томом том: Быть может, я мечтал, какой-нибудь поэт, Мне песнями кропя, как благостным до- ждем,</p>
--	--

burned brain.
But words came halting forth, wanting Invention's stay,
Invention, Nature's child, fled step-dame Study's blows,
And others' feet still seemed but strangers in my way.
Thus great with child to speak, and helpless in my throes,
Biting my truant pen, beating myself for spite,
"Fool" said my Muse to me", "look in thy heart and write".

Sonnet 39

Come sleep, oh sleep, the certain knot of peace,
The baiting place of wit, the balm of woe,
The poor man's wealth, the prisoner's release,
Th'indifferent judge between the high and low;
With shield of proof shield me from out the prease
Of those fierce darts, Despair at me doth throw:
Oh make in me those civil wars to cease;
I will good tribute pay if thou do so:
Take thou of me smooth pillows, sweetest bed,
A chamber deaf to noise and blind to light;
A rosy garland, and a weary head;
And if these things, as being thine by right,
Move not thy heavy Grace, thou shalt in me
Livelier than elsewhere Stella's image see.

Sonnet 63

Oh grammar rules, oh now your virtues show
So children still read you with awful eyes,
As my young dove may in your precepts wise
Her grant to me, by her own virtue know.
For late, with heart most high, with eyes most low,
I craved the thing which ever she denies:
She, lightning Love, displaying Venus' skies,
Lest once should not be heard, twice said, "No, No".
Sing then, my Muse, now Io Paean sing,
Heav'n's envy not at my high triumphing:
But grammar's force with sweet success confirm:
For grammar says (oh this, dear Stella, weigh,)
For grammar says (to grammar who says nay?)
That in one speech two negatives affirm.

Спаленный солнцем мозг, подскажет
путь... Но нет!
Мой слог, увы, хромал, от Выдумки далек,
Над Выдумкою бич учения навис,
Постылы были мне сплетенья чуждых строк,
И в муках родовых перо я тщетно грыз,
Не зная, где слова, что вправду хороши...
«Глупец! – был Музы глас. – Глянь в
сердце и пиши».

Сонет 39

Перевод В. Рогова

Приди, о Сон, забвение забот,
Уму приманка, горестей бальзам,
Свобода пленным, злато беднякам,
Судья бесстрастный черни и господ!
От жгучих стрел твой щит меня спасет
О, воспрепятствуй внутренним боям
И верь, что щедро я тебе воздам,
Когда прервешь междоусобья ход.
Согласен я, чтоб ложе ты унес,
Опочивальню тихую мою,
И тяжесть в веждах, и гирлянды роз;
А если всё тебе я отдаю,
Но не идешь ты, как молю о том,
Лик Стеллы в сердце покажу моем.

Сонет 63

Перевод Л. Темина

О правила грамматики! Вдвойне
Пускай себя проявит ваша сила:
Не школяры (она им так постыла!),
Но милая ее докажет мне.
Когда недавно, с ней наедине,
Опять запретной милости просил я,
«Нет! Нет!» голубка дважды повторила,
Страшась, что не расслышу я вполне...
Воспрянь же, Муза, и пеан пропой,
Забудьте зависть, Небеса, и мой
Успех триумфом увенчайте сразу:
Поскольку знают все со школьных лет,
Что тот, кто свел в суждении два «нет»,
Построил утвердительную фразу!

William Shakespeare
1564-1616

William Shakespeare

William Shakespeare (26 April 1564 (baptised) – 23 April 1616). Shakespeare was born and brought up in Stratford-upon-Avon. He was an English poet and playwright, widely regarded as the greatest writer in the English language and the world's pre-eminent dramatist. He is often called England's national poet and the “Bard of Avon”. His extant works, including some collaborations, consist of about 38 plays, 154 sonnets, two long narrative poems, and a few other verses, the authorship of some of which is uncertain. His plays have been translated into every major living language and are performed more often than those of any other playwright.

СОНЕТЫ

<p>Sonnet 90</p> <p>Then hate me when thou wilt; if ever, now; Now, while the world is bent my deeds to cross, Join with the spite of fortune, make me bow, And do not drop in for an after-loss: Ah! do not, when my heart hath 'scap'd this sorrow, Come in the rearward of a conquer'd woe; Give not a windy night a rainy morrow, To linger out a purpos'd overthrow.</p> <p>If thou wilt leave me, do not leave me last, When other petty griefs have done their spite, But in the onset come: so shall I taste At first the very worst of fortune's might;</p> <p>And other strains of woe, which now seem woe, Compar'd with loss of thee, will not seem so.</p>	<p>Сонет 90 <i>Перевод С.Я. Маршака</i></p> <p>Уж если ты разлюбишь – так теперь, Теперь, когда весь мир со мной в раздоре. Будь самой горькой из моих потерь, Но только не последней каплей горя!</p> <p>И если скорбь дано мне превозмочь, Не наноси удара из засады. Пусть бурная не разрешится ночь Дождливым утром – утром без отрады.</p> <p>Оставь меня, но не в последний миг, Когда от мелких бед я ослабею. Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг, Что это горе всех невзгод больше,</p> <p>Что нет невзгод, а есть одна беда – Твоей любви лишиться навсегда.</p>
<p>Sonnet 61</p> <p>Is it thy will thy image should keep open My heavy eyelids to the weary night? Dost thou desire my slumbers should be broken, While shadows like to thee do mock my sight? Is it thy spirit that thou send'st from thee So far from home into my deeds to pry, To find out shames and idle hours in me, The scope and tenour of thy jealousy?</p> <p>O, no! thy love, though much, is not so great: It is my love that keeps mine eyes awake; Mine own true love that doth my rest defeat, To play the watchman ever for thy sake: For thee watch I whilst thou dost wake elsewhere, From me far off, with others all too near.</p>	<p>Сонет 61</p> <p>Твоя ль вина, что милый образ твой Не позволяет мне сомкнуть ресницы И, стоя у меня над головой, Тяжелым векам не дает закрыться? Твоя ль душа приходит в тишине Мои дела и помыслы проверить, Всю ложь и праздность обличить во мне, Всю жизнь мою, как свой удел, измерить? О нет, любовь твоя не так сильна, Чтоб к моему являться изголовью, Моя, моя любовь не знает сна. На страже мы стоим с моей любовью.</p> <p>Я не могу забыться сном, пока Ты – от меня вдали – к другим близка.</p>

СОНЕТЫ

<p>Sonnet 130</p> <p>My mistress' eyes are nothing like the sun; Coral is far more red than her lips' red; If snow be white, why then her breasts are dun; If hairs be wires, black wires grow on her head. I have seen roses damasked, red and white, But no such roses see I in her cheeks; And in some perfumes is there more delight Than in the breath that from my mistress reeks. I love to hear her speak, yet well I know That music hath a far more pleasing sound; I grant I never saw a goddess go; My mistress when she walks treads on the ground.</p> <p>And yet, by heaven, I think my love as rare As any she belied with false compare.</p>	<p>Сонет 130. <i>Перевод С.Я. Маршака</i></p> <p>Ее глаза на звезды не похожи, Нельзя уста кораллами назвать, Не белоснежна плеч открытых кожа, И черной проволокой вьется прядь. С дамасской розой, алой или белой, Нельзя сравнить оттенок этих щек. А тело пахнет так, как пахнет тело, Не как фиалки нежный лепесток. Ты не найдешь в ней совершенных линий, Особенного света на челе. Не знаю я, как шествуют богини, Но милая ступает по земле.</p> <p>И всё ж она уступит тем едва ли, Кого в сравненьях пышных оболгали.</p>
<p>Sonnet 147</p> <p>My love is as a fever, longing still For that which longer nurseth the disease, Feeding on that which doth preserve the ill, The uncertain sickly appetite to please. My reason, the physician to my love, Angry that his prescriptions are not kept, Hath left me, and I desperate now approve Desire is death, which physic did except. Past cure I am, now reason is past care, And frantic-mad with evermore unrest; My thoughts and my discourse as madmen's are, At random from the truth vainly express'd; For I have sworn thee fair and thought thee bright, Who art as black as hell, as dark as night.</p>	<p>Сонет 147</p> <p>Любовь – недуг. Моя душа больна Томительной, неутолимой жаждой. Того же яда требует она, Который отравил ее однажды. Мой разум-врач любовь мою лечил. Она отвергла травы и коренья, И бедный лекарь выбился из сил И нас покинул, потеряв терпенье. Отныне мой недуг неизлечим. Душа ни в чем покоя не находит. Покинутые разумом моим, И чувства и слова по воле бродят. И долго мне, лишённому ума, Казался раем ад, а светом – тьма!</p>

William Shakespeare's Biography
Introduction by Peter Alexander (adapted)

It is still true in the study of Shakespeare that “the dispersion of error is the first step in the discovery of truth”. The scholarly criticism of his plays began by remarking that he ignored the Rules (of drama). Shakespeare ignored the Rules so constantly that his critics, however much they admired his natural powers, could not accept him as a great Artist. This is an opinion born of a fashion in European thought that has passed away, and it survives only as a prejudice that will no longer bear critical examination.

Stratford

In Elizabethan England every self-respecting community made careful provision for the education of its children. Measured by this standard the inhabitants of Stratford could claim an honourable place amongst their countrymen. In 1553 the school at Stratford was renamed The King's New

School of Stratford-upon-Avon; but the school owed nothing to Edward VI or his Council, and was not new by some centuries. This renaming of the school merely marks the change from the old Guild system to a more modern form of administration.

It was during this period of transition that the poet's father, John Shakespeare, came to Stratford. By 1557 John Shakespeare had so prospered in business that he was able to return to the district of his birth to marry the youngest daughter of Robert Arden.

Of the marriage of John Shakespeare and Mary Arden there were eight children – four sons and four daughters. William, the third child and first son, was christened on 26th April 1564. The only member of this group to survive the poet was his younger sister Joan.

In 1582 William married Ann Hathaway the daughter of an old family friend. The first child of the marriage, Susanna, was born in May 1583. Ann Hathaway may have been eight years older than her husband, but this is not absolutely certain. In February 1585, the twins, Hamnet and Judith, were christened at Stratford.

How Shakespeare intended to support a wife and family is a natural question, and fortunately the only tradition about Shakespeare's youth that has any trustworthy pedigree behind it supplies the answer.

Shakespeare's next step is his departure to London. Conscious, like a later country schoolmaster, of the genius within him, he naturally sought the field where alone his talents could find their full employment.

London

Shakespeare began as any educated young man might have begun by adapting for his purposes the models prescribed by the fashion of his time, the Latin authors familiar to him from his schooling.

Shakespeare had of course to make the major contributions to the fortunes of a large and important Company of actors, and at times this part of his task affected his work, but such plays as "Hamlet" and "Othello" are clearly the creations of a man who had thought long and deeply about his art. The poet soon developed an original style of his own that commanded the applause of a wide public. In spite, however, of his popularity and success he was content to repeat himself but from about his thirty-fifth year started on the series of tragic masterpieces, matched, if at all, only by the drama of ancient Athens.

First Period

From Shakespeare's arrival in London (1584) to his joining the Lord Chamberlain's men (1594)

No definite date can be given for Shakespeare's arrival in London; but by 1594 he had a body of work to his credit that might have occupied a considerable number of years. Before the end of this period Shakespeare had established himself as a popular dramatist and as a poet of whom much was expected.

"Venus and Adonis", although Shakespeare's first published work, was that of a writer of recognised reputation. His success had been made on the stage; but actors were very unwilling to publish their pieces, partly owing to lack of copyright protection, partly owing to their belief that publication would lessen their takings at the theatre.

One can with some confidence assign to the period before the poems: his first tragedy, "Titus Andronicus"; his comedies, "The Comedy of Errors", "The Taming of the Shrew", "The Two Gentlemen of Verona"; his history plays, "Henry VI", and possibly "Richard III". Shakespeare must have been working as a dramatist for some years before 1590. This period of successful work explains how by 1594 he could take a leading place in the first company of the age.

Approximate Order of Composition of Shakespeare's Works

Period	Comedies	Histories	Tragedies
I 1584 1592 1594	Comedy of Errors Taming of the Shrew Two Gentlemen of Verona	1, 2, 3 Henry VI Richard III King John	Titus Andronicus
	..... Love's Labour's Lost	..... Venus and Adonis	.....
		Rape of Lucrece (poems)	
II 1599	Midsummer – Night's Dream Merchant of Venice Merry Wives of Windsor Much Ado About Nothing As You Like It	Richard II 1 Henry IV 2 Henry IV Henry V	Romeo and Juliet
III 1608	Twelfth Night Troilus and Cressida Measure for Measure All's Well	–	Julius Caesar Hamlet Othello Timon of Athens Lear Macbeth Antony and Cleopatra Coriolanus
IV 1613	Pericles Cymbeline Winter's Tale Tempest	Henry VIII	–

Second Period

From Shakespeare's joining the Lord Chamberlain's men (1594) to the opening of the Globe Theatre (1599)

During this period Shakespeare was living, as the subsidy rolls indicate, in easy circumstances in London. The period opens with a group of "poetical plays", "Midsummer-Night's Dream", "Richard II", "Romeo and Juliet". The comedy is perfect in its kind and unsurpassed for the marvellous harmony it establishes among so many apparently discordant elements. The tragedy is another of the early masterpieces and anticipates in its spacious design and intensity of handling the works of Shakespeare's full maturity. But for some years to come comedy and prose were the main interest, and this, in the figure of Falstaff, overwhelms even the historical interest in the two parts of "Henry IV". With Falstaff gone, there is little left for "Henry V" but pageantry; yet this opportunity for costume effects and patriotic verse may have been not unwelcome to Shakespeare as a suitable opening for the new Globe Theatre in 1599.

Third Period

From the opening of the Globe Theatre (1599) to the taking over of the Blackfriars Theatre (1608)

The Globe Theatre was opened about May 1599. Near the beginning of this period Shakespeare's father died, in 1601; at the end, his mother, in 1608. His daughter Susanna married a well-known physician John Hall in 1607.

The great public event of the time was the death of Queen Elizabeth and the arrival of James in London in May 1603. The King at once took over the Lord Chamberlain's Company and they were known as the King's Men.

As before, however, Shakespeare must have given unremitting attention to his art, for he was now from his thirty-fifth year to engage in the most sustained and intense effort of his career. The plays that were to make the name of the Globe for ever famous were very different from "Henry V". During the next ten years Shakespeare produced there his seven great tragedies: "Julius Caesar", "Hamlet", "Othello", "Lear", "Macbeth", "Anthony and Cleopatra", "Coriolanus".

Many explanations have been offered for this apparently sudden shift in Shakespeare's interest. Some have blamed the dark lady of the Sonnets and the conduct of the friend for inducing a mood of gloom and misanthropy; others have dwelt on Shakespeare's connections with Essex and Southampton, and the former's death on the block, as the cause of his disillusionment and pessimism; others again see in the tragic mood Shakespeare's infection with the spirit of a new age. Many critics have dwelt on the bitterness and disgust in the works of this period.

King Lear has been described as a tragedy of ingratitude – an ingratitude that divided parent from child and split the very core of human existence. The heart of Shakespeare's drama is not reached till the storm and tempest are over and we come on the stillness of Lear's reconciliation with Cordelia. Here at last he recognises goodness for what it is in its own right. And the play's real theme is the gratitude of the converted heart at such a revelation.

The tragic period is seen as the natural development of the previous period and to be explained only in so far as we can explain to ourselves the growth and nature of Shakespeare's art.

Fourth Period

From the taking over the Blackfriars Theatre (1608) to the burning of the Globe Theatre (1613)

The plays of this period have happy endings; but to distinguish their peculiar colouring from that of his earlier comedies they have been called Romances. But the tragedies are the foundation on which the Romances rest.

During the first performance of "Henry VIII", on 29th June 1613, the Globe was burnt to the ground; and this accident, for lack of more precise knowledge, may be taken as marking the conclusion of Shakespeare's work as an actor and dramatist.

Stratford

Shakespeare seems to have passed his last days quietly at Stratford, though there is a record of at least one visit to London. He died on St. George's day, 23, April 1616, and was buried, having this right as a tithe-holder, in the Chancel of the Church at Stratford.

The First Folio

In 1623, seven years after Shakespeare's death, his old friends and fellow-actors, John Heminge and Henry Condell, gave the world the first collected edition of Shakespeare's plays known as the First Folio. Heminge and Condell attributed thirty-six plays to Shakespeare and arranged their content in three sections: Comedies, Histories, and Tragedies. Their long friendship with Shakespeare, their admiration for his genius, their position in the company made Heminge and Condell in some respect well qualified for their task.

Shakespeare did not print his plays when he produced them because actors did not favour such a procedure. They feared that publication might affect adversely their takings at the theatre, and the financial return was insufficient to overcome this fear. Yet in spite of these considerations nineteen of Shakespeare's plays were printed in some form or other during his lifetime.

<p>Hamlet <i>Act 3, scene 1</i></p> <p>To be, or not to be: that is the question: Whether 'tis nobler in the mind to suffer The slings and arrows of outrageous fortune, Or to take arms against a sea of troubles, And by opposing end them? To die: to sleep; No more; and by a sleep to say we end The heart-ache and the thousand natural shocks That flesh is heir to, 'tis a consummation Devoutly to be wish'd. To die, to sleep; To sleep: perchance to dream: ay, there's the rub; For in that sleep of death what dreams may come When we have shuffled off this mortal coil, Must give us pause: there's the respect That makes calamity of so long life; For who would bear the whips and scorns of time, The oppressor's wrong, the proud man's contumely, The pangs of despised love, the law's delay, The insolence of office and the spurns That patient merit of the unworthy takes, When he himself might his quietus make With a bare bodkin? who would fardels bear, To grunt and sweat under a weary life, But that the dread of something after death, The undiscover'd country from whose bourn No traveller returns, puzzles the will And makes us rather bear those ills we have Than fly to others that we know not of? Thus conscience does make cowards of us all; And thus the native hue of resolution Is sicklied o'er with the pale cast of thought, And enterprises of great pith and moment With this regard their currents turn awry, And lose the name of action. – Soft you now! The fair Ophelia! Nymph, in thy orisons Be all my sins remember'd.</p>	<p>Гамлет <i>Перевод Б. Пастернака</i> <i>Акт 3, сцена 1</i></p> <p>Быть или не быть, вот в чем вопрос. Дос- тойно ль Смиряться под ударами судьбы, Иль надо оказать сопротивление И в смертной схватке с целым морем бед Покончить с ними? Умереть. Забыться. И знать, что этим обрываешь цепь Сердечных мук и тысячи лишений, Присущих телу. Это ли не цель Желанная? Скончаться. Сном забыться. Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ. Какие сны в том смертном сне приснятся, Когда покров земного чувства снят? Вот в чем разгадка. Вот что удлиняет Несчастьям нашим жизнь на столько лет. А то кто снес бы униженья века, Неправду угнетателей, вельмож Заносчивость, отринутое чувство, Нескорый суд и более всего Насмешки недостойных над достойным, Когда так просто сводит все концы Удар кинжала! Кто бы согласился, Кряхтя, под ношей жизненной плестись, Когда бы неизвестность после смерти, Боязнь страны, откуда ни один Не возвращался, не склоняла воли Мириться лучше со знакомым злом, Чем бегством к незнакомому стремиться! Так всех нас в трусов превращает мысль, И вянет, как цветок, решимость наша В бесплодь умышленного тупика, Так погибают замыслы с размахом, В начале обещавшие успех, От долгих отлагательств. Но довольно! Офелия! О радость! Помяни Мои грехи в своих молитвах, нимфа.</p>
---	---

<p>Othello <i>Act 5, scene 2</i></p> <p>It is the cause, it is the cause, my soul. Let me not name it to you, you chaste stars, It is the cause. Yet I'll not shed her blood, Nor scar that whiter skin of hers than snow And smooth as monumental alabaster. Yet she must die, else she'll betray more men. Put out the light, and then put out the light. If I quench thee, thou flaming minister, I can again thy former light restore Should I repent me. But once put out thy light, Thou cunning'st pattern of excelling nature, I know not where is that Promethean heat That can thy light relume. When I have plucked thy rose I cannot give it vital growth again, It must needs wither. I'll smell thee on the tree. Oh, balmy breath, that dost almost persuade Justice to break her sword! One more, one more. Be thus when thou art dead and I will kill thee And love thee after. (<i>Kissing her.</i>) One more, and that's the last. So sweet was ne'er so fatal. I must weep, But they are cruel tears. This sorrow's heavenly, It strikes where it doth love. – She wakes.</p>	<p>Отелло <i>Перевод Б. Пастернака</i> <i>Спальня в замке.</i> <i>Дездемона в постели. Входит Отелло.</i></p> <p>Таков мой долг. Таков мой долг. Стыжусь Назвать пред вами, девственные звезды, Ее вину. Стереть ее с лица земли. Я крови проливать не стану И кожи не коснусь, белей чем снег И глаже алебастра. И, однако, Она умрет, чтоб больше не грешить. Задую свет. Сперва свечу задую, Потом ее. Когда я погашу Светильник и об этом пожалею, Не горе – можно вновь его зажечь, Когда ж я угашу тебя, сиянье Живого чуда, редкость без цены, На свете не найдется Прометей, Чтоб вновь тебя зажечь, как ты была. Должна увянуть сорванная роза. Как ты свежа, пока ты на кусте! (<i>Целует Дездемону.</i>) О чистота дыханья! Пред тобою Готово правосудье онеметь. Еще, еще раз. Будь такой по смерти. Я задушю тебя – и от любви Сойду с ума. Последний раз, последний. Так мы не целовались никогда. Я плачу и казнь, совсем как небо, Которое карает, возлюбив. Она проснулась.</p>
--	---

<p>King Henry IV <i>Part 2, Act III, scene 1</i></p> <p>O God! that one might read the book of fate, And see the revolution of the times Make mountains level, and the continent, Weary of solid firmness, melt itself Into the sea! and, other times, to see The beachy girdle of the ocean Too wide for Neptune's hips; how chances mock, And changes fill the cup of alteration With divers liquors! O, if this were seen, The happiest youth, viewing his progress through, What perils past, what crosses to ensue, Would shut the book, and sit him down and die.</p>	<p>Король Генрих IV <i>Перевод под ред. А. Смирнова</i> <i>Часть 2, акт III, сцена 1</i></p> <p>О Господи, когда б могли прочесть Мы Книгу судеб, увидеть, как время В своем круговращенье сносит горы, Как, твердостью наскучив, материк В пучине растворится, иль увидеть, Как пояс берегов широким станет Для чресл Нептуновых; как все течет И как судьба различные напитки Вливает в чашу перемен! Ах, если б Счастливый юноша увидеть мог Всю жизнь свою – какие ждут его Опасности, какие будут скорби, – Закрыв бы книгу он и тут же умер.</p>
--	---

<p>King Lear, <i>Act 2</i></p> <p>O, reason not the need: our basest beggars Are in the poorest thing superfluous: Allow not nature more than nature needs, Man's life's as cheap as beast's: thou art a lady; If only to go warm were gorgeous, Why, nature needs not what thou gorgeous wear'st, Which scarcely keeps thee warm. But, for true need, – You heavens, give me that patience, patience I need! You see me here, you gods, a poor old man, As full of grief as age; wretched in both! If it be you that stir these daughters' hearts Against their father, fool me not so much To bear it tamely; touch me with noble anger, And let not women's weapons, water-drops, Stain my man's cheeks! No, you unnatural hags, I will have such revenges on you both That all the world shall – I will do such things – What they are yet I know not, but they shall be The terrors of the earth. You think I'll weep? No, I'll not weep: – I have full cause of weeping, but this heart Shall break into a hundred thousand flaws, Or ere I'll weep. – O Fool, I shall go mad!</p>	<p>Король Лир <i>Перевод Б. Пастернака</i></p> <p>Не ссылайся На то, что нужно. Нищие и те В нужде имеют что-нибудь в избытке. Сведи к необходимости всю жизнь, И человек сравнивается с животным. Ты женщина. Зачем же ты в шелках? Ведь цель одежды – только чтоб не зябнуть, А эта ткань не греет, так тонка. Что неотложно нужно мне? Терпенье. Вот в чем нужда. Терпенье нужно мне. О боги, вот я здесь! Я стар и беден, Согбен годами, горем и нуждой. Пусть даже, боги, вашим попусщеньем Восстали дочери против отца, – Не смейтесь больше надо мной. Вдохните В меня высокий гнев. Я не хочу, Чтоб средства женской обороны – слезы Пятнали мне мужские щеки! Нет! Я так вам отомщу, злодейки, ведьмы, Что вздрогнет мир. Еще не знаю сам, Чем отомщу, но это будет нечто Ужаснее всего, что видел свет. Вам кажется, я плачу? Я не плачу. Я вправе плакать, но на сто частей Порвется сердце прежде, чем посмею Я плакать. – Шут мой, я схожу с ума!</p>
---	---

The Tragedy Of Romeo And Juliet (1595)

<p>The prologue <i>Chore</i></p> <p>Two households, both alike in dignity, In fair Verona, where we lay our scene, From ancient grudge break to new mutiny, Where civil blood makes civil hands unclean. From forth the fatal loins of these two foes A pair of star-cross'd lovers take their life; Whose misadventur'd piteous overthrows Doth with their death bury their parents' strife. The fearful passage of their death-mark'd love, And the continuance of their parents' rage, Which, but their children's end, naught could remove, Is now the two hours' traffic of our stage; The which if you with patient ears attend, What here shall miss, our toil shall strive to mend.</p>	<p>Пролог <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i> <i>Хор</i></p> <p>В двух семьях, равных знатностью и славой, В Вероне пышной разгорелся вновь Вражды минувших дней раздор кровавый, Заставил литься мирных граждан кровь. Из чресл враждебных, под звездой злосча- стной, Любовников чета произошла. По совершенье их судьбы ужасной Вражда отцов с их смертью умерла. Весь ход любви их, смерти обреченной, И ярый гнев их близких, что угас Лишь после гибели четы влюбленной, – Часа на два займут, быть может, вас. Коль подарите нас своим вниманьем, Изъяны все загладим мы стараньем.</p>
--	---

Act I, Scene V.

Capulet's house.

Romeo to Juliette:

If I profane with my unwortheiest hand
This holy shrine, the gentle fine is this:
My lips, two blushing pilgrims, ready stand
To smooth that rough touch with a tender kiss.

Juliette:

Good pilgrim, you do wrong your hand too much,
Which mannerly devotion shows in this;
For saints have hands that pilgrims' hands do touch,

And palm to palm is holy palmers' kiss.

Romeo:

Have not saints lips, and holy palmers too?

Juliette:

Ay, pilgrim, lips that they must use in pray'r.

Romeo:

O, then, dear saint, let lips do what hands do!
They pray; grant thou, lest faith turn to despair.

Juliette:

Saints do not move, though grant for prayers' sake.

Romeo:

Then move not while my prayer's effect I take.
Thus from my lips, by thine my sin is purg'd.

[Kisses her.]

Juliette:

Then have my lips the sin that they have took.

Romeo:

Sin from my lips? O trespass sweetly urg'd!
Give me my sin again. *[Kisses her.]*

Juliette:

You kiss by th' book.

Акт 1, сцена 5.

Дом Капулетти.

Ромео (Джюльетте):

Когда рукою недостойной грубо
Я осквернил святой алтарь – прости.
Как два смиренных пилигрима, губы
Лобзаньем смогут след греха смести.

Джюльетта:

Любезный пилигрим, ты строг чрезмерно
К своей руке: лишь благочестье в ней.
Есть руки у святых: их может, верно,
Коснуться пилигрим рукой своей.

Ромео:

Даны ль уста святым и пилигримам?

Джюльетта:

Да, – для молитвы, добрый пилигрим.

Ромео:

Святая! Так позволь устам моим
Прильнуть к твоим – не будь неумолима.

Джюльетта:

Не двигаясь, святые внемлют нам.

Ромео:

Недвижно дай ответ моим мольбам.

(Целует ее)

Твои уста с моих весь грех снимают.

Джюльетта:

Так приняли твой грех мои уста?

Ромео:

Мой грех... О, твой упрек меня смущает!
Верни ж мой грех. *(Целуются.)*

Джюльетта:

Вина с тебя снята.

Of all the scenes that have ever been written in plays, one of the most famous is *The Balcony Scene* in “Romeo and Juliet”. It is probably the most romantic scene in the world's literature.

After Romeo and Juliet have met at a party and fallen in love, Juliet goes up to bed. But she cannot sleep so she stands at her window and pretends she is talking with Romeo.

ଝଞ୍ଜଞ୍ଜ

<p>Act II, Scene II. <i>Capulet's orchard. Enter Romeo.</i> <i>Enter Juliet above at a window.</i></p> <p><i>Romeo:</i> But soft! What light through yonder window breaks? It is the East, and Juliet is the sun!</p> <p>.....</p> <p>It is my lady; O, it is my love! O that she knew she were! She speaks, yet she says nothing. What of that? Her eye discourses; I will answer it.</p> <p>.....</p> <p><i>Juliet:</i> Ay me! <i>Romeo:</i> She speaks. O, speak again, bright angel! for thou art As glorious to this night, being o'er my head, As is a winged messenger of heaven Unto the white-upturned wond'ring eyes Of mortals that fall back to gaze on him When he bestrides the lazy-pacing clouds And sails upon the bosom of the air.</p> <p><i>Juliet:</i> O Romeo, Romeo! Wherefore art thou Romeo? Deny thy father and refuse thy name! Or, if thou wilt not, be but sworn my love, And I'll no longer be a Capulet.</p> <p><i>Romeo: [aside]</i> Shall I hear more, or shall I speak at this?</p> <p><i>Juliet:</i> 'Tis but thy name that is my enemy. Thou art thyself, though not a Montague. What's Montague? It is nor hand, nor foot, Nor arm, nor face, nor any other part Belonging to a man. O, be some other name! What's in a name? That which we call a rose By any other name would smell as sweet. So Romeo would, were he not Romeo call'd, Retain that dear perfection which he owes Without that title. Romeo, doff thy name; And for that name, which is no part of thee, Take all myself.</p>	<p>Акт II, сцена II <i>Сад Капулетти. Входит Ромео.</i> <i>Джульетта появляется на балконе.</i></p> <p><i>Ромео:</i> Но тише! Что за свет блеснул в окне? О, там восток! Джульетта – это солнце.</p> <p>.....</p> <p>О, вот моя любовь, моя царица! Ах, знай она, что это так! Она заговорила? Нет, молчит. Взор говорит. Я на него отвечу!</p> <p>.....</p> <p><i>Джульетта:</i> О, горе мне! <i>Ромео:</i> Она сказала что-то. О, говори, мой светозарный ангел! Ты надо мной сияешь в мраке ночи, Как легкокрылый посланец небес Пред изумленными глазами смертных, Глядящих, головы закинув ввысь, Как в медленных парит он облаках И плавает по воздуху.</p> <p><i>Джульетта:</i> Ромео! Ромео, о зачем же ты Ромео! Покинь отца и отрекись навеки От имени родного, а не хочешь – Так поклянись, что любишь ты меня, – И больше я не буду Капулетти.</p> <p><i>Ромео:</i> Ждать мне еще иль сразу ей ответить?</p> <p><i>Джульетта:</i> Одно ведь имя лишь твое – мне враг, А ты – ведь это ты, а не Монтекки. Монтекки – что такое это значит? Ведь это не рука, и не нога, И не лицо твое, и не любая Часть тела. О, возьми другое имя! Что в имени? То, что зовем мы розой, – И под другим названьем сохраняло б Свой сладкий запах! Так, когда Ромео Не звался бы Ромео, он хранил бы Все милые достоинства свои Без имени. Так сбрось же это имя! Оно ведь даже и не часть тебя. Взамен его меня возьми ты всю!</p>
---	--

Romeo:

I take thee at thy word.
Call me but love, and I'll be new baptiz'd;
Henceforth I never will be Romeo.

Juliet:

What man art thou that, thus bescreen'd in night,
So stumblest on my counsel?

Romeo: By a name

I know not how to tell thee who I am.
My name, dear saint, is hateful to myself,
Because it is an enemy to thee.
Had I it written, I would tear the word.

Juliet:

My ears have yet not drunk a hundred words
Of that tongue's utterance, yet I know the sound.
Art thou not Romeo, and a Montague?

Romeo:

Neither, fair saint, if either thee dislike.

Juliet:

How cam'st thou hither, tell me, and wherefore?
The orchard walls are high and hard to climb,
And the place death, considering who thou art,
If any of my kinsmen find thee here.

Romeo:

With love's light wings did I o'erperch
these walls;
For stony limits cannot hold love out,
And what love can do, that dares love attempt.
Therefore thy kinsmen are no let to me.

Juliet:

If they do see thee, they will murder thee.

Romeo:

Alack, there lies more peril in thine eye
Than twenty of their swords! Look thou but sweet,
And I am proof against their enmity.

Juliet:

I would not for the world they saw thee here.

Romeo:

I have night's cloak to hide me from their sight;
And but thou love me, let them find me here.
My life were better ended by their hate
Than death prorogued, wanting of thy love.

Juliet:

By whose direction found'st thou out this place?

Romeo:

By love, that first did prompt me to enquire.
He lent me counsel, and I lent him eyes.
I am no pilot; yet, wert thou as far
As that vast shore wash'd with the farthest sea,
I would adventure for such merchandise.

Ромео:

Ловлю тебя на слове: назови
Меня любовью – вновь меня окрестишь,
И с той поры не буду я Ромео.

Джульетта:

Ах, кто же ты, что под покровом ночи
Подслушал тайну сердца?

Ромео: Я не знаю,

Как мне себя по имени назвать.
Мне это имя стало ненавистно,
Моя святыня: ведь оно – твой враг.
Когда б его написанным я видел,
Я б это слово тотчас разорвал.

Джульетта:

Мой слух еще и сотни слов твоих
Не уловил, а я узнала голос:
Ведь ты Ромео? Правда? Ты Монтекки?

Ромео:

Не то и не другое, о святая,
Когда тебе не нравятся они.

Джульетта:

Как ты попал сюда? Скажи, зачем?
Ведь стены высоки и неприступны.
Смерть ждет тебя, когда хоть кто-нибудь
Тебя здесь встретит из моих родных.

Ромео:

Я перенесся на крылах любви:
Ей не преграда – каменные стены.
Любовь на все дерзает, что возможно,
И не помеха мне твои родные.

Джульетта:

Но, встретив здесь, они тебя убьют.

Ромео:

В твоих глазах страшнее мне опасность,
Чем в двадцати мечях. Взгляни лишь нежно
И перед их враждой я устою.

Джульетта:

О, только бы тебя не увидали!

Ромео:

Меня укроет ночь своим плащом.
Но коль не любишь – пусть меня увидят.
Мне легче жизнь от их вражды окончить,
Чем смерть отсрочить без твоей любви.

Джульетта:

Кто указал тебе сюда дорогу?

Ромео:

Любовь! Она к расспросам понудила,
Совет дала, а я ей дал глаза.
Не кормчий я, но будь ты так далеко,
Как самый дальний берег океана, –
Я б за такой отважился добычей.

Juliet:

Thou knowest the mask of night is on my face;
Else would a maiden blush bepaint my cheek
For that which thou hast heard me speak to-night.
Fain would I dwell on form – fain, fain deny
What I have spoke; but farewell compliment!
Dost thou love me, I know thou wilt say “Ay”;
And I will take thy word. Yet, if thou swear’st,
Thou mayst prove false. At lovers’ perjuries,
They say Jove laughs. O gentle Romeo,
If thou dost love, pronounce it faithfully.
Or if thou thinkest I am too quickly won,
I’ll frown, and be perverse, and say thee nay,
So thou wilt woo; but else, not for the world.
In truth, fair Montague, I am too fond,
And therefore thou mayst think my haviour light;
But trust me, gentleman, I’ll prove more true
Than those that have more cunning to be strange.
I should have been more strange, I must confess,
But that thou overheard’st, ere I was ware,
My true-love passion. Therefore pardon me,
And not impute this yielding to light love,
Which the dark night hath so discovered.

Romeo:

Lady, by yonder blessed moon I swear,
That tips with silver all these fruit-tree tops –

Juliet:

O, swear not by the moon, th’ inconstant moon,
That monthly changes in her circled orb,
Lest that thy love prove likewise variable.

Romeo:

What shall I swear by?

Juliet:

Do not swear at all;
Or if thou wilt, swear by thy gracious self,
Which is the god of my idolatry,
And I’ll believe thee.

Romeo:

If my heart’s dear love –

Juliet:

Well, do not swear. Although I joy in thee,
I have no joy of this contract to-night.
It is too rash, too unadvis’d, too sudden;
Too like the lightning, which doth cease to be
Ere one can say “It lightens”. Sweet, good night!
This bud of love, by summer’s ripening breath,
May prove a beauteous flow’r when next
we meet.
Good night, good night!

Джульетта:

Мое лицо под маской ночи скрыто,
Но все оно пылает от стыда
За то, что ты подслушал нынче ночью.
Хотела б я приличья соблюсти,
От слов своих хотела б отказаться,
Хотела бы... но нет, прочь лицемерье!
Меня ты любишь? Знаю, скажешь: «Да».
Тебе я верю. Но, хоть и поклявшись,
Ты можешь обмануть: ведь сам Юпитер
Над клятвами любовников смеется.
О милый мой Ромео, если любить –
Скажи мне честно. Если ж ты находишь,
Что слишком быстро победил меня, –
Нахмурюсь я, скажу капризно: «Нет»,
Чтоб ты молил. Иначе – ни за что!
Да, мой Монтекки, да, я безрассудна,
И ветреной меня ты вправе счесть.
Но верь мне, друг, – и буду я верней
Всех, кто себя вести хитро умеет.
И я могла б казаться равнодушной,
Когда б ты не застал меня врасплох
И не подслушал бы моих признаний.
Прости ж меня, прошу, и не считай
За легкомыслие порыв мой страстный,
Который ночи мрак тебе открыл.

Ромео:

Клянусь тебе священной луной,
Что серебрит цветущие деревья...

Джульетта:

О, не клянись луной непостоянной,
Луной, свой вид меняющей так часто.
Чтоб и твоя любовь не изменилась.

Ромео: Так чем поклясться?

Джульетта:

Вовсе не клянись;
Иль, если хочешь, поклянись собою,
Самим собой – души моей кумиром, –
И я поверю.

Ромео: Если чувство сердца...

Джульетта:

Нет, не клянись! Хоть радость ты моя,
Но сговор наш ночной мне не на радость.
Он слишком скор, внезапен, необдуман –
Как молния, что исчезает раньше,
Чем скажем мы: «Вот молния». О милый,
Спокойной ночи! Пусть росток любви
В дыханье теплом лета расцветает
Цветком прекрасным в миг, когда мы снова
Увидимся. Друг, доброй, доброй ночи!

Act 3, scene 2.

Capulet's orchard.

Enter Juliet alone:

Gallop apace, you fiery-footed steeds,
Towards Phoebus' lodging! Such a wagoner
As Phaeton would whip you to the West
And bring in cloudy night immediately.
Spread thy close curtain, love-performing
night,
That runaway eyes may wink, and Romeo
Leap to these arms untalk'd of and unseen.
Lovers can see to do their amorous rites
By their own beauties; or, if love be blind,
It best agrees with night. Come, civil night,
Thou sober-suited matron, all in black,
And learn me how to lose a winning match,
Play'd for a pair of stainless maidenhoods.
Hood my unmann'd blood, bating in my
cheeks,
With thy black mantle till strange love, grown
bold,
Think true love acted simple modesty.
Come, night; come, Romeo; come, thou day
in night;
For thou wilt lie upon the wings of night
Whiter than new snow upon a raven's back.
Come, gentle night; come, loving, black-
brow'd night;
Give me my Romeo; and, when he shall die,
Take him and cut him out in little stars,
And he will make the face of heaven so fine
That all the world will be in love with night
And pay no worship to the garish sun.
O, I have bought the mansion of a love,
But not possess'd it; and though I am sold,
Not yet enjoy'd. So tedious is this day
As is the night before some festival
To an impatient child that hath new robes
And may not wear them.

Акт 3, сцена 2

Сад Капулетти.

Входит Джульетта:

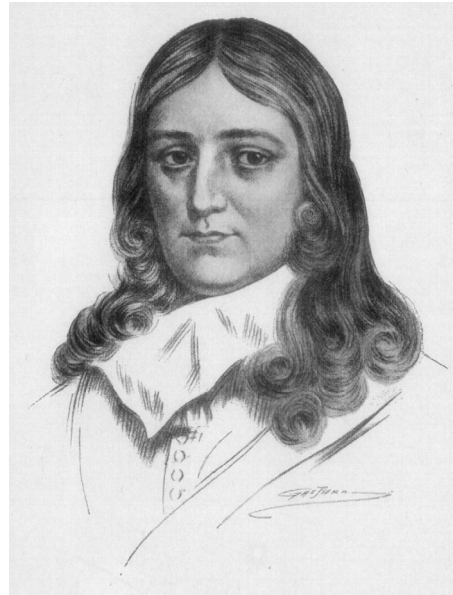
Быстрой, огнем подкованные кони,
К палатам Феба мчитесь! Ваш возница,
Как Фэтон, на запад гонит вас
И ускоряет ход туманной ночи.
Раскинь скорей свою завесу, ночь,
Пособница любви, закрой глаза
Идущим мимо людям, чтобы мог
Ромео мой попасть в мои объятия
Невидимо, неведомо для всех.
Влюбленным нужен для обрядов тайных
Лишь свет их красоты; к тому ж любовь
Слепа, и ночи мрак подходит к ней.
Ночь, добрая и строгая матрона,
Вся в черном, приходи и научи,
Как, проиграв, мне выиграть игру,
В которой оба игрока невинны.
Овей ланит бушующую кровь
Своим плащом, пока любовь моя,
Осмелившись, считать меня заставит
Лишь долгом скромности – дела любви.
Приди, о ночь, приди, о мой Ромео,
Мой день в ночи, блесни на крыльях мрака
Белей, чем снег на ворона крыле!
Ночь кроткая, о ласковая ночь,
Ночь темноокая, дай мне Ромео!
Когда же он умрет, возьми его
И раздробь на маленькие звезды:
Тогда он лик небес так озарит,
Что мир влюбиться должен будет в ночь
И перестанет поклоняться солнцу.
О, я дворец любви себе купила,
Но не вошла в него! Я продалась,
Но мной не овладели. День мне скучен,
Как ночь нетерпеливому ребенку,
Когда наутро праздника он ждет,
Чтоб наконец надеть свою обнову.
Ах, вот кормилица несет мне вести.
Язык, что лишь произнесет «Ромео»,
Уж одарен небесным красноречьем.

John Milton

John Milton (9 December 1608 – 8 November 1674) was an English poet, polemicist, man of letters, and a civil servant for the Commonwealth of England under Oliver Cromwell. He wrote at a time of religious flux and political upheaval, and is best known for his epic poem “Paradise Lost” (1667), written in blank verse.

Milton's poetry and prose reflect deep personal convictions, a passion for freedom and self-determination, and the urgent issues and political turbulence of his day. Writing in English, Latin, Greek, and Italian, he achieved international renown within his lifetime, and his celebrated “Areopagitica” (1644) – written in condemnation of pre-publication censorship – is among history's most influential and impassioned defenses of free speech and freedom of the press.

Milton's works form a bridge between the poetry of the Renaissance and the poetry of the classicists of a later period, they are characterized by their duality (which means that two independent go together). He chose his themes from the Bible, but in his epic poems they became revolutionary in spirit.

How Soon Hath Time

How soon hath Time, the subtle thief of youth,
Stoln on his wing my three and twentieth year!
My hasting days fly on with full career,
But my late spring no bud or blossom shew'th.
Perhaps my semblance might deceive the truth,
That I to manhood am arrived so near,
And inward ripeness doth much less appear,
That some more timely-happy spirits endu'th.
Yet be it less or more, or soon or slow,
It shall be still in strictest measure even
To that same lot, however mean or high,
Toward which Time leads me, and the will of
Heaven;
All is, if I have grace to use it so,
As ever in my great Taskmaster's eye.

На достижении мною двадцати трех лет

Перевод А. Прокопьева

Как быстро Время, ловкий юнокрад,
На крыльях двадцать три уносит года!
Но мчатся дни – а все скудна природа
Весны моей, что медлит невпопад.
И – внешне юн – себя на мрачный лад
Настраиваю – не к лицу ль невзгода,
Коль внутренняя зрелость и порода
Не так в чести, как мужественный
взгляд?
Но – больше, меньше ль мужества, но –
скор
Иль робок шаг мой к зрелости, измерен
Он в соответствии с судьбою строго,
Высокой или нет, но я уверен,
Что Провиденье с Временем сей спор
Решат: урок мой пред очами Бога.

Milton was born in London. The family descended from English yeomen, the class that was to be the motive force during the revolution. His father, a composer, took care of his early education. John's progress at school was so rapid, that at the age of 16 he went to the University of Cambridge, matriculated at Christ's College and graduated with a B.A. in 1629. He obtained his Master of Arts degree in 1632. When he left the University he retired to his father's country place, Horton, in Buckinghamshire. There he gave himself to study and poetry. In 1638–1639 Milton travelled to France and Italy, there he met intellectuals of the time, one of whom was the astronomer Galileo.

<p>To the Lord General Cromwell</p> <p>Cromwell, our chief of men, who through a cloud Not of war only, but detractions rude, Guided by faith and matchless fortitude, To peace and truth thy glorious way hast ploughed, And on the neck of crowned Fortune proud Hast reared God's trophies, and his work pursued, While Darwen stream, with blood of Scots imbrued, And Dunbar field, resounds thy praises loud, And Worcester's laureate wreath: yet much remains To conquer still; Peace hath her victories No less renowned than War: new foes arise, Threatening to bind our souls with secular chains. Help us to save free conscience from the paw Of hireling wolves, whose Gospel is their maw.</p>	<p>Генералу лорду Кромвелю <i>Перевод А. Прокопьева</i></p> <p>Наш вождь, неустрашимый Кромвель, тот, Кто с мудростью и верой неизменной Стезей добра сквозь мрак страды военной И тучу клеветы нас вел вперед, Не раз сподобил бог своих щедрот Тебя в борьбе с фортуною надменной: Ты рать шотландцев сбросил в Дарвен пенный, Под Данбаром побед умножил счет И в Вустере стяжал венок лавровый. Но и в дни мира ждут тебя бои; Вновь на душу советчики твои Надеть нам тщатся светские оковы. Не дай же им, продажным псам, опять У нас свободу совести отнять.</p>
---	---

Milton returned to England, to meet there the revolution of 1640. He began to write pamphlets in the service of the Puritan and Parliamentary cause. With the parliamentary victory in the Civil War, Milton used his pen in defence of the republican principles. His political reputation got him appointed Secretary for Foreign Tongues by the Council of State. By 1654, Milton became totally blind and had to dictate his verse and prose to helpers. His main work, the poem "Paradise Lost", was composed by the blind Milton between 1658–1664 (this blindness made him identify himself with Homer).

<p>Paradise Lost (from book 01)</p> <p>Of Man's first disobedience, and the fruit Of that forbidden tree whose mortal taste Brought death into the World, and all our woe, With loss of Eden, till one greater Man Restore us, and regain the blissful seat, Sing, Heavenly Muse, that, on the secret top Of Oreb, or of Sinai, didst inspire That shepherd who first taught the chosen seed In the beginning how the heavens and earth Rose out of Chaos: or, if Sion hill Delight thee more, and Siloa's brook that flowed Fast by the oracle of God, I thence Invoke thy aid to my adventurous song, That with no middle flight intends to soar</p>	<p>Потерянный рай (из книги 1) <i>Перевод А. Штейнберга</i></p> <p>О первом преслушанье, о плоде Запретном, пагубном, что смерть принес И все невзгоды наши в этот мир, Людей лишил Эдема, до поры, Когда нас Величайший Человек Восставил, Рай блаженный нам вернул, – Пой, Муза горняя! Сойди с вершин Таинственных Синая иль Хорива, Где был тобою пастырь вдохновен, Начально поучавший свой народ Возникновенью Неба и Земли Из Хаоса; когда тебе милей Сионский холм и Силоамский Ключ, Глаголов Божьих область, – я зову</p>
--	--

Above th' Aonian mount, while it pursues
Things unattempted yet in prose or rhyme.

And chiefly thou, O Spirit, that dost prefer
Before all temples th' upright heart and pure,
Instruct me, for thou know'st; thou from the first
Wast present, and, with mighty wings outspread,
Dove-like sat'st brooding on the vast Abyss,
And mad'st it pregnant: what in me is dark
Illumine, what is low raise and support;
That, to the height of this great argument,
I may assert Eternal Providence,
And justify the ways of God to men.
Say first – for Heaven hides nothing from thy
view,
Nor the deep tract of Hell – say first what
cause

Moved our grand parents, in that happy state,
Favoured of Heaven so highly, to fall off
From their Creator, and transgress his will
For one restraint, lords of the World besides.
Who first seduced them to that foul revolt?
Th' infernal Serpent; he it was whose guile,
Stirred up with envy and revenge, deceived
The mother of mankind, what time his pride
Had cast him out from Heaven, with all his host
Of rebel Angels, by whose aid, aspiring
To set himself in glory above his peers,
He trusted to have equalled the Most High,
If he opposed, and with ambitious aim
Against the throne and monarchy of God,
Raised impious war in Heaven and battle proud,
With vain attempt. Him the Almighty Power
Hurl'd headlong flaming from th' ethereal sky,
With hideous ruin and combustion, down
To bottomless perdition, there to dwell
In adamant chains and penal fire,
Who durst defy th' Omnipotent to arms.

*(Satan, after his revolt against God, is exiled to
Hell together with his fallen angels. Lines 242-
270)*

“Is this the region, this the soil, the clime”,
Said then the lost archangel, “this the seat
That we must change for Heaven, this mournful
gloom
For that celestial light? Be it so, since he
Who now is sovereign can dispose and bid
What shall be right: furthest from him is best
Whom reason hath equal'd,
force hath made supreme
Above his equals. Farewell happy fields
Where joy for ever dwells: hail horrors, hail

Тебя оттуда в помощь; песнь моя
Отважилась взлететь над Геликоном,
К возвышенным предметам устремясь,
Нетронутым ни в прозе, ни в стихах.

Но прежде ты, о Дух Святой! – ты храмам
Предпочитаешь чистые сердца, –
Наставь меня всеведением твоим!
Ты, словно голубь, искони парил
Над бездною, плодотворя ее;
Исполни светом тьму мою, возвысь
Все брренное во мне, дабы я смог
Решающие доводы найти
И благость Провиденья доказать,
Пути Творца пред тварью оправдав.
Открой сначала, – ибо Ад и Рай
Равно доступны взору Твоему, –
Что побудило первую чету,
В счастливой сени, средь блаженных кущ,
Столь взысканную милостью Небес,
Предавших Мирозданье ей во власть,
Отречься от Творца, Его запрет
Единственный нарушить? – Адский Змий!
Да, это он, завидуя и мстя,
Праматерь нашу лестью соблазнил;
Коварный Враг, низринутый с высот
Гордыней собственной, вместе с войском
Восставших Ангелов, которых он
Возглавил, с чьею помощью Престол
Всевышнего хотел поколебать
И с Господом сравняться, возмутив
Небесные дружины; но борьба
Была напрасной. Всемогущий Бог
Разгневанный стремглав низверг строп-
тивцев,
Объятых пламенем, в бездонный мрак,
На муки в алмазных цепях
И вечном, наказующем огне,
За их вооруженный, дерзкий бунт.

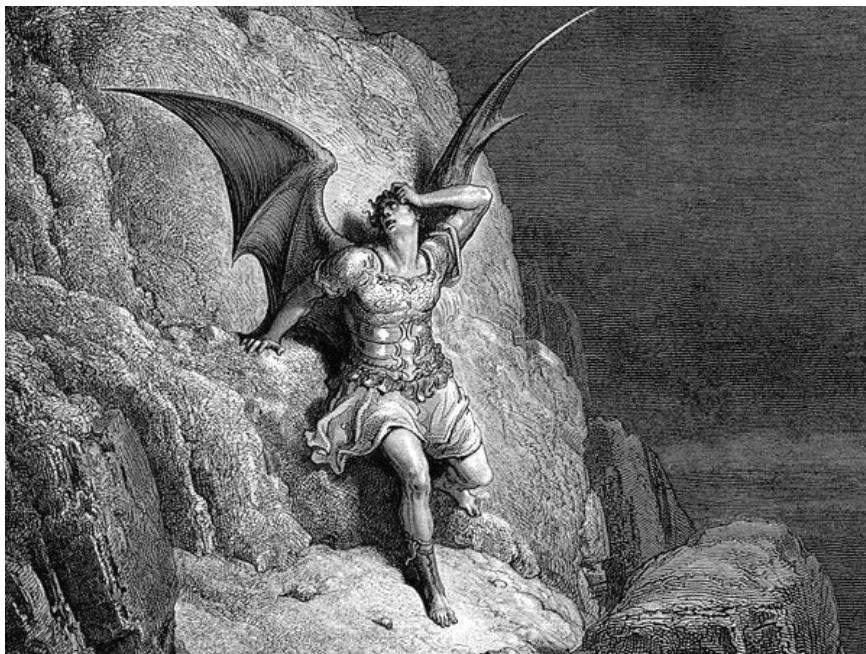
*(Сатана, восставший против Бога, изгнан
в Ад вместе с падшими ангелами)*

« – На эту ли юдоль сменили мы, –
Архангел падший молвил, – Небеса
И свет Небес на тьму? Да будет так!
Он всемогущ, а мощь всегда права.
Подальше от Него! Он выше нас
Не разумом, но силой; в остальном
Мы равные. Прощай, блаженный край!
Привет тебе, зловещий мир! Привет,
Геенна запредельная! Прими
Хозяина, чей дух не устршат
Ни время, ни пространство. Он в себе

Infernal world, and thou profoundest hell
 Receive thy new possessor: one who brings
 A mind not to be changed by place or time.
 The mind is its own place, and in itself
 Can make a heaven of Hell, a Hell of Heaven.
 What matter where, if I be still the same,
 And what I should be, all but less than he
 Whom thunder hath made greater? Here at least
 We shall be free; the almighty hath not built
 Here for his envy, will not drive us hence:
 Here we may reign secure, and in my choice
 To reign is worth ambition though in Hell:
 Better to reign in Hell, then serve in Heaven.
 But wherefore let we then our faithful friends,
 The associates and copartners of our loss
 Lie thus astonish'd on th' oblivious pool,
 And call them not to share with us their part
 In this unhappy mansion, or once more
 With rallied arms to try what may be yet
 Regained in Heaven, or what more lost in Hell?"

Обрел свое пространство и создать
 В себе из Рая – Ад и Рай из Ада
 Он может. Где б я ни был, все равно
 С собой останусь, – в этом не слабей
 Того, кто громом первенство снискал.
 Здесь мы свободны. Здесь не создал Он
 Завидный край; Он не изгонит нас
 Из этих мест. Здесь наша власть прочна,
 И мне сдается, даже в бездне власть –
 Достойная награда. Лучше быть
 Владыкой Ада, чем слугою Неба!
 Но почему же преданных друзей,
 Собратьев по беде, простертых здесь,
 В забвенном озере, мы не зовем
 Приют наш скорбный разделить и, вновь
 Объединясь, разведать: что еще
 Мы в силах у Небес отвоевать
 И что осталось нам в Аду утратить?»

✠✠✠✠

Потерянный рай. Сатана. Иллюстрации. Гюстав Доре

☞ Robert Burns ☜

Robert Burns (25 January 1759 – 21 July 1796) was a Scottish poet and lyricist. He is widely regarded as the national poet of Scotland and is celebrated worldwide. He is the best known of the poets who have written in the Scots language, although much of his writing is also in English and a light Scots dialect, accessible to an audience beyond Scotland.

He is regarded as a pioneer of the Romantic movement, and after his death he became a great source of inspiration to the founders of both liberalism and socialism, and a cultural icon in Scotland and among the Scottish Diaspora around the world. In 2009 he was chosen as the greatest Scot by the Scottish public in a vote run by Scottish television channel STV.

As well as making original compositions, Burns also collected folk songs from across Scotland, often revising or adapting them. His poem (and song) “Auld Lang Syne” is often sung at Hogmanay (the last day of the year).

☞☜☞☜

<p>My Heart's In The Highlands (1789) <i>Type: Song</i></p> <p>My heart's in the Highlands, my heart is not here, My heart's in the Highlands, a-chasing the deer; Chasing the wild-deer, and following the roe, My heart's in the Highlands, wherever I go.</p> <p>Farewell to the Highlands, farewell to the North, The birth-place of Valour, the country of Worth; Wherever I wander, wherever I rove, The hills of the Highlands for ever I love.</p> <p><i>Chorus:</i> My heart's in the Highlands, my heart is not here, My heart's in the Highlands, a-chasing the deer; Chasing the wild-deer, and following the roe, My heart's in the Highlands, wherever I go.</p> <p>Farewell to the mountains, high-cover'd with snow, Farewell to the straths and green vallies below; Farewell to the forests and wild-hanging woods, Farewell to the torrents and loud-pouring floods.</p>	<p>В горах мое сердце <i>Перевод С.Я. Маршака</i></p> <p>В горах мое сердце... Доньше я там. По следу оленя лечу по скалам. Гоню я оленя, пугаю козу. В горах мое сердце, а сам я внизу.</p> <p>Прощай, моя родина! Север, прощай, – Отечество славы и доблести край. По белому свету судьбою гоним, Навеки останусь я сыном твоим!</p> <p>Прощайте, вершины под кровлей снегов, Прощайте, долины и скаты лугов, Прощайте, поникшие в бездну леса, Прощайте, потоков лесных голоса.</p> <p>В горах мое сердце... Доньше я там. По следу оленя лечу по скалам. Гоню я оленя, пугаю козу. В горах мое сердце, а сам я внизу!</p>
--	---

☞☜☞☜

<p>Auld Lang Syne</p> <p>Should auld acquaintance be forgot, and never brought to mind? Should auld acquaintance be forgot, and auld lang syne? <i>Chorus</i> For auld lang syne, my dear, for auld lang syne, we'll tak a cup o' kindness yet, for auld lang syne.</p> <p>And surely ye'll be your pint-stowp! and surely I'll be mine! And we'll tak a cup o' kindness yet, for auld lang syne. <i>Chorus</i> We twa hae run about the braes, and pu'd the gowans fine; But we've wander'd mony a weary fit, sin auld lang syne. <i>Chorus</i> We twa hae paidl'd i' the burn, frae morning sun till dine ; But seas between us braid hae roar'd sin auld lang syne. <i>Chorus</i> And there's a hand, my trusty fiere! and gie's a hand o' thine! And we'll tak a right gude-willy waught, for auld lang syne. <i>Chorus</i></p>	<p>Старая дружба <i>Перевод С.Я. Маршака</i></p> <p>Забуть ли старую любовь И не грустить о ней? Забуть ли старую любовь И дружбу прежних дней? <i>Припев:</i> За дружбу старую – до дна! За счастье прежних дней! С тобой мы выпьем, старина, За счастье прежних дней.</p> <p>Побольше кружки приготовить И доверху налей. Мы пьем за старую любовь, За дружбу прежних дней. <i>Припев</i> С тобой топтали мы вдвоем Траву родных полей, Но не один крутой подъем Мы взяли с юных дней. <i>Припев</i> Переплывали мы не раз С тобой через ручей. Но море разделило нас, Товарищ юных дней... <i>Припев</i> И вот с тобой сошлись мы вновь. Твоя рука – в моей. Я пью за старую любовь, За дружбу прежних дней! <i>Припев</i></p>
--	--

<p>John Barleycorn: A Ballad (1782)</p> <p>There was three kings into the east, Three kings both great and high, And they hae sworn a solemn oath John Barleycorn should die.</p> <p>They took a plough and plough'd him down, Put clods upon his head, And they hae sworn a solemn oath John Barleycorn was dead.</p> <p>But the cheerful Spring came kindly on, And show'rs began to fall; John Barleycorn got up again, And sore surpris'd them all.</p> <p>The sultry suns of Summer came, And he grew thick and strong;</p>	<p>Джон Ячменное Зерно</p> <p>Трех королей разгневал он, И было решено, Что навсегда погибнет Джон Ячменное Зерно.</p> <p>Велели выкопать сохой Могилу короли, Чтоб славный Джон, боец лихой, Не вышел из земли.</p> <p>Травой покрылся горный склон, В ручьях воды полно, А из земли выходит Джон Ячменное Зерно.</p> <p>Все так же буен и упрям, С пригорка в летний зной</p>
---	--

His head weel arm'd wi' pointed spears,
That no one should him wrong.

The sober Autumn enter'd mild,
When he grew wan and pale;
His bending joints and drooping head
Show'd he began to fail.

His colour sicken'd more and more,
He faded into age;
And then his enemies began
To show their deadly rage.

They've taen a weapon, long and sharp,
And cut him by the knee;
Then tied him fast upon a cart,
Like a rogue for forgerie.
They laid him down upon his back,
And cudgell'd him full sore;
They hung him up before the storm,
And turned him o'er and o'er.

They filled up a darksome pit
With water to the brim;
They heaved in John Barleycorn,
There let him sink or swim.

They laid him out upon the floor,
To work him farther woe;
And still, as signs of life appear'd,
They toss'd him to and fro.

They wasted, o'er a scorching flame,
The marrow of his bones;
But a miller us'd him worst of all,
For he crush'd him between two stones.

And they hae taen his very heart's blood,
And drank it round and round;
And still the more and more they drank,
Their joy did more abound.

John Barleycorn was a hero bold,
Of noble enterprise;
For if you do but taste his blood,
Twill make your courage rise.

'Twill make a man forget his woe;
'Twill heighten all his joy;
'Twill make the widow's heart to sing,
Tho' the tear were in her eye.

Then let us toast John Barleycorn,
Each man a glass in hand;
And may his great posterity
Ne'er fail in old Scotland!

Грозит он копьями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время помирать –
Зима недалека.
И тут – то недруги опять
Взялись за старика.

Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правез,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно.

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец, –
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

**To A Mouse,
On Turning Her Up In Her Nest
With The Plough (1785)**

Wee, sleekit, cow'rin, tim'rous beastie,
O, what a panic's in thy breastie!
Thou need na start awa sae hasty,
Wi' bickering brattle!
I wad be laith to rin an' chase thee,
Wi' murd'ring pattle!

I'm truly sorry man's dominion,
Has broken nature's social union,
An' justifies that ill opinion,
Which makes thee startle
At me, thy poor, earth – born companion,
An' fellow-mortal!

I doubt na, whiles, but thou may thieve;
What then? poor beastie, thou maun live!
A daimen icker in a thrave
'S a sma' request;
I'll get a blessin wi' the lave,
An' never miss't!

Thy wee bit housie, too, in ruin!
It's silly wa's the win's are strewin!
An' naething, now, to big a new ane,
O' foggage green!
An' bleak December's winds ensuin,
Baith snell an' keen!

Thou saw the fields laid bare an' waste,
An' weary winter comin fast,
An' cozie here, beneath the blast,
Thou thought to dwell –
Till crash! the cruel coulter past
Out thro' thy cell.

That wee bit heap o' leaves an' stibble,
Has cost thee mony a weary nibble!
Now thou's turn'd out, for a' thy trouble,
But house or hald,
To thole the winter's sleety dribble,
An' cranreuch cauld!

But, Mousie, thou art no thy lane,
In proving foresight may be vain;
The best-laid schemes o' mice an 'men
Gang aft agley,
An'lea'e us nought but grief an' pain,
For promis'd joy!

**Полевой мыши,
гнездо которой разорено моим плугом
Перевод С.Я. Маршака**

Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке,
За жизнь свою?
Не трусь – тебя своей лопаткой
Я не убью.

Я понимаю и не спорю,
Что человек с природой в ссоре,
И всем живым несет он горе,
Внушает страх,
Хоть все мы смертные и вскоре
Вернемся в прах.

Пусть говорят: ты жнешь, не сея.
Но я винить тебя не смею.
Ведь надо жить!.. И ты скромнее,
Чем все, крадешь.
А я ничуть не обеднею –
Была бы рожь!

Тебя оставил я без крова
Порой ненастной и суровой,
Когда уж не из чего снова
Построить дом,
Чтобы от ветра ледяного
Укрыться в нем...

Все голо, все мертво вокруг.
Пустынно поле, скошен луг.
И ты убежище от вьюг
Найти мечтал,
Когда вломился тяжкий плуг
К тебе в подвал.

Травы, листвы увядшей ком –
Вот чем он стал, твой теплый дом,
Тобой построенный с трудом.
А дни идут...
Где ты в полях, покрытых льдом,
Найдешь приют?

Ах, милый, ты не одинок:
И нас обманывает рок,
И рушится сквозь потолок
На нас нужда.
Мы счастья ждем, а на порог
Валит беда...

<p>Still thou art blest, compar'd wi' me The present only toucheth thee: But, Och! I backward cast my e'e. On prospects drear! An' forward, tho' I canna see, I guess an' fear!</p>	<p>Но ты, дружок, счастливей нас... Ты видишь то, что есть сейчас. А мы не сводим скорбных глаз С былых невзгод И в тайном страхе каждый раз Глядим вперед.</p>
--	--

<p>A Red, Red Rose <i>(Scottish)</i></p> <p>O my Luve's like a red, red rose That's newly sprung in June; O my Luve's like the melodie That's sweetly play'd in tune. As fair art thou, my bonnie lass, So deep in luve am I: And I will luve thee still, my dear, Till a' the seas gang dry: Till a' the seas gang dry, my dear, And the rocks melt wi' the sun: I will luve thee still, my dear, While the sands o' life shall run. And fare thee well, my only Luve And fare thee well, a while! And I will come again, my Luve, Tho' it were ten thousand mile.</p>	<p>A Red, Red Rose <i>(English)</i></p> <p>O, my love is like a red, red rose, That is newly sprung in June. O, my love is like the melody, That is sweetly played in tune. As fair are you, my lovely lass, So deep in love am I, And I will love you still, my Dear, Till all the seas go dry. Till all the seas go dry, my Dear, And the rocks melt with the sun! O I will love you still, my Dear, While the sands of life shall run. And fare you well, my only Love, And fare you well a while! And I will come again, my Love, Although it were ten thousand mile!</p>
--	--

Любовь

Перевод С.Я. Маршака

Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя – как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит...

Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

☪ William Blake ☪

William Blake (28 November 1757 – 12 August 1827) was an English poet, painter and printmaker. Largely unrecognized during his lifetime, Blake is now considered a seminal figure in the history of the poetry and visual arts of the Romantic Age. In fact, he was not linked to the Romantic movement and started writing about 15 years before the Lake Poets. Quite unlike a typical Romantic poet, he was a lower middle – class man, poorly educated and had never travelled; he lived a peaceful family life in London and earned his living by engraving book illustrations. Now, Blake is famous for his illustrations for Milton’s “Paradise Lost” and other classical works of literature.

Blake’s poems were never published formally in his lifetime, he only produced handmade copies using his engraving tools. His prophetic poetry has been said to form “what is in proportion to its merits the least read body of poetry in the English language”. His visual artistry led one contemporary art critic to proclaim him “far and away the greatest artist Britain has ever produced”. In 2002, Blake was placed at number 38 in the BBC's poll of the 100 Greatest Britons.

The Tyger

Tyger! Tyger! burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye
Could frame thy fearful symmetry?

In what distant deeps or skies
Burnt the fire of thine eyes?
On what wings dare he aspire?
What the hand dare seize the Fire?

And what shoulder, and what art,
Could twist the sinews of thy heart?
And when thy heart began to beat,
What dread hand? and what dread feet?

What the hammer? what the chain?
In what furnace was thy brain?
What the anvil? what dread grasp
Dare its deadly terrors clasp?

When the stars threw down their spears,
And water'd heaven with their tears,
Did he smile his work to see?
Did he who made the Lamb make thee?

Tyger! Tyger! burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye,
Dare frame thy fearful symmetry?

Тигр

Перевод К. Бальмонта (1921)

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?

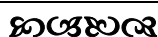
В небесах иль средь зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?
Как дерзал он так парить?
Кто посмел огонь схватить?

Кто скрутил и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты был выкован – такой?

Чей был молот, цепи чьи,
Чтоб скрепить мечты твои?
Кто взметнул твой быстрый взмах,
Ухватил смертельный страх?

В тот великий час, когда
Возвала к звезде звезда,
В час, как небо все зажглось
Влажным блеском звездных слез, –

Он, создание любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тот же ль он тебя создал,
Кто рожденье агнцу дал?

ଉତ୍ସର

<p>Тигр <i>Перевод С. Маршака (1965)</i></p> <p>Тигр, о тигр, светло горящий В глубине полночной чаши, Кем задуман огневой Соразмерный образ твой?</p> <p>В небесах или глубинах Тлел огонь очей звериных? Где таился он века? Чья нашла его рука?</p> <p>Что за мастер, полный силы, Свил твои тугие жилы И почувствовал меж рук Сердца первый тяжкий звук?</p>	<p>Что за горн пред ним пылал? Что за млат тебя ковал? Кто впервые сжал клещами Гневный мозг, метавший пламя?</p> <p>А когда весь купол звездный Оросился влагой слезной, – Улыбнулся ль наконец Делу рук своих творец?</p> <p>Неужели та же сила, Та же мощная ладонь И ягненка сотворила, И тебя, ночной огонь?</p> <p>Тигр, о тигр, светло горящий В глубине полночной чаши! Чьей бессмертной рукой Создан грозный образ твой?</p>
---	---

ଉତ୍ସର

<p>Love's Secret</p> <p>Never seek to tell thy love, Love that never told can be; For the gentle wind does move Silently, invisibly.</p> <p>I told my love, I told my love, I told her all my heart; Trembling, cold, in ghastly fears, Ah! she did depart!</p> <p>Soon as she was gone from me, A traveler came by, Silently, invisibly He took her with a sigh.</p>	<p>Секрет любви <i>Перевод С. Маршака</i></p> <p>Словом высказать нельзя Всю любовь к любимой. Ветер движется, скользя, Тихий и незримый.</p> <p>Я сказал, я все сказал, Что в душе таилось. Ах, любовь моя в слезах, В страхе удалилась.</p> <p>А мгновение спустя Путник, шедший мимо, Тихо, вкрадчиво, шутя Завладел любимой.</p>
---	---

ଉତ୍ସର

<p>London</p> <p>I wander thro' each charter'd street, Near where the charter'd Thames does flow, And mark in every face I meet Marks of weakness, marks of woe.</p> <p>In every cry of every Man, In every Infant's cry of fear, In every voice, in every ban, The mind-forg'd manacles I hear.</p> <p>How the chimney-sweeper's cry Every black'ning church appals; And the hapless soldiers sigh Runs in blood down palace walls.</p> <p>But most thro' midnight streets I hear How the youthful harlot's curse Blasts the new-born infant's tear, And blights with plagues the marriage hearse.</p>	<p>Лондон <i>Перевод С. Маршака</i></p> <p>По вольным улицам брожу, У вольной издавна реки. На всех я лицах нахожу Печать бессилья и тоски.</p> <p>Мужская брань, и женский стон, И плач испуганных детей В моих ушах звучат, как звон Законом созданных цепей.</p> <p>Здесь трубочистов юных крики Пугают сумрачный собор, И кровь солдата – горемыки Течет на королевский двор.</p> <p>А от проклятий и угроз Девчонки в закоулках мрачных Чернеют капли детских слез И катаfalки новобрачных.</p>
--	---

<p>A Poison Tree</p> <p>I was angry with my friend: I told my wrath, my wrath did end. I was angry with my foe: I told it not, my wrath did grow.</p> <p>And I watered it in fears, Night and morning with my tears; And I sunned it with smiles, And with soft deceitful wiles.</p> <p>And it grew both day and night, Till it bore an apple bright. And my foe beheld it shine. And he knew that it was mine,</p> <p>And into my garden stole When the night had veiled the pole; In the morning glad I see My foe outstretched beneath the tree.</p>	<p>Ядовитое дерево <i>Перевод П. Долголенко</i></p> <p>Я держал на друга зло: Рассказал – и зло прошло. На врага копил я зло: Злился молча, зло росло.</p> <p>Я страдал, ночей не спал, Зло слезами поливал, Было мне не жаль для зла Лицемерного тепла.</p> <p>Разрослось на целый сад, Яблоки на нем висят, Спелым соком налились, У врага глаза зажглись.</p> <p>Ночь настала – он, как вор, Перелез через забор. Утром – о, отрадный вид! – Враг под деревом лежит.</p>
--	--

☞ The Lake Poets ☞

For any English person, true Romanticism is embodied in the three figures of the Lake Poets – Samuel Taylor Coleridge, William Wordsworth and Robert Southey. The three were thus named after the Lake District in the north of England where the three had lived. Its landscape of lakes and mountains had a great influence upon the romantic idea of nature.

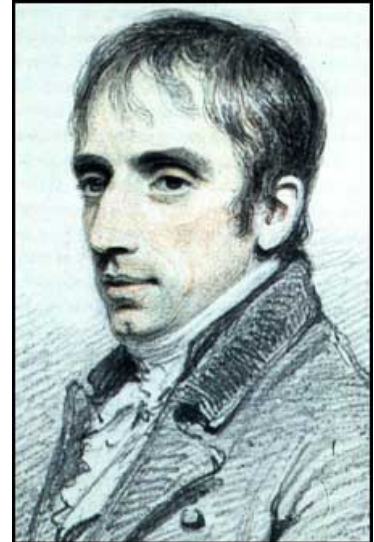
Another key factor that affected their worldview was the French Revolution of 1789, which they saw when young. All of the three, more or less, expressed their radical left views at an earlier stage of their career. However, later their views diverged.

Though each of them had written much throughout his life, in the general English view of literary history Wordsworth and Coleridge are still recognized as the authors of “Lyrical Ballads” – the 1798 collection of poems (Southey’s early work, “Joan of Arc”, was published separately in the same year).

☞ William Wordsworth ☞

William Wordsworth (7 April 1770 – 23 April 1850) was a major English Romantic poet who, with Samuel Taylor Coleridge, helped to launch the Romantic Age in English literature with the 1798 joint publication “Lyrical Ballads”.

“We are Seven” is a poem written by Wordsworth and published in his “Lyrical Ballads”. It describes a discussion between an adult poetic speaker and a “little cottage girl” about the number of brothers and sisters who dwell with her. The poem is written in ballad form. In his Preface to “Lyrical Ballads”, Wordsworth wrote that the poems expressed “the perplexity and obscurity which in childhood attend our notion of death, or rather our utter inability to admit that notion”. The little girl in the poem is unable to realise that she is separated from her dead siblings (brothers or sisters).

We Are Seven

A Simple Child,
That lightly draws its breath,
And feels its life in every limb,
What should it know of death?

I met a little cottage Girl:
She was eight years old, she said;
Her hair was thick with many a curl
That clustered round her head.

She had a rustic, woodland air,
And she was wildly clad:
Her eyes were fair, and very fair;
– Her beauty made me glad.

“Sisters and brothers, little Maid,
How many may you be?”
“How many? Seven in all”, she said
And wondering looked at me.

“And where are they? I pray you tell”.
She answered, “Seven are we;
And two of us at Conway dwell,
And two are gone to sea”.

Нас семеро

Перевод И.И. Козлова

Легко радушное дитя
Привыкшее дышать,
Здоровьем, жизнью цвета,
Как может смерть понять?

Навстречу девочка мне шла:
Лет восемь было ей;
Ее головку облегла
Струя густых кудрей.

И дик был вид ее степной,
И дик простой наряд,
И радовал меня красотой
Малютки милый взгляд.

«Всех сколько вас, – ей молвил я, –
И братьев, и сестер?»
– Всего? Нас семь! – и, на меня
Дивясь, бросает взор.

«А где ж они?» – Нас семь всего, –
В ответ малютка мне. –
Нас двое жить пошли в село
И два на корабле.

“Two of us in the church-yard lie,
My sister and my brother;
And, in the church-yard cottage, I
Dwell near them with my mother”.

“You say that two at Conway dwell,
And two are gone to sea,
Yet ye are seven! – I pray you tell,
Sweet Maid, how this may be”.

Then did the little Maid reply,
“Seven boys and girls are we;
Two of us in the church-yard lie,
Beneath the church-yard tree”.

“You run about, my little Maid,
Your limbs they are alive;
If two are in the church-yard laid,
Then ye are only five”.

“Their graves are green, they may be seen”,
The little Maid replied,
“Twelve steps or more from my mother's door,
And they are side by side”.

“My stockings there I often knit,
My kerchief there I hem;
And there upon the ground I sit,
And sing a song to them”.

“And often after sunset, Sir,
When it is light and fair,
I take my little porringer,
And eat my supper there”.

“The first that died was sister Jane;
In bed she moaning lay,
Till God released her of her pain;
And then she went away”.

“So in the church-yard she was laid;
And, when the grass was dry,
Together round her grave we played,
My brother John and I”.

“And when the ground was white with snow,
And I could run and slide,
My brother John was forced to go,
And he lies by her side”.

“How many are you, then”, said I,
“If they two are in heaven?”
Quick was the little Maid's reply,
“O Master! we are seven”.

И на кладбище брат с сестрой
Лежат из семерых,
А за кладбищем я с родной:
Живем мы подле них.

«Как? Двое жить в село пошли,
Пустились двое плыть,
А вас все семь! Дружок, скажи,
Как это может быть?»

– Нас семь, нас семь! – она тотчас
Опять сказала мне.
– Здесь на кладбище двое нас
Под ивою в земле.

«Ты бегаешь вокруг нее,
Ты видно, что жива;
Но вас лишь пять, дитя мое,
Когда под ивой два».

– На их гробах земля в цветах,
И десяти шагов
Нет от дверей родной моей
До милых нам гробов.

Я часто здесь чулки вяжу,
Платок мой здесь рублю,
И подле их могил сажу,
И песни им пою.

И если позднею порой
Светло горит заря,
То, взяв мой сыр и хлеб с собой,
Здесь ужинаю я.

Малютка Дженни день и ночь
Томилася, больна;
Но Бог ей не забыл помочь –
И спряталась она.

Когда ж ее мы погребли
И расцвела земля –
К ней на могилку мы пришли
Резвиться, Джон и я.

Но только дождалась зимой
Коньков я и саней,
Ушел и Джон, братишка мой,
И лег он рядом с ней.

«Так сколько ж вас? – был мой ответ. –
На небе двое, верь!
Вас только пять». – О, барин, нет!
Сочти – нас семь теперь.

<p>“But they are dead; those two are dead! Their spirits are in heaven!” Twas throwing words away; for still The little Maid would have her will, And said, “Nay, we are seven!”</p>	<p>«Да нет уж двух: они в земле, А души в небесах!» Но был ли прок в моих словах? Все девочка твердила мне: – О нет, нас семь, нас семь!</p>
--	--

ନିଃସଂସାର

“**I Wandered Lonely as a Cloud**” (known as “**The Daffodils**”) is an 1804 poem by William Wordsworth. It was inspired by an April 15, 1802 event in which Wordsworth and his sister, Dorothy, came across a “long belt” of daffodils. The poem is written in iambic tetrameter.

ନିଃସଂସାର

<p>The Daffodils</p> <p>I wandered lonely as a cloud That floats on high o'er vales and hills, When all at once I saw a crowd, A host, of golden daffodils; Beside the lake, beneath the trees, Fluttering and dancing in the breeze.</p> <p>Continuous as the stars that shine And twinkle on the milky way, They stretched in never-ending line Along the margin of a bay: Ten thousand saw I at a glance, Tossing their heads in sprightly dance.</p> <p>The waves beside them danced, but they Out – did the sparkling leaves in glee; A poet could not but be gay, In such a jocund company! I gazed – and gazed – but little thought What wealth the show to me had brought:</p> <p>For oft, when on my couch I lie In vacant or in pensive mood, They flash upon that inward eye Which is the bliss of solitude; And then my heart with pleasure fills, And dances with the daffodils.</p>	<p>Нарциссы <i>Перевод И. Лихачева</i></p> <p>Печальным реял я туманом Среди долин и гор седых, Как вдруг очнулся перед станом, Толпой нарциссов золотых: Шатал и гнул их ветерок, И каждый трепетал цветок.</p> <p>Бесчисленны в своем мерцанье, Как звезды в млечности ночной, Они вились по очертанью Излучины береговой – Сто сотен охватил на глаз Пустившихся в веселый пляс.</p> <p>Плясала и волна; резвее, Однако, был цветов задор, Тоску поэта вмиг развеял Их оживленный разговор, Но сердцу было невдогад, Какой мне в них открылся клад.</p> <p>Ведь ныне в сладкий час покоя Иль думы одинокий час Вдруг озарят они весною, Пред оком мысленным явясь, И сердцем я плясать готов, Ликуя радостью цветов.</p>
--	---

ନିଃସଂସାର

“Composed upon Westminster Bridge, September 3, 1802” is a sonnet by William Wordsworth describing London, viewed from one of the bridges over the Thames, in the early morning.

ଉତ୍ସବର

<p>Upon Westminster Bridge</p> <p>Earth has not anything to show more fair: Dull would he be of soul who could pass by A sight so touching in its majesty: This City now doth, like a garment, wear The beauty of the morning; silent, bare, Ships, towers, domes, theatres, and temples lie Open unto the fields, and to the sky; All bright and glittering in the smokeless air. Never did sun more beautifully steep In his first splendour, valley, rock, or hill; Ne'er saw I, never felt, a calm so deep! The river glideth at his own sweet will: Dear God! the very houses seem asleep; And all that mighty heart is lying still!</p>	<p>На Вестминстерском мосту <i>(автор перевода неизвестен)</i></p> <p>Видения прекрасней не бывало, Безрадостен душой и скучен тот, Кто мимо чуда этого пройдет: Сверкающего утра покрывало На храмы, башни, корабли упало, Их встреча с небом и полями ждет, Прозрачен воздух, блещет небосвод, Всё замерло в молчанье величавом. И тишина господствует кругом, И солнца первозданной красотой Напоены скала, долина, холм, Сияние разлито над рекой, О, милостивый Бог! Спит каждый дом, Великий Город погружен в покой!</p>
---	---

ଉତ୍ସବର

<p>London, 1802</p> <p>Milton! thou shouldst be living at this hour; England hath need of thee: she is a fen Of stagnant waters: altar, sword, and pen, Fireside, the heroic wealth of hall and bower, Have forfeited their ancient English dower Of inward happiness. We are selfish men; Oh! raise us up, return to us again; And give us manners, virtue, freedom, power. Thy soul was like a Star, and dwelt apart; Thou hadst a voice whose sound was like the sea: Pure as the naked heavens, majestic, free, So didst thou travel on life's common way, In cheerful godliness; and yet thy heart The lowliest duties on herself did lay.</p>	<p>К МИЛЬТОНУ <ЛОНДОН, 1802> <i>Перевод К.Д. Бальмонта (Опубл. 1893)</i></p> <p>Мильтон? Зачем тебя меж нами нет? Британии ты нужен в дни паденья! Везде заветов прошлого забвенья, Погибла честь, померкнул правды свет. Родимый край под гнетом тяжких бед, В оковах лжи, тоски, ожесточенья. О, пробуди в нас честные стремленья, Стряхни могильный сон, восстань, поэт! Твоя душа была звездой блестящей, Твой голос был как светлый вал морской – Могучий, и свободный, и звенящий; Ты твердо шел житейскою тропой. Будь вновь для нас зарею восходящей, Будь факелом над смутною толпой!</p>
---	---

ଉତ୍ସବର

☞ Samuel Taylor Coleridge ☞

Samuel Taylor Coleridge (21 October 1772 – 25 July 1834) was an English poet, literary critic and philosopher who, with his friend William Wordsworth, was a founder of the Romantic Movement in England and a member of the Lake Poets.

Coleridge is probably best known for his long narrative poems, “The Rime of the Ancient Mariner” and “Christabel”. Even those who have never read the Rime have come under its influence: its words have given the English language the metaphor of an albatross around one's neck, the quotation of “water, water everywhere, nor any drop to drink” (almost always rendered as “but not a drop to drink”), and the phrase “a sadder and a wiser man” (again, usually rendered as “a sadder but wiser man”).

The particular trait of Coleridge's poetry is its fantastic and exotic air, and its style is rich in metaphor. Imagination played a major part in Coleridge's literary theory, and he had even developed a series of lectures on it.

“Christabel” is known for its musical rhythm, language, and its Gothic tale. The story of “Christabel” concerns a central female character of the same name and her encounter with a stranger called Geraldine. Christabel goes into the woods to pray by the large oak tree, where she hears a strange noise. Upon looking behind the tree, she finds Geraldine who says that she had been abducted from her home by men on horseback. Christabel pities her and takes her home with her. They spend the night together. Her father, Sir Leoline, becomes enchanted with Geraldine, ordering a grand procession to announce her rescue. The unfinished poem ends here.

From Christabel

The lovely lady, Christabel,
Whom her father loves so well,
What makes her in the wood so late,
A furlong from the castle gate?
She had dreams all yesternight
Of her own betrothed knight;
And she in the midnight wood will pray
For the weal of her lover that's far away.

She stole along, she nothing spoke,
The sighs she heaved were soft and low,
And naught was green upon the oak,
But moss and rarest mistletoe:
She kneels beneath the huge oak tree,
And in silence prayeth she.

The lady sprang up suddenly,
The lovely lady, Christabel!
It moaned as near, as near can be,
But what it is she cannot tell. –
On the other side it seems to be,
Of the huge, broad – breasted, old oak tree.

Из Кристабель

Перевод Г.В. Иванова

Кто леди Кристабель милей?
Ее отец так нежен с ней!
Куда же она так поздно идет
Вдали от замковых ворот?
Всю ночь вчера средь грез ночных
Ей снился рыцарь, ее жених,
И хочет она в лесу ночном,
В разлуке с ним, помолиться о нем.

Брела в безмолвии она,
И был ее чуть слышен вздох,
На голем дубе была зелена
Одна омела, да редкий мох.
Став на колени в лесной глуши,
Она молилась от всей души.

Но поднялась тревожно вдруг
Прекрасная леди Кристабель –
Она услышала странный звук,
Не слыханный ею нигде досель,
Как будто стоны близко слышны
За старым дубом, с той стороны.

<p>The night is chill; the forest bare; Is it the wind that moaneth bleak? There is not wind enough in the air To move away the ringlet curl From the lovely lady's cheek – There is not wind enough to twirl The one red leaf, the last of its clan, That dances as often as dance it can, Hanging so light, and hanging so high, On the topmost twig that looks up at the sky.</p>	<p>Ночь холодна, лес обнажен: Может быть, это ветра стон? Нет, даже легкий ветерок Не повеет сегодня среди ракич, Не сдует локона с милых щек, Не шелохнет, не закружит Последний красный лист, всегда Готовый плясать туда, сюда, Так слабо подвешенный, так легко На верхней ветке, там, высоко.</p>
<p>Hush, beating heart of Christabel! Jesu, Maria, shield her well! She folded her arms beneath her cloak, And stole to the other side of the oak. What sees she there?</p>	<p>Чу! бьется сердце у ней в груди – Святая дева, ее пощади! Руки с мольбой сложив под плащом, Обходит дуб она кругом, Что же видит она?</p>
<p>There she sees a damsel bright, Dressed in a silken robe of white, That shadowy in the moonlight shone: The neck that made that white robe wan, Her stately neck, and arms were bare; Her blue – veined feet unsandaled were; And wildly glittered here and there The gems entangled in her hair. I guess, 't was frightful there to see A lady so richly clad as she – Beautiful exceedingly!</p>	<p>Юная дева прелестна на вид В белом шелковом платье сидит. Платье блестит в лучах луны, Ее шея и плечи обнажены, От них ее платье еще бледней. Она сидит на земле, боса, И дикие звезды цветных камней Блестят, запутаны в ее волоса. Конечно, страшно лицом к лицу Было девушке встретить в ночном лесу Такую страшную красу.</p>
<p>“Mary mother, save me now!” Said Christabel, “and who art thou?”</p>	<p>«Помоги, богоматерь, мне с высоты (Говорит Кристабель), но кто же ты?»</p>
<p>The lady strange made answer meet, And her voice was faint and sweet: – “Have pity on my sore distress, I scarce can speak for weariness: Stretch forth thy hand, and have no fear!” Said Christabel, “How camest thou here?”</p>	<p>Сказала ей дама такие слова, И голос ее звучал едва: «О, пусть тебя тронет моя судьба, Я с трудом говорю, я так слаба, Протяни мне руку, не бойся, о нет...» Кристабель спросила, откуда она, ...</p>

☞ Robert Southey ☞

Robert Southey (12 August 1774 – 21 March 1843) was an English poet of the Romantic school, one of the so-called “Lake Poets”, and Poet Laureate for 30 years from 1813 to his death in 1843. Although his fame has been long eclipsed by that of his contemporaries and friends William Wordsworth and Samuel Taylor Coleridge, Southey's verse still enjoys some popularity.

Southey was also a prolific letter writer, literary scholar, essay writer, historian and biographer. His biographies include the life and works of John Bunyan, John Wesley, William Cowper, Oliver Cromwell and Horatio Nelson. He was also a renowned scholar of Portuguese and Spanish literature and history, translating a number of works from those two languages into English and writing a “History of Brazil” and a “History of the Peninsular War”. Perhaps his most enduring contribution to literary history is the children's classic “The Story of the Three Bears”, the original Goldilocks story, first published in Southey's prose collection “The Doctor”.

Southey's ideas had shifted from radical socialism to ultra – right monarchism, and his poems became didactic. His ballad “God's Judgment on a Wicked Bishop” was chosen for translation by his great Russian contemporary Vasily Zhukovsky.

God's Judgment on a Wicked Bishop	Суд Божий над епископом
The summer and autumn had been so wet, That in winter the corn was growing yet, 'Twas a piteous sight to see all around The grain lie rotting on the ground.	<i>Перевод В.А. Жуковского</i>
Every day the starving poor Crowded around Bishop Hatto's door, For he had a plentiful last-year's store, And all the neighbourhood could tell His granaries were furnish'd well.	Были и лето и осень дождливы; Были потоплены пажити, нивы; Хлеб на полях не созрел и пропал; Сделался голод, народ умирал.
At last Bishop Hatto appointed a day To quiet the poor without delay; He bade them to his great Barn repair, And they should have food for the winter there.	Но у епископа милостью Неба Полны амбары огромные хлеба; Жито сберег прошлогоднее он: Был осторожен епископ Гаттон.
Rejoiced such tidings good to hear, The poor folk flock'd from far and near; The great barn was full as it could hold Of women and children, and young and old.	Рвутся толпой и голодный и нищий В двери епископа, требуя пищи; Скуп и жесток был епископ Гаттон: Общей бедою не тронулся он.
Then when he saw it could hold no more, Bishop Hatto he made fast the door; And while for mercy on Christ they call, He set fire to the Barn and burnt them all.	Слушать их вопли ему надоело; Вот он решился на страшное дело: Бедных из ближних и дальних сторон, Слышно, скликает епископ Гаттон.
	«Дожили мы до нежданного чуда: Вынул епископ добро из – под спуда; Бедных к себе на пирушку зовет», – Так говорил изумленный народ.

“T’faith ’tis an excellent bonfire!” quoth he,
“And the country is greatly obliged to me,
For ridding it in these times forlorn
Of Rats that only consume the corn”.

So then to his palace returned he,
And he sat down to supper merrily,
And he slept that night like an innocent man;
But Bishop Hatto never slept again.

In the morning as he enter’d the hall
Where his picture hung against the wall,
A sweat like death all over him came,
For the Rats had eaten it out of the frame.

As he look’d there came a man from his farm –
He had a countenance white with alarm;
“My Lord, I open’d your granaries this morn,
And the Rats had eaten all your corn”.

Another came running presently,
And he was pale as pale could be,
“Fly! my Lord Bishop, fly”, quoth he,
“Ten thousand Rats are coming this way, ...
The Lord forgive you for yesterday!”

“I’ll go to my tower on the Rhine”, replied he,
“Tis the safest place in Germany;
The walls are high and the shores are steep,
And the stream is strong and the water deep”.

Bishop Hatto fearfully hasten’d away,
And he crost the Rhine without delay,
And reach’d his tower, and barr’d with care
All the windows, doors, and loop – holes there.

He laid him down and closed his eyes;...
But soon a scream made him arise,
He started and saw two eyes of flame
On his pillow from whence the screaming came.

He listen’d and look’d;... it was only the Cat;
And the Bishop he grew more fearful for that,
For she sat screaming, mad with fear
At the Army of Rats that were drawing near.

For they have swum over the river so deep,
And they have climb’d the shores so steep,
And up the Tower their way is bent,
To do the work for which they were sent.

They are not to be told by the dozen or score,
By thousands they come, and by myriads and more,

К сроку собралися званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит:
«В Рейнской башне спасусь», – говорит.

Башня из рейнских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

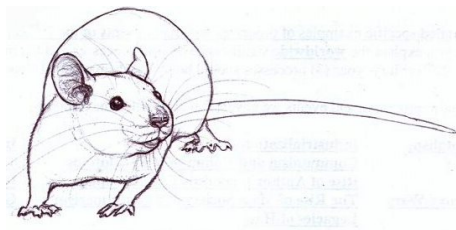
Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,

Such numbers had never been heard of before,
Such a judgment had never been witness'd of yore.

Down on his knees the Bishop fell,
And faster and faster his beads did he tell,
As louder and louder drawing near
The gnawing of their teeth he could hear.

And in at the windows and in at the door,
And through the walls helter – skelter they pour,
And down from the ceiling and up through the
floor,
From the right and the left, from behind and be-
fore,
From within and without, from above and below,
And all at once to the Bishop they go.

They have whetted their teeth against the stones,
And now they pick the Bishop's bones:
They gnaw'd the flesh from every limb,
For they were sent to do judgment on him!

Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь две-
ри,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

☞ George Gordon Byron ☞

George Gordon Byron, 6th Baron Byron, (22 January 1788 – 19 April 1824), commonly known simply as **Lord Byron**, was an English poet and a leading figure in the Romantic movement. Among Byron's best-known works are the lengthy narrative poems “Don Juan” and “Childe Harold's Pilgrimage” and the short lyric “She Walks in Beauty”. He is regarded as one of the greatest British poets and remains widely read and influential.

He travelled to fight against the Ottoman Empire in the Greek War of Independence, for which Greeks revere him as a national hero. He died at age 36 from a fever contracted while in Missolonghi in Greece.

ଭୃଷ୍ଣ

When we two parted

When we two parted
In silence and tears,
Half broken – hearted
To sever for years,
Pale grew thy cheek and cold,
Colder thy kiss;
Truly that hour foretold
Sorrow to this!

The dew of the morning
Sunk chill on my brow –
It felt like the warning
Of what I feel now.
Thy vows are all broken,
And light is thy fame:
I hear thy name spoken,
And share in its shame.

They name thee before me,
A knell to mine ear;
A shudder comes o’er me –
Why wert thou so dear?
They know not I knew thee
Who knew thee too well:
long, long shall I rue thee,
Too deeply to tell.

In secret we met –
In silence I grieve,
That thy heart could forget,
Thy spirit deceive.
If I should meet thee
After long year,
How should I greet thee?
With silence and tears.

Мы расстались в слезах

Перевод Я. Фельдмана

Мы расстались в слезах,
Ты была холодна
И бледна, и губы как лед.
И я понял, что я заплачу сполна
За этот несладкий мед.

И капли росы холодили бровь,
И кляत्व застывал сургуч.
И я подумал, что эту любовь
Запереть, и выбросить ключ.

А теперь твоя слава из уст в уста
Спотыкается, а бежит.
И я не хотел бы тебе мешать,
И грустно мне с этим жить.

И имя твое, как стеклянный шар,
Звонит у меня в ушах.
И хотя мне тебя действительно жаль,
Я не буду тебе мешать.

ଭୃଷ୍ଣ

<p>She Walks in Beauty</p> <p>She walks in beauty, like the night Of cloudless climes and starry skies; And all that's best of dark and bright Meet in her aspect and her eyes: Thus mellow'd to that tender light Which heaven to gaudy day denies.</p> <p>One shade the more, one ray the less, Had half impaired the nameless grace Which waves in every raven tress, Or softly lightens o'er her face; Where thoughts serenely sweet express How pure, how dear their dwelling-place.</p> <p>And on that cheek, and o'er that brow, So soft, so calm, yet eloquent, The smiles that win, the tints that glow, But tell of days in goodness spent, A mind at peace with all below, A heart whose love is innocent!</p>	<p>Она идет во всей красе <i>Перевод С.Я. Маршака</i></p> <p>Она идет во всей красе – Светла, как ночь ее страны. Вся глубь небес и звезды все В ее очах заключены, Как солнце в утренней росе, Но только мраком смягчены. Прибавить луч иль тень отнять – И будет уж совсем не та Волос агатовая прядь, Не те глаза, не те уста И лоб, где помыслов печать Так безупречна, так чиста.</p> <p>А этот взгляд, и цвет ланит, И легкий смех, как всплеск морской, Всё в ней о мире говорит. Она в душе хранит покой И если счастье подарит, То самой щедрою рукой!</p>
--	--

<p>Stanzas for Music</p> <p>THERE be none of Beauty's daughters With a magic like thee; And like music on the waters Is thy sweet voice to me: When, as if its sound were causing The charmed ocean's pausing, The waves lie still and gleaming, And the lull'd winds seem dreaming.</p> <p>And the midnight moon is weaving Her bright chain o'er the deep, Whose breast is gently heaving As an infant's asleep: So the sprit bows before thee; With a full but soft emotion, Like the swell of Summer's ocean.</p>	<p>Стансы для музыки (28 марта [1816]) <i>Перевод К.Д. Бальмонта (1903)</i></p> <p>Кто сравнится в высшем споре Красотой с тобой? Точно музыка на море Нежный голос твой. Точно музыка в тумане На далеком океане, В час, как ветры, в сладких снах, Чуть трепещут на волнах.</p> <p>В полночь месяц чуть колышет Воды в глубине; Лоно моря еле дышит, Как дитя во сне. Так душа, полна мечтою, Чутко дышит красотою; Нежно в ней растет прибой, Зачарованный тобой.</p>
--	---

“Childe Harold’s Pilgrimage” is a lengthy narrative poem in four parts written by Lord Byron. It was published between 1812 and 1818 and is dedicated to “Ianthe”. The poem describes the travels and reflections of a world – weary young man who, disillusioned with a life of pleasure and revelry, looks for distraction in foreign lands. In a wider sense, it is an expression of the melancholy and disillusionment felt by a generation weary of the wars of the post-Revolutionary and Napoleonic eras. The title comes from the term *childe*, a medieval title for a young man who was a candidate for knighthood.

Canto the First (<i>fragment</i>)	ПЕСНЬ ПЕРВАЯ
	<i>Перевод В. Левика</i>
<p>I. Oh, thou, in Hellas deemed of heavenly birth, Muse, formed or fabled at the minstrel’s will! Since shamed full oft by later lyres on earth, Mine dares not call thee from thy sacred hill: Yet there I’ve wandered by thy vaunted rill; Yes! sighed o’er Delphi’s long-deserted shrine Where, save that feeble fountain, all is still; Nor mote my shell awake the weary Nine To grace so plain a tale – this lowly lay of mine.</p>	<p>1. Не ты ль слыла небесной в древнем мире, О Муза, дочь Поэзии земной, И не тебя ль бесчестили на лире Все рифмачи преступною рукой! Да не посмею твой смутить покой! Хоть был я в Дельфах, слушал, как в пустыне Твой ключ звенит серебряной волной, Простой рассказ мой начиная ныне, Я не дерзну взывать о помощи к богине.</p>
<p>II. Whilome in Albion’s isle there dwelt a youth, Who ne in virtue’s ways did take delight; But spent his days in riot most uncouth, And vexed with mirth the drowsy ear of Night. Ah, me! in sooth he was a shameless wight, Sore given to revel and ungodly glee; Few earthly things found favour in his sight Save concubines and carnal companie, And flaunting wassailers of high and low degree.</p>	<p>2. Жил в Альбионе юноша. Свой век Он посвящал лишь развлечениям праздным, В безумной жажде радостей и нег Распутством не гнушаясь безобразным, Душою предан низменным соблазнам, Но чужд равно и чести и стыду, Он в мире возлюбил многообразном, Увы! лишь кратких связей череду Да собутыльников веселую орду.</p>
<p>III. Childe Harold was he hight: – but whence his name And lineage long, it suits me not to say; Suffice it, that perchance they were of fame, And had been glorious in another day: But one sad losel soils a name for aye, However mighty in the olden time; Nor all that heralds rake from coffined clay, Nor florid prose, nor honeyed lines of rhyme, Can blazon evil deeds, or consecrate a crime.</p>	<p>3. Он звался Чайльд-Гарольд. Не все равно ли. Каким он вел блестящим предкам счет! Хоть и в гражданстве, и на бранном поле Они снискали славу и почет, Но осрамит и самый лучший род Один бездельник, развращенный ленью, Тут не поможет ворох льстивых од, И не придашь, хвалясь фамильной сенью, Пороку – чистоту, невинность – преступленью.</p>

<p>IV. Childe Harold basked him in the noontide sun, Disporting there like any other fly, Nor deemed before his little day was done One blast might chill him into misery. But long ere scarce a third of his passed by, Worse than adversity the Childe befell; He felt the fulness of satiety: Then loathed he in his native land to dwell, Which seemed to him more lone than eremite's sad cell.</p>	<p>4. Вступая в девятнадцатый свой год, Как мотылек, резвился он, порхая, Не помышлял о том, что день пройдет – И холодом повеет тьма ночная. Но вдруг, в расцвете жизненного мая, Заговорило пресыщенье в нем, Болезнь ума и сердца роковая, И показалось мерзким все кругом: Тюрьмою – родина, могилой – отчий дом.</p>
<p>V. For he through Sin's long labyrinth had run, Nor made atonement when he did amiss, Had sighed to many, though he loved but one, And that loved one, alas, could ne'er be his. Ah, happy she! to 'scape from him whose kiss Had been pollution unto aught so chaste; Who soon had left her charms for vulgar bliss, And spoiled her goodly lands to gild his waste, Nor calm domestic peace had ever deigned to taste.</p>	<p>5. Он совести не знал укоров строгих И слепо шел дорогою страстей. Любил одну – прельщал любовью мно- гих, Любил – и не назвал ее своей. И благо ускользнувшей от сетей Развратника, что, близ жены скучая, Бежал бы вновь на буйный пир друзей И, все, что взял приданым, расточая, Чуждался б радостей супружеского рая.</p>
<p>VI. And now Childe Harold was sore sick at heart, And from his fellow bacchanals would flee; 'Tis said, at times the sullen tear would start, But pride congealed the drop within his e'e: Apart he stalked in joyless reverie, And from his native land resolved to go, And visit scorching climes beyond the sea; With pleasure drugged, he almost longed for woe, And e'en for change of scene would seek the shades below.</p>	<p>6. Но в сердце Чайльд глухую боль унес, И наслаждений жажда в нем остыла, И часто блеск его внезапных слез Лишь гордость возмущенная гасила. Меж тем тоски язвительная сила Звала покинуть край, где вырос он, – Чужих небес приветствовать светила; Он звал печаль, весельем пресыщен, Готов был в ад бежать, но бросить Аль- бион.</p>

The poem contains elements thought to be autobiographical, as Byron generated some of the storyline from experience gained during his travels through Portugal, the Mediterranean and Aegean Sea between 1809 and 1811. The “Ianthé” of the dedication was the term of endearment he used for Lady Charlotte Harley. Throughout the poem Byron, in character of Childe Harold, regretted his wasted early youth, hence re – evaluating his life choices and re – designing himself through going on the pilgrimage, during which he lamented on various historical events including the Iberian Peninsular War among others.

Despite Byron's initial hesitation at having the first two cantos of the poem published because he felt it revealed too much of himself, it was published, at the urging of friends, by John Murray in 1812, and brought both the poem and its author to immediate and unexpected public attention. Byron later wrote, “I awoke one morning and found myself famous”.

Byron and Lermontov. Personality. Creativity. Destiny

*Yet why should I mingle in Fashion's full herd?
Why crouch to her leaders, or cringe to her rules?
Why bend to the proud, or applaud the absurd?
Why search for delight in the friendship of fools?*
G.G. Byron

*I'm young; but in my heart swell forceful sound,
And aim the chords of Byron I to strike;
We share one soul between us, and endure the same wounds;
O, if our destinies were also alike!..*
M.Y. Lermontov

Diversity unites people and works for a better world. Awareness of this helps England and Russia to both appreciate their national achievements and develop further, to enhance their virtues and reduce or eliminate their weak points, if any.

Be that as it may, Great Britain and Russia have had many clashes over the centuries of their coexistence as European states. The inability of politicians to find acceptable solutions for upcoming problems frequently led us to fighting each other, as if wars can give conciliation. At all times, however, there remains something that is not determined by the current political context. This part of our life and culture cannot exist without freedom, as exemplified by literature, a world of its own where any talented person has the authority to express his feelings and convey ideas without restrictions.

Even though considered illegal from time to time, the “freedom of speech” in literature has never ceased to exist, thanks to people who were brave enough to express their opinion. Most of them were not motivated by earning money or fame; rather, they worked for the sake of the society and their efforts always evoked response in the public, uniting people in different countries.

Byron and Lermontov (15.10.1814 – 15.07.1841) are outstanding poets, leading figures in the literary history of their countries, and great contributors to world culture. Both poets became known during periods of political reaction to crises (England's war with France, which lasted for more 20 years) or social disorders (the Decembrist's uprising in Russia), which were associated with political, ideological, and economic repressions, as well as restrictions on human rights. On the other hand, the situation in both countries freed the people from illusions and prompted them to critically analyze errors that were made and examine the reality. In this sense, the reaction prepared the onset of a new epoch, marked by revolutionary and democratic transformations in the social development of our countries. It is, in this sense as well, that we may view Byron and Lermontov as contemporaries, even though they belonged to different generations.

Curiously enough, the biographies of our heroes have many common features, even in their childhood, a period that determines the character in subsequent life of any person.

Byron's grandfather committed suicide in 1779. His mother Catherine had to sell her land and title to pay her husband's debts.

Lermontov's mother, Mariya Arsenieva, died when he was three years old. The poet's father was in a conflict with Yelizaveta Alekseyevna (Mariya's mother), who devoted all her love to her grandson and took the trouble of bringing him up. As a result of pampering or continuing tension in the family, Lermontov as a child developed a strange and arrogant temper.

Both men were very talented. In addition to being poets, both were gifted as artist. Of course, the both received very good education, which improved their innate poetic skills.

They also fell in love at a very young age. When Lermontov was ten, he fell sick. And Yelizaveta Alekseyevna took him to the Caucasus, where the climate was better. There, young

Lermontov fell in love for the first time. Byron's first love included Mary Duff, Margaret Parker and Mary Chaworth.

It was always obvious that both poets were very noble, and this was never darkened by their notoriously difficult characters. Both were rebellious from childhood and to the grave hence conflicts with the society and continual attempts to oppose themselves to "mob" and the whole world, in which they viewed themselves as aliens.

Lermontov was a true successor and, in a sense, a pupil of Byron. In 1829, Lermontov, obviously inspired by Byron, started learning English. In 1830, He mastered the language well enough to read Byron's verse in the original. This made it possible to adopt certain techniques of composition; as a consequence, the influence of Byron on Lermontov became even more pronounced.

Moreover, Lermontov was one of the best translators of Byron. His early translations were rather liberal, but Byron's verse was translated very carefully. In 1830, Lermontov composed a poem "To ***" in which he compares himself with Byron:

*I'm young; but in my heart swell forceful sound,
And aim the chords of Byron I to strike;
We share one soul between us, and endure the same wounds;
O, if our destinies were also alike!..
I've too sought freedom and escape in roaming...*

For both poets, their art was much like a confession. In most cases, they served as prototypes of their characters. However, Byron wrote most of his poems as a story of his own, describing one person, whereas Lermontov described the whole generation to which he belonged.

Lermontov knew that Byron inspired him to become a poet, but he did not remain an imitator of his master and gradually developed into a bearer of a national mission. His last poems have little, if anything, in common with Byron's art. The style, poetics, and characteristic, philosophical discourse create a fingerprint that allows unmistakable identification. Nevertheless, it is Byron who gave birth to Lermontov as a poet, and the spiritual association between the two persists even where no influence can be traced.

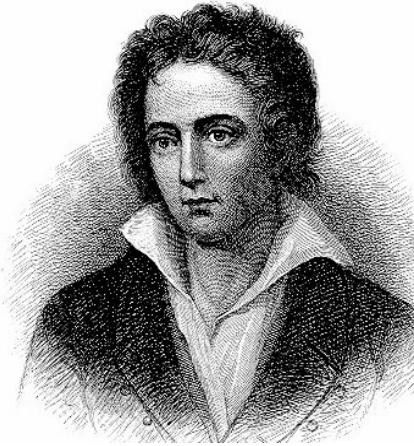
The theme of continuation and incarnation of the personality, creativity and destiny of one great poet in the personality, creativity and destiny of another great poet is voluminous in content and emotionally intense. The destiny of a true poet is always determined by the personality itself of the poet, his personal secret of creativity, the mystery of his predestination and also by the time, where he belongs.

The two poets who expressed the pain, desperation, problems, ideas, passion, and love of their time are Byron in England and Lermontov in Russia. And that is why we have the right to term them heroes of their time, heroes of their epoch.

*No, I'm not Byron: I am yet.
Another choice for the sacred dole,
Like him – a persecuted soul,
But only for the Russian set.
(Translated by Yevgeny Bonver)*

Percy Bysshe Shelley

Percy Bysshe Shelley (4 August 1792 – 8 July 1822) was one of the major English Romantic poets and is regarded by critics as among the finest lyric poets in the English language. A radical in his poetry as well as his political and social views, Shelley did not achieve fame during his lifetime, but recognition for his poetry grew steadily following his death. Shelley was a key member of a close circle of visionary poets and writers that included Lord Byron; Leigh Hunt; Thomas Love Peacock; and his own second wife, Mary Shelley, the author of “Frankenstein”.

Shelley is perhaps best known for such classic poems as “Ozymandias”, “Ode to the West Wind”, “To a Skylark”, “Music”, “When Soft Voices Die”, “The Cloud” and “The Masque of Anarchy”.

***

To Wordsworth	Вордсворту <i>Перевод С. Маршака</i>
<p>Poet of Nature, thou hast wept to know That things depart which never may return: Childhood and youth, friendship and love's first glow, Have fled like sweet dreams, leaving thee to mourn.</p> <p>These common woes I feel. One loss is mine Which thou too feel'st, yet I alone deplore. Thou wert as a lone star, whose light did shine On some frail bark in winter's midnight roar:</p> <p>Thou hast like to a rock-built refuge stood Above the blind and battling multitude: In honored poverty thy voice did weave</p> <p>Songs consecrate to truth and liberty, – Deserting these, thou leavest me to grieve, Thus having been, that thou shouldst cease to be.</p>	<p>Поэт Природы, ты горюешь вновь О том, что минуло и не вернется. Дни детства, юность, дружба и любовь – Об этих снах грустить лишь остается.</p> <p>Я знаю эту грусть. Но никогда Ты не делил со мной другой печали... Ты, словно одинокая звезда, Мерцал над шхуной в бурном, зимнем шквале.</p> <p>Ты неприступной высился скалой Над ослепленной, яростной толпой... В почетной бедности всегда стремился</p> <p>К Свободе, к Правде твой звенящий стих... Таков ты был, теперь ты изменился, – О, как мне жаль, что ты забыл о них!</p>

***

Stanzas Written In Dejection Near Naples

The sun is warm, the sky is clear,
The waves are dancing fast and bright,
Blue isles and snowy mountains wear
The purple noon's transparent might,
The breath of the moist air is light,
Around its unexpanded buds;
Like many a voice of one delight,
The winds', the birds', the ocean floods',
The City's voice itself, is soft like Solitude's.

I see the Deep's untrampled floor
With green and purple seaweeds strown;
I see the waves upon the shore,
Like light dissolved in star – showers, thrown:
I sit upon the sands alone, –
The lightning of the noontide ocean
Is flashing round me, and a tone
Arises from its measured motion,
How sweet! did any heart now share in my emotion.
Alas! I have nor hope nor health,
Nor peace within nor calm around,
Nor that content surpassing wealth
The sage in meditation found,
And walked with inward glory crowned –
Nor fame, nor power, nor love, nor leisure.
Others I see whom these surround –
Smiling they live, and call life pleasure;
To me that cup has been dealt in another measure.

Some might lament that I were cold,
As I, when this sweet day is done,
Which my lost heart, too soon grown old,
Insults with this untimely moan;
They might lament – for I am one
Whom men love not, – and yet regret,
Unlike this day which, when the sun
Shall on its stainless glory set,
Will linger, though enjoyed, like joy in memory yet.
Yet now despair itself is mild,
Even as the winds and waters are;
I could lie down like a tired child,
And weep away the life of care
Which I have borne and yet must bear,
Till death like sleep might steal on me,
And I might feel in the warm air
My cheek grow cold, and hear the sea
Breathe o'er my dying brain its last monotony.

**Стансы, написанные близ Неаполя
в час уныния**

Перевод К. Бальмонта

Сияет небо солнцем ясным,
Играет быстрая волна,
Прозрачным полднем, нежно – красным,
Цепь снежных гор озарена:
Земля, стряхнув оковы сна,
Блаженством почек дышит снова,
В ветрах и в пенье птиц – весна,
И в звуках рокота морского.
Здесь нежен даже гул смятенья городского.
Из глубины, с морского дна,
Глядят подводные растенья,
Их зелень с красным сплетена;
В волне – всех светов отраженье,
Как звездный дождь – ее движенье.
Один встречаюсь я с весной,
И океан, тая волненье,
Поет размерною волной, –
О, если бы теперь был кто-нибудь со мной!
Увы! Я чужд надежд, участия,
Внутри – раздор, нет мира – вне,
Я чужд и царственного счастья,
Что знает мудрый в тишине,
Живя сознаньем, как во сне,
Увенчан внутреннею славой;
Ни ласк, ни снов, ни власти мне.
Другие жизнь зовут забавой, –
Иная чаша мне, с холодной отравой.

Но здесь, где ветерок, шутя,
Воздушно веет на просторе,
Я, как усталое дитя,
Хотел бы выплакать все горе,
Здесь скорбь нежна, как грусть во взоре;
Я здесь хотел бы, в свете дня,
Уснуть, остыть и ждать, что море,
Неумолкаемо звеня,
Свой гимн мне пропоет, баюкая меня.
Быть может, кто и пожалеет,
Что я забылся вечным сном.
Как я, поняв, что день слабеет,
Скорблю до времени о нем;
Да, я один из тех, о ком
Жалеют – пусть им нет признанья;
Но я несроден с этим днем.
Он светит, а умрет сиянье,
Он будет жить еще, как блеск воспоминанья.

<p>To The Men Of England (1819)</p> <p>Men of England, wherefore plough For the lords who lay ye low? Wherefore weave with toil and care The rich robes your tyrants wear?</p> <p>Wherefore feed and clothe and save, From the cradle to the grave, Those ungrateful drones who would Drain your sweat – nay, drink your blood?</p> <p>Wherefore, Bees of England, forge Many a weapon, chain, and scourge, That these stingless drones may spoil The forced produce of your toil?</p> <p>Have ye leisure, comfort, calm, Shelter, food, love's gentle balm? Or what is it ye buy so dear With your pain and with your fear?</p> <p>The seed ye sow another reaps; The wealth ye find another keeps; The robes ye weave another wears; The arms ye forge another bears.</p> <p>Sow seed, – but let no tyrant reap; Find wealth, – let no imposter heap; Weave robes, – let not the idle wear; Forge arms, in your defence to bear.</p> <p>Shrink to your cellars, holes, and cells; In halls ye deck another dwells. Why shake the chains ye wrought? Ye see The steel ye tempered glance on ye.</p> <p>With plough and spade and hoe and loom, Trace your grave, and build your tomb, And weave your winding-sheet, till fair England be your sepulchre!</p>	<p>Мужам Англии <i>Перевод С. Маршака</i></p> <p>Англичане, почему Покорились вы ярму? Отчего простой народ Ткет и пашет на господ?</p> <p>Для чего вам одевать В шелк и бархат вашу знать, Отдавать ей кровь и мозг, Добывать ей мед и воск?</p> <p>Пчелы Англии, зачем Создавать оружие тем, Кто оставил вам труды, А себе берет плоды?</p> <p>Где у вас покой, досуг, Мир, любовь, семейный круг, Хлеб насущный, теплый дом, Заработанный трудом?</p> <p>Кто не сеет – жатве рад, Кто не ищет – делит клад, И мечом грозит не тот, Кто в огне его кует.</p> <p>Жните хлеб себе на стол, Тките ткань для тех, кто гол Куйте молотом металл, Чтобы вас он защищал.</p> <p>Вы, подвальные жильцы, Лордам строите дворцы, И ваши цепи сотней глаз Глядят с насмешкою на вас.</p> <p>Могилу роет землекоп, Усердный плотник ладит гроб, И белый саван шьет швея Тебе, Британия моя!</p>
--	--

ଉତ୍ସବର

<p>Ozymandias</p> <p>I met a traveller from an antique land Who said: "Two vast and trunkless legs of stone Stand in the desert. Near them, on the sand, Half sunk, a shattered visage lies, whose frown, And wrinkled lip, and sneer of cold command, Tell that its sculptor well those passions read Which yet survive, stamped on these lifeless things, The hand that mocked them and the heart that fed. And on the pedestal these words appear – "My name is Ozymandias, king of kings: Look on my works, ye Mighty, and despair!" Nothing beside remains. Round the decay Of that colossal wreck, boundless and bare The lone and level sands stretch far away".</p>	<p>Озимандия <i>Перевод К. Бальмонта</i></p> <p>Я встретил путника, он шел из стран далеких И мне сказал: вдали, где вечность сторожит Пустыни тишину, среди песков глубоких Обломок статуи распавшийся лежит. Из полустертых черт сквозит надменный пламень – Желанье заставляя весь мир себе служить; Ваятель опытный вложил в бездушный камень Те страсти, что смогли столетья пережить. И сохранил слова обломок изваянья: «Я – Озимандия, я – мощный царь царей! Взгляните на мои великие деянья, Владыки всех времен, всех стран и всех морей!» Кругом нет ничего... Глубокое молчанье... Пустыня мертвая... И небеса над ней...</p>
---	--

ଉତ୍ସବର

<p>Summer and Winter <i>Published 1829</i></p> <p>It was a bright and cheerful afternoon, Towards the end of the sunny month of June, When the north wind congregates in crowds The floating mountains of the silver clouds From the horizon – and the stainless sky Opens beyond them like eternity. All things rejoiced beneath the sun; the weeds, The river, and the cornfields, and the reeds; The willow leaves that glanced in the light breeze, And the firm foliage of the larger trees.</p> <p style="text-align: center;">***</p> <p>It was a winter such as when birds die In the deep forests; and the fishes lie Stiffened in the translucent ice, which makes Even the mud and slime of the warm lakes A wrinkled clod as hard as brick; and when, Among their children, comfortable men Gather about great fires, and yet feel cold: Alas, then, for the homeless beggar old!</p>	<p>Лето и зима <i>Перевод С. Маршака</i></p> <p>Был ослепительный июньский день. Тревожить воду ветру было лень. На горизонте громоздились кучи Плавучих гор – серебряные тучи. И небосклон сиял над головой Бездонною, как вечность, синевой. Все радовалось: лес, река и нивы. Поблескивали в роще листья ивы. И шелестела в тишине едва Дубов столетних плотная листва...</p> <p style="text-align: center;">***</p> <p>Была зима – такая, что с ветвей Комочком белым падал воробей. Закованные в ледяные глыбы, В речных глубинах задыхались рыбы. И до сих пор не замерзавший ил В озерах теплых, сморщившись, застыл. В такую ночь в печах пылало пламя, Хозяин с домочадцами, с друзьями Сидел и слушал, как трещит мороз... Но горе было тем, кто гол и бос!</p>
---	---

ଉତ୍ସବର

☞ Alfred Tennyson ☞

Alfred, Lord Tennyson, 1st Baron Tennyson (6 August 1809 – 6 October 1892) was Poet Laureate of Great Britain and Ireland during much of Queen Victoria's reign and remains one of the most popular British poets.

Much of his verse was based on classical mythological themes, such as Ulysses, although “In Memoriam A.H.H.” was written to commemorate his best friend Arthur Hallam, a fellow poet and fellow student at Trinity College, Cambridge, who was engaged to Tennyson's sister, but died from a brain haemorrhage before they could marry. Tennyson also wrote some notable blank verse including “Idylls of the King”, “Ulysses”, and “Tithonus”.

A number of phrases from Tennyson's work have become commonplaces of the English language, including “Nature, red in tooth and claw”, “’Tis better to have loved and lost / Than never to have loved at all”, “Theirs not to reason why, / Theirs but to do and die”, “My strength is as the strength of ten, / Because my heart is pure”, “To strive, to seek, to find, and not to yield”, “Knowledge comes, but Wisdom lingers”, and “The old order changes, yielding place to new”. He is second most frequently quoted writer in “The Oxford Dictionary of Quotations” after Shakespeare.

“**The Lady of Shalott**” is a Victorian ballad. Like Tennyson’s other early poems – “Sir Lancelot and Queen Guinevere” and “Galahad” – the poem recasts Arthurian subject matter loosely based on medieval sources. The poem was particularly popular amongst artists of the Pre-Raphaelite movement, who shared Tennyson's interest in Arthuriana; several of the Pre-Raphaelite Brotherhood made paintings based on episodes from the poem. John William Waterhouse painted three episodes. In 1888, he painted the Lady setting out for Camelot in her boat; this work is now in the Tate Gallery.

The Lady of Shalott

Part I

On either side the river lie
 Long fields of barley and of rye,
 That clothe the wold and meet the sky;
 And through the field the road runs by
     To many-towered Camelot;
 And up and down the people go,
 Gazing where the lilies blow
 Round an island there below,
 The island of Shalott.
 Willows whiten, aspens quiver,
 Little breezes dusk and shiver
 Through the wave that runs for ever
 By the island in the river
     Flowing down to Camelot.
 Four gray walls, and four gray towers,
 Overlook a space of flowers,
 And the silent isle embowers
     The Lady of Shalott.
 By the margin, willow veiled
 Slide the heavy barges trailed
 By slow horses; and unhailed
 The shallop flitteth silken-sailed

Леди Шалотт

Перевод С. Лихачевой

Часть I

По берегам реки легли
 Поля возделанной земли,
 Что с небом сходятся вдаль,
 А через луг – тропа в пыли
 Уводит к замку Камелот.
 Проходят люди чередой,
 Глядят туда, где над водой
 Качает лилии прибой
 Вкруг острова Шалотт.
 Дремлют буки, никнут ивы,
 Ветерок колышет нивы,
 Волны вечного прилива
 Мимо острова лениво
 Катят к замку Камелот.
 Башен четырех громады
 Поднимаются над садом
 То – безмолвная ограда
 Волшебницы Шалотт.
 Кони под зеленой сенью
 Тянут барки по теченью,
 Покоряясь дуновенью,

Skimming down to Camelot:
But who hath seen her wave her hand?
Or at the casement seen her stand?
Or is she known in all the land,
    The Lady of Shalott?
Only reapers, reaping early
In among the bearded barley,
Hear a song that echoes cheerly
From the river winding clearly,
    Down to towered Camelot:
And by the moon the reaper weary,
Piling sheaves in uplands airy,
Listening, whispers "Tis the fairy
Lady of Shalott".

Part II

There she weaves by night and day
A magic web with colours gay.
She has heard a whisper say,
A curse is on her if she stay
    To look down to Camelot.
She knows not what the curse may be,
And so she weaveth steadily,
And little other care hath she,
    The Lady of Shalott.
And moving through a mirror clear
That hangs before her all the year,
Shadows of the world appear.
There she sees the highway near
    Winding down to Camelot:
There the river eddy whirls,
And there the curly village-churls,
And the red cloaks of market girls,
    Pass onward from Shalott.
Sometimes a troop of damsels glad,
An abbot on an ambling pad,
Sometimes a curly shepherd-lad,
Or long-haired page in crimson clad,
    Goes by to towered Camelot;
And sometimes through the mirror blue
The knights come riding two and two:
She hath no loyal knight and true,
    The Lady of Shalott.
But in her web she still delights
To weave the mirror's magic sights,
For often through the silent nights
A funeral, with plumes and lights
    And music, went to Camelot:
Or when the moon was overhead,
Came two young lovers lately wed;
"I am half sick of shadows", said
    The Lady of Shalott.

Челноки крылатой тенью
Мчатся к замку Камелот.
Но кто в какие времена
Ее приметил у окна?
Известна ль в тех краях она
Волшебница Шалотт?
Лишь селяне, что с рассветом
Жать овес выходят летом,
Слышат песнь: при звуке этом
Эхо радостным ответом
Будит замок Камелот.
Ровно сноп к снопу ложится,
И, устало внемля, жницы
Шепчут: «Это – чаровница,
Госпожа Шалотт».

Часть II

Часами долгими подряд
Она волшебный ткёт наряд.
Проклятью сбыться, говорят,
Коль труд прервет она, чтоб взгляд
Склонить на замок Камелот.
Ей суть проклятья не ясна,
Но ткёт с усердием она,
К иным заботам холодна,
Волшебница Шалотт.
Она следит игру теней
В прозрачном зеркале: пред ней
В извечной смене лет и дней
Проходит череда людей
По дороге в Камелот.
Ключи на перекатах бьют;
Угрюмый деревенский люд
И жены с ярмарки бредут
От острова Шалотт.
Чреда придворных кавалькад,
На смирном мерине – аббат,
Порой пастух, гоня телят,
Иль юный паж в плаще до пят
Проходят к замку Камелот.
Порой в зеркальной мгле глубин
Возникнет конный паладин,
Не отдал сердца ни один
Волшебнице Шалотт.
Но любо ей сплетать в узор
Видения, что дразнят взор;
Порой, торжественно – нескор,
Дрог погребальных скорбный хор
Уводит к замку Камелот:
Раз двое в зареве луны
Шли, молоды и влюблены;
И молвила: «Не в радость – сны»,
Волшебница Шалотт.

Part III

A bow-shot from her bower-eaves,
 He rode between the barley-sheaves,
 The sun came dazzling through the leaves,
 And flamed upon the brazen greaves
 Of bold Sir Lancelot.

A red-cross knight for ever kneeled
 To a lady in his shield,
 That sparkled on the yellow field,
 Beside remote Shalott.

The gemmy bridle glittered free,
 Like to some branch of stars we see
 Hung in the golden Galaxy.

The bridle bells rang merrily
 As he rode down to Camelot:

And from his blazoned baldric slung
 A mighty silver bugle hung,
 And as he rode his armour rung,
 Beside remote Shalott.

All in the blue unclouded weather
 Thick-jewelled shone the saddle-leather,
 The helmet and the helmet-feather
 Burned like one burning flame together,
 As he rode down to Camelot.

As often through the purple night,
 Below the starry clusters bright,
 Some bearded meteor, trailing light,
 Moves over still Shalott.

His broad clear brow in sunlight glow'd;
 On burnished hooves his war-horse trode;
 From underneath his helmet flowed
 His coal-black curls as on he rode,
 As he rode down to Camelot.

From the bank and from the river
 He flashed into the crystal mirror,
 "Tirra lira", by the river
 Sang Sir Lancelot.

She left the web, she left the loom,
 She made three paces through the room,
 She saw the water-lily bloom,
 She saw the helmet and the plume,
 She looked down to Camelot.

Out flew the web and floated wide;
 The mirror cracked from side to side;
 "The curse is come upon me", cried
 The Lady of Shalott.

Part IV

In the stormy east-wind straining,
 The pale yellow woods were waning,
 The broad stream in his banks complaining,
 Heavily the low sky raining

Часть III

Луч солнца в кронах засиял,
 Зажегся светом лат металл:
 То, крепостной минуя вал,
 По сжатым нивам проезжал
 Отважный Ланцелот.

Герб на щите: пред госпожой
 Колена преклонил герой;
 Лучился отблеск золотой
 Близ острова Шалотт.

Поводья украшал агат,
 Как звезд кристаллы, что горят
 В короне золотых плетей;
 Звенели колокольцы в лад

Дорогой к замку Камелот.
 Сверкала перевязь с гербом,
 И рог лучился серебром;
 Звон лат будил поля, как гром,
 Близ острова Шалотт.

Погожие синели дали:
 Каменья на седле сияли,
 Цветные перья шлем венчали,
 И словно пламя полыхали,
 Дорогой к замку Камелот.

Так, затмевая звезд узор,
 В пурпурной ночи метеор
 Проносится, лучист и скор,
 Над островом Шалотт.

Взор прям и смел, душа ясна,
 До самых плеч, как смоль черна,
 Спадала локонов волна
 Того, кто поступь скакуна
 Направил к замку Камелот.

Гладь зеркально – колдовская
 Замерцала, отражая:
 «Тирра-лира», – проезжая,
 Пел сэр Ланцелот.

Она, забыв о полотне
 И прялке, встала, чтоб в окне
 Узреть кувшинки на волне,
 И паладина на коне,
 Взглянуть на замок Камелот.
 Ткань прочь унесена была,
 И раскололась гладь стекла;
 «Сбылось проклятье», – воззвала
 Волшебница Шалотт.

Часть IV

Порывам ветра уступая,
 Лес осypался, поникая;
 Зло пенилась волна речная;
 И ливня пелена сплошная

Over towered Camelot;
 Down she came and found a boat
 Beneath a willow left afloat,
 And round about the prow she wrote
The Lady of Shalott.
 And down the river's dim expanse
 Like some bold seer in a trance,
 Seeing all his own mischance –
 With a glassy countenance
 Did she look to Camelot.
 And at the closing of the day
 She loosed the chain, and down she lay;
 The broad stream bore her far away,
 The Lady of Shalott.
 Lying, robed in snowy white
 That loosely flew to left and right –
 The leaves upon her falling light –
 Through the noises of the night
 She floated down to Camelot:
 And as the boat-head wound along
 The willowy hills and fields among,
 They heard her singing her last song,
 The Lady of Shalott.
 Heard a carol, mournful, holy,
 Chanted loudly, chanted lowly,
 Till her blood was frozen slowly,
 And her eyes were darkened wholly,
 Turned to towered Camelot.
 For ere she reached upon the tide
 The first house by the water – side,
 Singing in her song she died,
 The Lady of Shalott.
 Under tower and balcony,
 By garden-wall and gallery,
 A gleaming shape she floated by,
 Dead-pale between the houses high,
 Silent into Camelot.
 Out upon the wharfs they came,
 Knight and burgher, lord and dame,
 And round the prow they read her name,
The Lady of Shalott.
 Who is this? and what is here?
 And in the lighted palace near
 Died the sound of royal cheer;
 And they crossed themselves for fear,
 All the knights at Camelot:
 But Lancelot mused a little space;
 He said, "She has a lovely face;
 God in his mercy lend her grace,
 The Lady of Shalott".

Заслонила Камелот.
 Вниз сошла она, к причалу,
 Где волна ладью качала,
 И вдоль борта начертала:
 «Волшебница Шалотт».
 Как жрец, с судьбой вступивший в спор,
 Свой прозревает приговор,
 Сквозь дымку, за речной простор
 Она остекленевший взор
 Вперила вдаль, на Камелот.
 А в предзакатной тишине
 Цепь отвязала, и в челне
 Вдаль заскользила вслед волне
 Волшебница Шалотт.
 Под дуновеньем ветерка
 Дрожали белые шелка,
 Клонились ветви ивняка;
 Сквозь ночь ладью влекла река
 К воротам замка Камелот.
 Ладья, потоку покорясь,
 Вдоль взгорьев и полей неслась,
 И песнь последняя лилась
 Волшебницы Шалотт.
 Звучала песнь, свята, грустна,
 То звонко, то едва ясна;
 Кровь остывала, пелена
 Застлала взор, пока она
 Глядела вдаль, на Камелот.
 И только речка донесла
 Ладью до первого села,
 Напев прервался: умерла
 Волшебница Шалотт.
 Вдоль галереи, под мостом,
 Минуя башню, сад и дом,
 Скользил мерцающий фантом,
 Потоком в тишине влеком
 В гордый замок Камелот.
 Люд собрался на причале:
 Лорды, дамы, сенешали,
 И вдоль борта прочитали:
 «Волшебница Шалотт».
 Кто пред нами? Что случилось?
 В башне, где окно светилось,
 Ожиданье воцарилось.
 Оробев, перекрестилась
 Стража замка Камелот.
 Но Ланцелот, помедлив миг,
 Сказал: «Ее прекрасен лик;
 Господь, во благодати велик,
 Будь милостив к Шалотт».

☞ Robert Louis Stevenson ☜

Stevenson, Robert Louis Balfour (1850–1894) was a Scottish novelist, essayist, and poet, who contributed several classics to the world of children's literature.

Stevenson was born on Nov. 13, 1850, in Edinburgh, the son of an engineer, and studied engineering and then law at the University of Edinburgh. Since childhood, however, Stevenson's natural inclination had been toward Literature; eventually he took up letters seriously, soon making his way into the first rank of contemporaneous writers by the excellence of his style.

Stevenson suffered from tuberculosis and often traveled abroad in search of more healthful climates. His earliest works are descriptions of his journeys: “An Inland Voyage” (1878), and “Travels with a Donkey in the Cevennes” (1879). In 1880 he married Frances Osbourne and travelled to Samoa (1889), where he and his wife settled in a final effort to restore his

health. He died in Samoa on Dec. 3, 1894, and was buried on a mountaintop behind Vailima, his Samoan home.

Stevenson's popularity is based primarily on the exciting subject matter of his adventure novels and stories of the fantastic: “Treasure Island” (1883), and the horror story “The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde” (1886).

A versatile writer, Stevenson was capable of skillfully handling a variety of genres. “A Child's Garden of Verses” (1885), containing some of Stevenson's best-known poems, is still regarded as one of the finest collections of poetry for children. His other verse collections include “Underwoods” (1887) and “Ballads” (1890) one of them is a Galloway legend “Heather Ale”.

☞☜☞☜

Heather Ale: a Galloway Legend	Вересковый мед: Шотландская баллада <i>Перевод С. Мариака (1941)</i>
From the bonny bells of heather They brewed a drink long-syne, Was sweeter far than honey, Was stronger far than wine.	Из вереска напиток Забыв давным-давно. А был он слаще меда, Пьянее, чем вино.
They brewed it and they drank it, And lay in a blessed swoond For days and days together In their dwellings underground.	В котлах его варили И пили всей семьей Малютки-медовары В пещерах под землей.
There rose a king in Scotland, A fell man to his foes, He smote the Picts in battle, He hunted them like roes.	Пришел король шотландский, Безжалостный к врагам, Погнал он бедных пиктов К скалистым берегам.
Over miles of the red mountain He hunted as they fled, And strewed the dwarfish bodies Of the dying and the dead.	На вересковом поле, На поле боевом Лежал живой на мертвом И мертвый – на живом.
Summer came in the country, Red was the heather bell;	Лето в стране настало, Вереск опять цветет, Но некому готовить Вересковый мед.

But the manner of the brewing
Was none alive to tell.

In graves that were like children's
On many a mountain head,
The Brewsters of the Heather
Lay numbered with the dead.

The king in the red moorland
Rode on a summer's day;
And the bees hummed, and the curlews
Cried beside the way.

The king rode, and was angry;
Black was his brow and pale,
To rule in a land of heather
And lack the Heather Ale.

It fortune'd that his vassals,
Riding free on the heath,
Came on a stone that was fallen
And vermin hid beneath.

Rudely plucked from their hiding,
Never a word they spoke:
A son and his aged father –
Last of the dwarfish folk.

The king sat high on his charger,
He looked on the little men;
And the dwarfish and swarthy couple
Looked at the king again.

Down by the shore he had them;
And there on the giddy brink –
"I will give you life, ye vermin,
For the secret of the drink".

There stood the son and father
And they looked high and low;
The heather was red around them,
The sea rumbled below.

And up and spoke the father,
Shrill was his voice to hear:
"I have a word in private,
A word for the royal ear".

"Life is dear to the aged,
And honor a little thing;
I would gladly sell the secret",
Quoth the Pict to the King.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли
Малютки – медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из – под камня,
Щурясь на белый свет, –
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
«Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!»

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
«Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!»

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну!» –
Карлик сказал королю.

<p>His voice was small as a sparrow's, And shrill and wonderful clear: "I would gladly sell my secret, Only my son I fear".</p> <p>"For life is a little matter, And death is nought to the young; And I dare not sell my honor Under the eye of my son.</p> <p>Take <i>him</i>, O king, and bind him, And cast him far in the deep; And it's I will tell the secret That I have sworn to keep".</p> <p>They took the son and bound him, Neck and heels in a thong, And a lad took him and swung him, And flung him far and strong,</p> <p>And the sea swallowed his body, Like that of a child of ten; – And there on the cliff stood the father, Last of the dwarfish men.</p> <p>"True was the word I told you: Only my son I feared; For I doubt the sapling courage That goes without the beard.</p> <p>But now in vain is the torture, Fire shall never avail: Here dies in my bosom The secret of Heather Ale".</p>	<p>Голос его воробьиный Резко и четко звучал: «Тайну давно бы я выдал, Если бы сын не мешал!</p> <p>Мальчику жизни не жалко, Гибель ему нипочем... Мне продавать свою совесть Совестно будет при нем.</p> <p>Пускай его крепко свяжут И бросят в пучину вод – А я научу шотландцев Готовить старинный мед!...»</p> <p>Сильный шотландский воин Мальчика крепко связал И бросил в открытое море С прибрежных отвесных скал.</p> <p>Волны над ним сомкнулись. Замер последний крик... И эхом ему ответил С обрыва отец – старик:</p> <p>«Правду сказал я, шотландцы, От сына я ждал беды. Не верил я в стойкость юных, Не бреющих бороды.</p> <p>А мне костер не страшен. Пускай со мной умрет Моя святая тайна – И мой вересковый мед!»</p>
--	--

❧ Rudyard Kipling ❧

Joseph Rudyard Kipling (30 December 1865 – 18 January 1936) was an English short-story writer, poet, and novelist. He is chiefly remembered for his tales and poems of British soldiers in India and his tales for children. He was born in Bombay, in the Bombay Presidency of British India, and was taken by his family to England when he was five years old. Kipling is best known for his works of fiction, including “The Jungle Book”, “Just So Stories”; and his poems, including “Mandalay” (1890), “The White Man's Burden” (1899), and “If” (1910). He is regarded as a major “innovator in the art of the short story”; his children's books are enduring classics of children's literature; and his best works are said to exhibit “a versatile and luminous narrative gift”.

❧❧❧❧

IF

If you can keep your head when all about you
Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
But make allowance for their doubting too;
If you can wait and not be tired by waiting,
Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated, don't give way to hating,
And yet don't look too good, nor talk too wise.

If you can dream – and not make dreams your master;
If you can think – and not make thoughts your aim;
If you can meet with Triumph and Disaster
And treat those two impostors just the same;
If you can bear to hear the truth you've spoken
Twisted by knaves to make a trap for fools,
Or watch the things you gave your life to, broken,
And stoop and build'em up with worn out tools.

If you can make one heap of all your winnings
And risk it on one turn of pitch-and-toss,
And lose, and start again at your beginnings,
And never breathe a word about your loss;
If you can force your heart and nerve and sinew
To serve your turn long after they are gone,
And so hold on when there is nothing in you
Except the Will which says to them: “Hold on!”

If you can talk with crowds and keep your virtue,
Or walk with Kings – nor lose the common touch,
If neither foes nor loving friends can hurt you,
If all men count with you, but none too much;
If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run,
Yours is the Earth and everything that's in it,
And – which is more – you'll be a Man, my son!

Kipling was one of the most popular writers in England, in both prose and verse, in the late 19th and early 20th centuries. Henry James said: “Kipling strikes me personally as the most complete man of genius (as distinct from fine intelligence) that I have ever known”. In 1907, he was awarded the Nobel Prize in Literature, making him the first English-language writer to receive the prize, and to date he remains its youngest recipient.

<p>Заповедь <i>Перевод С. Маршака</i></p> <p>О, если ты спокоен, не растерян, Когда теряют головы вокруг, И если ты себе остался верен, Когда в тебя не верит лучший друг, И если ждать умеешь без волненья, Не станешь ложью отвечать на ложь, Не будешь злобен, став для всех мишенью, Но и святым себя не назовешь, –</p> <p>И если ты своей владеешь страстью, А не тобою властвует она, И будешь тверд в удаче и в несчастье, Которым в сущности цена одна, И если ты готов к тому, что слово Твое в ловушку превращает плут, И, потерпев крушенья, можешь снова – Без прежних сил – возобновлять свой труд.</p> <p>И если ты способен все, что стало Тебе привычным, выложить на стол, Все проиграть и вновь начать сначала, Не пожалев того, что приобрел, И если можешь, сердце, нервы, жилы Так завести, чтобы вперед нестись, Когда с годами изменяют силы И только воля говорит: «Держись!» –</p> <p>И если можешь быть в толпе собою, При короле с народом связь хранить И, уважая мнение любое, Главы перед молвою не клонить, И если будешь мерить расстоянье Секундами, пускаясь в дальний бег, – Земля – твое, мой мальчик, достоянье, И более того, ты – человек!</p>	<p>Заповедь <i>Перевод М. Лозинского</i></p> <p>Владей собой среди толпы смятенной, Тебя клянущей за смятенье всех, Верь сам в себя, наперекор вселенной, И маловерным отпусти их грех; Пусть час не пробил, жди, не уставая, Пусть лгут лжецы, не снисходи до них; Умей прощать и не кажись, прощая, Великодушной и мудрей других.</p> <p>Умей мечтать, не став рабом мечтанья, И мыслить, мысли не обожествив; Равно встречай успех и поруганье, Не забывая, что их голос лжив; Останься тих, когда твое же слово Калечит плут, чтоб уловлять глупцов, Когда вся жизнь разрушена, и снова Ты должен все воссоздавать с основ.</p> <p>Умей поставить, в радостной надежде, На карту все, что накопил с трудом, Все проиграть, и нищим стать, как прежде, И никогда не пожалеть о том, Умей принудить сердце, нервы, тело Тебе служить, когда в твоей груди Уже давно все пусто, все сгорело, И только Воля говорит: «Иди!»</p> <p>Останься прост, беседуя с царями, Останься честен, говоря с толпой; Будь прям и тверд с врагами и друзьями, Пусть все, в свой час, считаются с тобой; Наполни смыслом каждое мгновенье, Часов и дней неумолимый бег, Тогда весь мир ты примешь во владенье, Тогда, мой сын, ты будешь Человек!</p>
---	--

The White Man's Burden*The United States and the Philippine Islands*

Take up the White man's burden –
Send forth the best ye breed –
Go bind your sons to exile
To serve your captives' need;
To wait in heavy harness
On fluttered folk and wild –
Your new-caught, sullen peoples,
Half devil and half child.

Take up the White Man's burden –
In patience to abide,
To veil the threat of terror
And check the show of pride;
By open speech and simple,
An hundred times mad plain.
To seek another's profit,
And work another's gain.

Take up the White Man's burden –
The savage wars of peace –
Fill full the mouth of Famine
And bid the sickness cease;
And when your goal is nearest
The end for others sought,
Watch Sloth and heathen Folly
Bring all your hope to nought.

Take up the White Man's burden –
No tawdry rule of kings,
But toil of serf and sweeper –
The tale of common things.
The ports ye shall not enter,
The roads ye shall not tread,
Go make them with your living,
And mark them with your dead!

Take up the White man's burden –
And reap his old reward:
The blame of those ye better,
The hate of those ye guard –
The cry of hosts ye humour
(Ah, slowly!) toward the light: –
“Why brought ye us from bondage,
Our loved Egyptian night?”

Take up the White Man's burden –
Ye dare not stoop to less –
Nor call too loud on freedom
To cloak your weariness;

Бремя белого человека*Перевод А. Сергеева*

Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.

Неси это гордое Бремя –
Будь ровен и деловит,
Не поддавайся страхам
И не считай обид;
Простое ясное слово
В сотый раз повторяй –
Сей, чтобы твой подопечный
Щедрый снял урожай.

Неси это гордое Бремя –
Воюй за чужой покой –
Заставь Болезнь отступить
И Голоду рот закрой;
Но чем ты к успеху ближе,
Тем лучше распознаешь
Языческую Нерадивость,
Предательскую Ложь.

Неси это гордое Бремя
Не как надменный король –
К тяжелой черной работе,
Как раб, себя приневолю;
При жизни тебе не видеть
Порты, шоссе, мосты –
Так строй их, оставляя
Могилы таких, как ты!

Неси это гордое Бремя –
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
«Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!»

Неси это гордое Бремя –
Неблагодарный труд, –
Ах, слишком громкие речи
Усталость твою выдают!

<p>By all ye cry or whisper, By all ye leave or do, The silent, sullen peoples Shall weigh your Gods and you.</p> <p>Take up the White Man's burden – Have done with childish days – The lightly proffered laurel, The easy, ungrudged praise. Comes now, to search your manhood Through all the thankless years, Cold-edged with dear-bought wisdom, The judgment of your peers!</p>	<p>Тем, что ты уже сделал И сделать еще готов, Молчащий народ измерит Тебя и твоих Богов.</p> <p>Неси это гордое Бремя – От юности вдалеке Забудешь о легкой славе, Дешевом лавровом венке – Теперь твою возмужалость И непокорность судьбе Оценит горький и трезвый Суд равных тебе!</p>
---	---

“The White Man's Burden”

It was originally published in the popular magazine “McClure's” in 1899, with the subtitle “The United States and the Philippine Islands”. The poem was originally written for Queen Victoria's Diamond Jubilee, but exchanged for “Recessional”; Kipling changed the text of “Burden” to reflect the subject of American colonization of the Philippines, recently won from Spain in the Spanish-American War. The poem consists of seven stanzas, following a regular rhyme scheme. At face value it appears to be a rhetorical command to white men to colonise and rule other nations for the benefit of those people.

Imperialists within the United States Of America understood the phrase “white man's burden” as a characterization for imperialism that justified the policy as a noble enterprise. Because of its theme and title, it has become emblematic both of Eurocentric racism and of Western aspirations to dominate the developing world.

☞ William Davies ☞

William Henry Davies or **W.H. Davies** (3 July 1871 – 26 September 1940) was a Welsh poet and writer. Davies spent a significant part of his life as a tramp or hobo, in the United Kingdom and United States, but became one of the most popular poets of his time. The principal themes in his work are observations about life's hardships, the ways in which the human condition is reflected in nature, his own tramping adventures and the various characters he met.

☞☞☞☞

Money	Деньги
When I had money, money, O! I knew no joy till I went poor; For many a false man as a friend Came knocking all day at my door.	<i>Перевод В. Кормана</i> Когда б имел я много денег, а не был беден, как теперь, тогда б – на горе мне – частенек стал жадный стук друзей мне в дверь.
Then felt I like a child that holds A trumpet that he must not blow Because a man is dead; I dared Not speak to let this false world know.	Я б стал страдать, как мальчик с дудкой: вдруг кто-то помер, дуть – запрет... Богатство будет скверной шуткой, когда вокруг фальшивый свет.
Much have I thought of life, and seen How poor men's hearts are ever light; And how their wives do hum like bees About their work from morn till night.	Скажу в ответ на кривотолки: нам, бедным, легче! Нет забот, хоть жёны и жужжат, как пчелки, что мучат их мужей, как скот.
So, when I hear these poor ones laugh, And see the rich ones coldly frown – Poor men, think I, need not go up So much as rich men should come down.	Гляжу: бедняк горазд смеяться, а богачу невпрок харчи. Не нужно беднякам богатства. Нет! Пусть хudeют богачи.
When I had money, money, O! My many friends proved all untrue; But now I have no money, O! My friends are real, though very few.	Когда б я был богат без меры, в друзья полез бы всякий сброд. А к нынешним я полон веры, хотя они наперечет.

☞☞☞☞

ଉତ୍ତର

<p>Leisure</p> <p>What is this life, if full of care, We have no time to stand and stare? No time to stand beneath the boughs And stare as long as sheep or cows.</p> <p>No time to see, when woods we pass, Where squirrels hide their nuts in grass. No time to see in broad daylight, Streams full of stars, like skies at night. No time to turn at Beauty's glance, And watch her feet, how they can dance.</p> <p>No time to wait till her mouth can Enrich that smile her eyes began, A poor life this is, if full of care, We have no time to stand and stare.</p>	<p>Досуг <i>Перевод В. Кормана</i></p> <p>Вся жизнь в заботах. Недосуг спокойно посмотреть вокруг. Нет времени, чтоб под ветвями бездумно тешиться цветами.</p> <p>Досуга нет, чтоб поутру следить за белками в бору. Нет времени на переезде в воде всмотреться в блеск созвездий.</p> <p>Нет времени, заметив стать красотки, вышедшей плясать, дождаться, чтоб шепнули губы нам пару слов, что сердцу любви. Несчастлива жизнь, где недосуг спокойно посмотреть вокруг.</p>
---	---

ଉତ୍ତର

<p>Joy and Pleasure</p> <p>Now, joy is born of parents poor, And pleasure of our richer kind; Though pleasure's free, she cannot sing As sweet a song as joy confined.</p> <p>Pleasure's a Moth, that sleeps by day And dances by false glare at night; But Joy's a Butterfly, that loves To spread its wings in Nature's light.</p> <p>Joy's like a Bee that gently sucks Away on blossoms its sweet hour; But pleasure's like a greedy Wasp, That plums and cherries would devour.</p> <p>Joy's like a Lark that lives alone, Whose ties are very strong, though few; But Pleasure like a Cuckoo roams, Makes much acquaintance, no friends true.</p> <p>Joy from her heart doth sing at home, With little care if others hear; But pleasure then is cold and dumb, And sings and laughs with strangers near.</p>	<p>Радость и Довольство <i>Перевод В. Кормана</i></p> <p>Дом Радости – порой лачуга, а дом Довольства – особняк, но не споют в нем друг для друга так звонко, как поет бедняк.</p> <p>Довольство, будто моль ночная, ведет балеты при свечах, а Радость – бабочка дневная – танцует в солнечных лучах.</p> <p>Довольство вишни или сливы, как жадная оса, сосет, а Радость пьет неторопливо, как пчелка, свой цветочный мед.</p> <p>Довольство, наравне с кукушкой, с кем ни подружит, тем – беда. А Радость сходится с подружкой, как жаворонок, – навсегда.</p> <p>Довольство, хвастая искусством, споет в компании чужой, а Радость искренне и с чувством поет и не кривит душой.</p>
--	---

କୌତୁହଳ
୩ Wilfred Owen ୩

Wilfred Edward Salter Owen (18 March 1893 – 4 November 1918) was an English poet and soldier, one of the leading poets of the First World War. His shocking, realistic war poetry on the horrors of trenches and gas warfare was heavily influenced by his friend and mentor Siegfried Sassoon, and stood in stark contrast both to the public perception of war at the time and to the confidently patriotic verse written by earlier war poets such as Rupert Brooke. Among his best-known works – most of which were published posthumously – are “Dulce et Decorum Est”, “Insensibility”, “Anthem for Doomed Youth”, “Futility” and “Strange Meeting”.

In 1916, Owen became shell-shocked and was sent home to recover. He voluntarily returned to the army in 1918 and was killed a week before the end of the war.

କୌତୁହଳ

Dulce Et Decorum Est	Dulce et Decorum est <i>Перевод Е. Лукина</i>
<p>Bent double, like old beggars under sacks, Knock – kneed, coughing like hags, we cursed through sludge, Till on the haunting flares we turned our backs And towards our distant rest began to trudge. Men marched asleep. Many had lost their boots But limped on, blood-shod. All went lame; all blind; Drunk with fatigue; deaf even to the hoots Of tired, outstripped Five-Nines that dropped behind. Gas! GAS! Quick, boys! – An ecstasy of fumbling Fitting the clumsy helmets just in time; But someone still was yelling out and stumbling, And flound'ring like a man in fire or lime... Dim, through the misty panes and thick green light, As under a green sea, I saw him drowning. In all my dreams, before my helpless sight, He plunges at me, guttering, choking, drowning.</p> <p>If in some smothering dreams you too could pace Behind the wagon that we flung him in, And watch the white eyes writhing in his face, His hanging face, like a devil's sick of sin; If you could hear, at every jolt, the blood Come gargling from the froth-corrupted lungs Obscene as cancer, bitter as the cud Of vile, incurable sores on innocent tongues, – My friend, you would not tell with such high zest To children ardent for some desperate glory, The old Lie: Dulce et decorum est Pro patria mori.</p>	<p>Согнувшись, как бродяги под мешками, Мы шли вразброд пустыми большаками, Надрывно кашляя наперебой, И спины озарял пылавший бой. Шли отсыпаться – под надежный кров, Шли без сапог, сбивая ноги в кровь, Шли в полусне, ступая наугад, Не слыша взрывов газовых гранат.</p> <p>«Газ! Газ! Скорей, ребята! К черту каски! Напяливай резиновые маски!» И кто – то, чуть замешкав в стороне, Уже кричал и бился, как в огне. Я видел сквозь зеленое стекло, Как в мареве тонул он тяжело. И до сих пор в моих кошмарных снах Он в едких задыхается волнах.</p> <p>О, если бы шагал ты за фургоном, Где он лежал – притихшим, изнуренным, И видел бы в мерцании зарниц, Как вылезают бельма из глазниц, И слышал бы через колесный скрип, Как рвется из гортани смертный хрип, Смердящий дух, горящий, как бурьян, От мерзких язв, кровоточащих ран – Мой друг, ты не сказал бы никогда Тем, кто охоч до ратного труда, Мыслишку тривиальную одну: Как смерть прекрасна за свою страну!</p>

କୌତୁହଳ

<p>The Parable Of The Old Men And The Young</p> <p>So Abram rose, and clave the wood, and went, And took the fire with him, and a knife. And as they sojourned both of them together, Isaac the first-born spake and said, My Father, Behold the preparations, fire and iron, But where the lamb for this burnt-offering? Then Abram bound the youth with belts and straps, And builded parapets and trenches there, And stretched forth the knife to slay his son. When lo! an Angel called him out of heaven, Saying, Lay not thy hand upon the lad, Neither do anything to him. Behold! A ram caught in a thicket by its horns; Offer the Ram of Pride instead of him.</p> <p>But the old man would not so, but slew his son, And half the seed of Europe, one by one.</p>	<p>Притча о старце и отроке <i>Перевод Е. Лукина</i></p> <p>Поднялся Авраам, собрал в округе хворост, Развел большой огонь и, наточив железо, Пошел к убежищу, где обретался с сыном. И Исаак спросил его: «Я вижу, Отче, Как ты железо и огонь готовишь к делу, А где же агнец для такого всесожженья?» Но молча Авраам связал ремнями сына, Воздвиг престол и вырыл кровоток глубокий, И вот уж нож занес, чтоб отрока зарезать, Как вдруг его окликнул ангел с поднебесья: «Окстись, окстись! Не возложи на чадо руку! Раскрой глаза и посмотри перед собою: Вон в зарослях овен запутался рогами – Его и принеси ты в жертву, а не сына».</p> <p>Не внял словам – пролил родную кровь ста- рик... Ну а затем по всей Европе – вжик, вжик, вжик.</p>
--	--

<p>Anthem For Doomed Youth</p> <p>What passing-bells for these who die as cattle? Only the monstrosous anger of the guns. Only the stuttering rifles' rapid rattle Can patter out their hasty orisons. No mockeries for them; no prayers nor bells, Nor any voice of mourning save the choirs, – The shrill, demented choirs of wailing shells; And bugles calling for them from sad shires.</p> <p>What candles may be held to speed them all? Not in the hands of boys, but in their eyes Shall shine the holy glimmers of goodbyes. The pallor of girls' brows shall be their pall; Their flowers the tenderness of patient minds, And each slow dusk a drawing-down of blinds.</p>	<p>Псалом обреченной юности <i>Перевод Е. Лукина</i></p> <p>Где звон по павшим на полях сражений? Лишь рев артиллерийских канонад Да заикающийся треск ружейный Над ними «Отче наш» проговорят. Ни панихид, ни траурных обрядов, Ни плача, ни молитв у алтаря... Вокруг ревет безумный хор снарядов И горн зовет в печальные края. Их скорбный путь свеча не озарит – Лишь засияет в душах на крови Святой огонь прощанья и любви. Их саван – бледность девичьих ланит, А гробовой цветок – печальный взор. И каждый вечер – шорох черных штор.</p>
---	--

☪ Dylan Thomas ☪

Dylan Marlais Thomas (27 October 1914 – 9 November 1953) was a Welsh poet and writer whose works include the poems “Do not go gentle into that good night” and “And death shall have no dominion”, the “play for voices”, Under Milk Wood, and stories and radio broadcasts such as “A Child's Christmas in Wales” and “Portrait of the Artist as a Young Dog”. He became popular in his lifetime and remained so after his premature death in New York.

କଞ୍ଚୁଳର

Do Not Go Gentle Into That Good Night

Do not go gentle into that good night,
Old age should burn and rave at close of day;
Rage, rage against the dying of the light.

Though wise men at their end know dark is right,
Because their words had forked no lightning they
Do not go gentle into that good night.

Good men, the last wave by, crying how bright
Their frail deeds might have danced in a green bay,
Rage, rage against the dying of the light.

Wild men who caught and sang the sun in flight,
And learn, too late, they grieved it on its way,
Do not go gentle into that good night.

Grave men, near death, who see with blinding sight
Blind eyes could blaze like meteors and be gay,
Rage, rage against the dying of the light.

And you, my father, there on that sad height,
Curse, bless, me now with your fierce tears, I pray.
Do not go gentle into that good night.
Rage, rage against the dying of the light.

Не уходи покорно в мрак ночной

Перевод В. Бетаки

Не уходи покорно в мрак ночной,
Пусть яркой будет старость под закат:
Гневись, гневись, что гаснет свет земной.

Пусть мудрецы строкою огневой
Небес темнеющих не озарят –
Не уходи покорно в мрак ночной.
Пусть праведники, смытые волной
С утеса, о непрожитом скорбят –
Гневись, гневись, что гаснет свет земной.

Пусть храбрецы, идущие на бой
С судьбой, кричат нелепо и не в лад –
Не уходи покорно в мрак ночной.
Пускай ханжи под смертной пеленой
Себя игрою в прятки веселят –
Гневись, гневись, что гаснет свет земной.

Отец, с той высоты, где хлад и зной,
Плачь, проклинай – зови на помощь ад! –
Не уходи покорно в мрак ночной.
Гневись, гневись, что гаснет свет земной.

କଞ୍ଚୁଳର

<p>In The Beginning</p> <p>In the beginning was the three-pointed star, One smile of light across the empty face, One bough of bone across the rooting air, The substance forked that marrowed the first sun, And, burning ciphers on the round of space, Heaven and hell mixed as they spun.</p> <p>In the beginning was the pale signature, Three-syllabled and starry as the smile, And after came the imprints on the water, Stamp of the minted face upon the moon; The blood that touched the crosstree and the grail Touched the first cloud and left a sign.</p> <p>In the beginning was the mounting fire That set alight the weathers from a spark, A three-eyed, red-eyed spark, blunt as a flower, Life rose and spouted from the rolling seas, Burst in the roots, pumped from the earth and rock The secret oils that drive the grass.</p> <p>In the beginning was the word, the word That from the solid bases of the light Abstracted all the letters of the void; And from the cloudy bases of the breath The word flowed up, translating to the heart First characters of birth and death.</p> <p>In the beginning was the secret brain. The brain was celled and soldered in the thought Before the pitch was forking to a sun; Before the veins were shaking in their sieve, Blood shot and scattered to the winds of light The ribbed original of love.</p>	<p>Вначале – три луча одной звезды <i>Перевод В. Бетаки</i></p> <p>Вначале – три луча одной звезды, Улыбка света на лице пустом, Укорененье воздуха; а в нем – Ветвящейся материи спираль, И первосолнца круглый циферблат Вращал неразделенно Рай и Ад.</p> <p>Вначале – бледное факсимиле В три слога, как неясная улыбка, Как оттиск на поверхности воды, И отчеканивался лик луны; Кровь, по кресту стекавшая в Грааль, Оставила на облачке следы.</p> <p>Вначале пламя яркое взвилось Из искр – все бури, грозы и шторма, Трехглазой, алой вспышкой расцвело Над струями крутящихся морей; Насосы-корни гнали в стебли трав Масла таинственные из камней.</p> <p>Вначале было Слово. Было Слово. Оно сквозь плотность световых лучей Дыханием тумана и дождя Все смыслы слов из бездны извлекло, И расцвело само, переводя Для сердца суть рождений и смертей.</p> <p>Вначале был незримый, тайный разум, Отлившийся в мыслительный процесс, Но до того, до разветвлений солнца, До дрожи вен сплетенных – до всего Кровь разнесла по всем потокам света Корявые прообразы любви.</p>
--	---

Especially When The October Wind

Especially when the October wind
With frosty fingers punishes my hair,
Caught by the crabbing sun I walk on fire
And cast a shadow crab upon the land,
By the sea's side, hearing the noise of birds,
Hearing the raven cough in winter sticks,
My busy heart who shudders as she talks
Sheds the syllabic blood and drains her words.

Shut, too, in a tower of words, I mark
On the horizon walking like the trees
The wordy shapes of women, and the rows
Of the star-gestured children in the park.
Some let me make you of the vowelled beeches,
Some of the oaken voices, from the roots
Of many a thorny shire tell you notes,
Some let me make you of the water's speeches.

Behind a post of ferns the wagging clock
Tells me the hour's word, the neural meaning
Flies on the shafted disk, declaims the morning
And tells the windy weather in the cock.
Some let me make you of the meadow's signs;
The signal grass that tells me all I know
Breaks with the wormy winter through the eye.
Some let me tell you of the raven's sins.

Especially when the October wind
(Some let me make you of autumnal spells,
The spider-tongued, and the loud hill of Wales)
With fists of turnips punishes the land,
Some let me make of you the heartless words.
The heart is drained that, spelling in the scurry
Of chemic blood, warned of the coming fury.
By the sea's side hear the dark-vowelled birds.

Особенно, когда октябрьский ветер

Перевод В. Бетаки

...Особенно, когда октябрьский ветер
Мне пальцами морозными взьерошит
Копну волос, и пойман хищным солнцем,
Под птичий крик я берегом бреду,
А тень моя, похожая на краба,
Вороний кашель слышит в сучьях сонных,
И вздрогнув, переполненное сердце
Всю кровь стихов расплещет на ходу –

Я заточен в словесную тюрьму,
Когда на горизонте, как деревья,
Бредут болтливые фигуры женщин,
А в парке – звездная возня детей...
И я творю стихи из буков звонких,
Из дуба басовитого, из корня
Терновника, или из этих древних
Соленых волн – из темных их речей.

И папоротник маятником бьется:
Раскрой мне этот нервный смысл времен,
Смысл диска, вспыхивающего рассветом,
Смысл флюгера, что стонет от ветров, –
И я опять стихи творю из пеня
Лужаек, шорохов травы осенней,
Из говорящего в ресницах ветра,
Да из вороньих криков и грехов.

Особенно, когда октябрьский ветер...
И я творю стихи из заклинаний
Осенних паучков, холмов Уэллса,
Где репы желтые ерошат землю,
Из бессердечных слов, пустых страниц –
В химической крови всплывает ярость,
Я берегом морским иду и слышу
Опять невнятное галденье птиц.

☞ Seamus Heaney ☞

Seamus Justin Heaney (13 April 1939 – 30 August 2013) was an Irish poet, playwright, translator and lecturer. He was born in Northern Ireland and was the first of nine children, his father was a farmer. In 1957, Heaney began to study English Language and Literature at Queen’s University of Belfast.

In 1966, he published his first major volume, called “Death of a Naturalist”. This collection was met with much critical acclaim and went on to win several awards. Also in 1966, he was appointed as a lecturer in Modern English Literature at Queen's University of Belfast. That same year, Heaney took part in a reading tour called “Room to Rhyme”, which led to much exposure for the poet's work. In 1969, his second major volume, “Door into the Dark”, was published.

Heaney was a professor at Harvard from 1981 to 1997 and its Poet in Residence from 1988 to 2006. From 1989 to 1994 he was also the Professor of Poetry at Oxford. Other awards that he received include the Geoffrey Faber Memorial Prize (1968), the PEN Translation Prize (1985), the Golden Wreath of Poetry (2001), T.S. Eliot Prize (2006) and others. In 2012, he was awarded the Lifetime Recognition Award from the Griffin Trust For Excellence In Poetry. His literary papers are held by the National Library of Ireland.

Heaney's first translation was of the Irish lyric poem. His prize – winning translation of “Beowulf” was considered ground-breaking in its use of modern language melded with the original Anglo-Saxon “music”. Heaney was awarded the Nobel Prize in Literature in 1995 for what the Nobel committee described as “works of lyrical beauty and ethical depth, which exalt everyday miracles and the living past”. In 2003, the Seamus Heaney Centre for poetry was opened at Queen’s University of Belfast. Robert Lowell described him as “the most important Irish poet since Yeats”. He lived in Sandymount, Dublin, from 1976 until his death. Upon his death in 2013, “The Independent” described him as “probably the best-known poet in the world”.

☞☞☞☞

<p>Human Chain <i>for Terence Brown</i></p> <p>Seeing the bags of meal passed hand to hand In close-up by the aid workers, and soldiers Firing over the mob, I was braced again With a grip on two sack corners,</p> <p>Two packed wads of grain I'd worked to lugs To give me purchase, ready for the heave – The eye-to-eye, one-two, one-two upswing On to the trailer, then the stoop and drag and drain</p> <p>Of the next lift. Nothing surpassed That quick unburdening, backbreak's truest payback, A letting go which will not come again. Or it will, once. And for all.</p>	<p>Цепь человеческая Теренсу Брауну</p> <p><i>Перевод Г. Кружкова</i></p> <p>Я видел в телехронике момент Раздачи продовольствия голодным: Солдат, стреляющих поверх толпы, И – крупно – белые мешки с пшеницей, Передаваемые по цепочке Сотрудниками Красного Креста;</p> <p>И руки вспомнили внезапно тяжесть Мешка, когда его берешь, нагнувшись, За два угла и по сигналу глаз Бросаешь, раскачнувшись, на прицел Укладчику. О, миг освобожденья И легкости в лопатках перед новым</p> <p>Наклоном и рывком! Такого больше Тебе не испытать. Или, быть может, В последний только раз – и навсегда.</p>
---	---

☞☞☞☞

North	Север
<p>I returned to a long strand, the hammered curve of a bay, and found only the secular powers of the Atlantic thundering. I faced the unmagical invitations of Iceland, the pathetic colonies of Greenland, and suddenly</p> <p>those fabulous raiders, those lying in Orkney and Dublin measured against their long swords rusting, those in the solid belly of stone ships, those hacked and glinting in the gravel of thawed streams</p> <p>were ocean – deafened voices warning me, lifted again in violence and epiphany. The longship’s swimming tongue was buoyant with hindsight – it said Thor’s hammer swung to geography and trade, thick – witted couplings and revenges,</p> <p>the hatreds and behind – backs of the althing, lies and women, exhaustions nominated peace, memory incubating the spilled blood. It said, “Lie down in the word – hoard, burrow the coil and gleam of your furrowed brain.</p> <p>Compose in darkness. Expect aurora borealis in the long foray but no cascade of light. Keep your eye clear as the bleb of the icicle, trust the feel of what nubbed treasure your hands have known”.</p>	<p><i>Перевод Г. Кружкова</i></p> <p>Я вернулся туда, где в подкову залива, бьет Атлантики вал – мерно и терпеливо. Я глядел в эту даль, где скрывался исландский скучный берег... И вдруг из глубин океанских</p> <p>те свирепые воины, что под дюнами Дублина спят в ладьях погребальных – иль, врагами изрублены, успокоились, рядом с обломком меча, – ярим взором сверкая в талой влаге ручья,</p> <p>эти викинги мертвые, в запоздалой печали из тумана воззвали ко мне и вещали: «Молот грозного Тора – о стыд, о бесчестье! – откачнулся к торговле, блудодействию и мести,</p> <p>к лицемерью в совете, заросшему жиром, к передышкам резни, величаемой миром... Так заройся, певец, в свою норку, свернись там, мозговитым клубком, горностаем пушистым.</p> <p>Сочиняй в темноте, где живут только тени. От полярных сияний не жди озарений. Зренье не оскверни светом ярким и желтым, доверяйся тому, что на ощупь нашел ты».</p>

<p>Audenesque</p> <p>Joseph, yes, you know the beat. Wystan Auden's metric feet Marched to it, unstressed and stressed, Laying William Yeats to rest.</p> <p>Therefore, Joseph, on this day, Yeats's anniversary, (Double-crossed and death-marched date, January twenty-eight),</p> <p>Its measured ways I tread again Quatrain by constrained quatrain, Meting grief and reason out As you said a poem ought.</p> <p>Trochee, trochee, falling: thus Grief and metre order us. Repetition is the rule, Spins on lines we learnt at school.</p> <p>Repetition, too, of cold In the poet and the world, Dublin Airport locked in frost, Rigor mortis in your breast.</p> <p>Ice no axe or book will break, No Horatian ode unlock, No poetic foot imprint, Quatrain shift or couplet dint,</p> <p>Ice of Archangelic strength, Ice of this hard two-faced month, Ice like Dante's in deep hell Makes your heart a frozen well.</p> <p>Pepper vodka you produced Once in Western Massachusetts With the reading due to start Warmed my spirits and my heart</p> <p>But no vodka, cold or hot, Aquavit or uisquebaugh, Brings the blood back to your cheeks Or the colour to your jokes,</p> <p>Politically incorrect Jokes involving sex and sect, Everything against the grain, Drinking, smoking like a train.</p>	<p>Размером Одена Памяти Иосифа Бродского <i>Перевод Г. Кружкова</i></p> <p>Джозеф, помнишь этот ритм? Оден, твой любимый бритт, Брел под гул таких же стоп, Провожая Йейтса в гроб.</p> <p>Ать-и-два! Под этот счет В этот распроклятый год, В день твой, дважды роковой, Января двадцать восьмой,</p> <p>Я шагаю вам вослед, Зажимая боль в куплет, Меря им – твои слова – Скорбь и разум – ать-и-два!</p> <p>Ни фантазий, ни химер – Скорби скованный размер; Шаг за шагом учит он: Повторение – закон.</p> <p>Повторится без конца – Стужа, вьюга, смерть певца. Как корабль, во льдах затерт Дублинский аэропорт.</p> <p>Этот жесткий, твердый лед Не отпустит, не пройдет: Лед кладбищенских шагов, Лед архангельских снегов.</p> <p>В нем не сделаешь пролом Ни пером, ни топором; Адской бездны глубина Проморожена до дна.</p> <p>Заморожен, как ледник, Сердца твоего родник. Уж его не прошибет Ни бокал, ни анекдот.</p> <p>Помнишь, как ты мне в бокал Водку с перцем наливал В массачусетской глуши – Для согрева, для души?</p> <p>Как любил ты шутки звон – Брысь, политкорректный тон! Гладил ты не по шерсти С вечным кэмелом в горсти.</p>
--	--

<p>In a train in Finland we Talked last summer happily, Swapping manuscripts and quips, Both of us like cracking whips</p> <p>Sharpened up and making free, Heading west for Tampere (West that meant for you, of course, Lenin's train-trip in reverse).</p> <p>Nevermore that wild speed-read, Nevermore your tilted head Like a deck where mind took off With a mind-flash and a laugh.</p> <p>Nevermore that rush to pun Or to hurry through all yon Jammed enjambements piling up As you went above the top,</p> <p>Nose in air, foot to the floor, Revvng English like a car Hijacked when you robbed its bank (Russian was your reserve tank).</p> <p>Worshipped language can't undo Damage time has done to you: Even your peremptory trust In words alone here bites the dust.</p> <p>Dust-cakes, still – see Gilgamesh – Feed the dead. So be their guest. Do again what Auden said Good poets do: bite, break their bread.</p>	<p>Помнишь финский наш вояж, Треп совместный, смех и блажь, Схлест насмешек и сатир – Перекрещенных папир?</p> <p>В Тампере лежал наш путь: Ты не мог не помянуть: Дескать, мы с тобой идем Верным, ленинским путем.</p> <p>Не вернуть ни смех, ни пыл – Как стихи ты важно выл! Как с авианосца ввысь Шутки с грохотом неслись!</p> <p>Не вернуть твоих чудных Каламбуров заводных, Рвущийся стихов поток Сквозь анжембеманы строк!</p> <p>Как ты бешено пылил На английском! Как любил Гнать на нем аж миль под сто, Как на угнанном авто!</p> <p>Лишь язык боготворя, Верил в слово ты. А зря. Копы времени, озлясь, Лихача вдавили в грязь.</p> <p>Так смиришь, как Гильгамеш, И лепешки праха ешь, Помня Одена завет: Только этим сыт поэт.</p>
---	--

✪✪✪

Heaney and Brodsky, though their friendship really came into its own in the U.S., first met at the 1972 Poetry International in London, they devoted some poems to each other.

Joseph Brodsky admired the poetic gift of Seamus Heaney and devoted this poem (1990) to his friend:

Шеймасу Хини

Иосиф Бродский

Я проснулся от крика чаек в Дублине.
 На рассвете их голоса звучали
 как души, которые так загублены,
 что не испытывают печали.
 Облака шли над морем в четыре яруса,
 точно театр навстречу драме,
 набирая брайлем постскриптум ярости
 и беспомощности в остекленевшей раме.
 В мертвом парке маячили изваяния.
 И я вздрогнул: я – дума, вернее – возле.
 Жизнь на три четверти – узнавание
 себя в нечленораздельном вопле
 или – в полной окаменелости.
 Я был в городе, где, не сумев родиться,
 я еще мог бы, набравшись смелости,
 умереть, но не заблудиться.
 Крики дублинских чаек! Конец грамматики,
 примечание звука к попыткам справиться
 с воздухом, с примесью чувств праплатоники,
 обнаруживающей измену праотца –
 раздирали клювами слух, как занавес,
 требуя опустить длинноты,
 буквы вообще, и начать монолог свой заново
 с чистой бесчеловечной ноты.

Blackberry-picking

Late August, given heavy rain and sun
For a full week, the blackberries would ripen.
At first, just one, a glossy purple clot
Among others, red, green, hard as a knot.
You ate that first one and its flesh was sweet
Like thickened wine: summer's blood was in it
Leaving stains upon the tongue and lust for
Picking. Then red ones inked up and that hunger
Sent us out with milk cans, pea tins, jam – pots
Where briars scratched and wet grass bleached our boots.
Round hayfields, cornfields and potato-drills
We trekked and picked until the cans were full
Until the tinkling bottom had been covered
With green ones, and on top big dark blobs burned
Like a plate of eyes. Our hands were peppered
With thorn pricks, our palms sticky as Bluebeard's.

We hoarded the fresh berries in the byre.
But when the bath was filled we found a fur,
A rat-grey fungus, glutting on our cache.
The juice was stinking too. Once off the bush
The fruit fermented, the sweet flesh would turn sour.
I always felt like crying. It wasn't fair
That all the lovely canfuls smelt of rot.
Each year I hoped they'd keep, knew they would not.

Мы ежевику собирали

Перевод А. Шадрина

Поздним августом солнце обильно светит и дождь поливает,
Всего за неделю тогда ежевика в лесу поспекает,
Сперва лишь одна наливается соком пурпурным,
Тогда как другие еще и тверды и незрелы.
Мы жадно съедали ту ягоду, самую первую,
Она была сладко-пьянящей, как вина столетние,
Будто кровь, в ней играли, переливаясь, все соки летние.
Все языки наши были окрашены пурпуром,
И еще больше хотелось нам этих ягод,
И поедали мы, даже неспелые красные,
Будто медведи, что отъедаются осенью вперед на год.
Мы выходили с кувшинами, крынками, банками из-под джема,
Шли мы туда, где кустарник так больно колотся,
Шли по лугам, по полям кукурузным и мимо картофельных грядок,
Ягоды мы собирали и наполняли ими сосуды от доньшка и до макушки –
Ягоды спелые, темные, налитые горкой лежали в сосудах
И в наших ладонях блестели,
Словно чистейшие капли весенней капели,
Хоть и в крови были наши руки от острых уколов.

Помнишь, как прятали ягоды эти в сарае,
Но не могли сохранить их, они сгнивали,
Мы их покрытыми плесенью находили,
Плесенью серой, зловонной, как шкура крысиная,
И сок их сладкий бурдой становился горькою.
Я каждый раз чуть не плакал, что ягоды сладкие
Неумолимо сгнивают, где ж тут справедливость?!
И хотя каждый год мы их сохранить старались,
Каждый раз находили мы только гниль и сырость.

О переводе поэзии

Karen Leeder is Professor of Modern German Literature and Fellow and Tutor in German at New College, Oxford. She has published widely on modern German literature, especially poetry, and is also a prize – winning translator of German poetry into English. Recent publications include “Brecht and the GDR”, “Durs Grünbein: A Companion” (2013) and others.

«Перевод – это предприятие, требующее изрядной скромности и смелости»

Из интервью с **Карен Лидер** (Великобритания), профессором Оксфордского университета, переводчиком, автором многочисленных публикаций, посвященных немецкоязычной литературе.

– Не могли бы Вы вкратце рассказать о Ваших авторах и произведениях, которые Вы переводили?

– Я перевела много поэзии, но и переводом прозы тоже занималась. Я переводила поэзию Брехта, но основное внимание уделяла современным авторам. Например, я перевела австрийского поэта Рауля Шротта («Пустыня Лоб Нор»), известных австрийских поэтесс Ингеборг Бахманн и Эвелин Шлаг, Михаэля Крюгера, романиста, поэта и редактора издательства «Ханзер», одного из лучших в Германии. В моем переводе публиковались поэтические антологии – стихи двадцати или тридцати молодых поэтов.

– Как Вы думаете, надо переводить так, чтобы читатель забыл, что он читает не оригинальный, а переводной текст, или так, чтобы он все время помнил, что перед ним перевод?

– Это отчасти зависит от того, что вы переводите. Есть значительная разница между, скажем, двадцатым переводом известного автора или известного стихотворения на английский язык и самым первым переводом. Создатель двадцатого перевода может позволить себе гораздо больше свободы, может проявить все свои творческие способности. Вы переводите, помня о том, что вы переводите и какова ваша аудитория. Еще имеет значение, переводите ли вы для двуязычного или одноязычного издания. Главное, чтобы получилось стихотворение на языке перевода, иначе перевод будет неадекватен.

Я не думаю, что переводчику надо просто оставаться невидимым, напротив, он должен разбираться в тексте оригинала и находить пути его воссоздания на языке перевода, бывает, что меняется форма или стиль текста, бывает, что оригинал изменяется кардинально, и переводчик призван найти ту же интонацию, такую же энергию в современном английском. Думаю, уместнее говорить о сочетании двух упомянутых вами подходов.

– Один из главных вопросов, на который стремится ответить переводчик: что переводить? Как бы Вы ответили на него?

– Мне кажется, что большинство переводов – это дело случая. Переводчик просто оказывается в нужном месте в нужное время и получает задание. Так, например, мой первый заказ на перевод художественного произведения я получила случайно, разговорившись за ужином с издателем Кристофером Маклхоузом. Он сказал, что работы его друга Михаэля Крюгера никогда не переводились на английский. Я читала его стихи, и сразу же Маклхоуз предложил выполнить перевод. Я согласилась.

– Как Вы стали переводчиком?

– Отчасти мне в этом помогла моя работа. Область моих исследований – современная немецкая поэзия, и ни один из поэтов, о которых я писала, не был переведен на английский язык. Мне хотелось, чтобы у англоязычных читателей была возможность познакомиться с этими замечательными авторами, поэтому я и начала переводить – для себя и чтобы открыть их для читателей.

– Сколько времени у Вас уходит на переводы?

– Перевод поэзии и прозы – две абсолютно разные вещи. Некоторые стихотворения переводятся на английский почти сразу. Иногда мне для этого нужен месяц, а иногда и полго-

да. За это время я могу изменить в своей работе пару строк или одно слово. Даже если стихотворение совсем коротенькое, перевод может занимать у меня целые месяцы.

– **Когда Вы переводите поэзию, Вы сохраняете размер и рифму оригинала?**

– Я была членом жюри конкурса перевода имени Стивена Спендера и всегда сначала читала английский перевод. Я почти всегда могла сказать наверняка, была ли рифма в оригинале или нет, даже если сам перевод не был рифмованным. Если в оригинале была рифма, ритм или определенная форма, а в переводе они отсутствуют, то перевод не звучит, что-то в нем неисправно. Это не значит, что александрийский стих или хокку на английский язык должны быть переведены александрийским стихом или хокку. Это значит, что в оригинале имеется определенное напряжение или равновесие, созданное звучанием, и если переводчик не может реализовать это каким-то образом, то перевод будет неполным.

– **Вы упомянули переводческий конкурс имени Стивена Спендера, на котором Вы были членом жюри. Кроме того, Вы состояли в комитете конкурса «Инглиш Пен» и в редакционной коллегии журнала «Современная поэзия в переводе». Каковы критерии оценки перевода?**

– Критерии везде разные. Иногда судьи исходят из того, насколько актуальным является перевод того или иного произведения на английский язык. Главным же критерием всех конкурсов является органичность перевода на английском языке. Перевод должен «сойти» за английское произведение. Оригинал может чуточку «растягивать» язык перевода, и это может удивлять читателя. Но если перевод вас захватывает, изменяет и если вы не чувствуете, что перевод – это текст, который еще не «прибыл» в английский язык, значит это хороший признак.

– **Если бы Вам пришлось преподавать перевод в университете, как бы Вы это делали? Каким переводческим тонкостям Вы бы обучали своих студентов в первую очередь?**

– Одно из заданий, которое я предлагаю выполнить второкурсникам, состоит в сопоставительном анализе опубликованных переводов рассказов Кафки или пяти переводов Рильке, а затем я прошу их подумать о критериях хорошего перевода, вариантах перевода.

– **Теоретики перевода часто говорят, что текст перевода должен быть эквивалентен тексту оригинала. Что такое эквивалентность? Как Вы ее понимаете?**

– В каком-то смысле ты действуешь на уровне инстинкта. Перевод – это предприятие, требующее изрядной скромности и смелости: с одной стороны, переводчик остается за кадром, стремясь достигнуть эквивалентности между текстами, но, с другой стороны, именно переводчик решает, что является наиболее важным и как это лучше передать. Как достичь эквивалентности, если, скажем, текст был написан двести лет назад, найти новый способ выражения.

– **Что такое перевод, на Ваш взгляд?**

– Можно процитировать немецкого поэта Гёльдерина: «Перевод – это когда ты берешь что-нибудь из одного языка и находишь для этого иностранный и аналогичный дом. Ты имеешь дело с двумя различными и в то же время одинаковыми вещами. Но в моих переводах я обычно более лаконична, чем в оригинале.

– **Чем отличаются стратегии перевода художественных текстов от стратегии работы с академическими текстами?**

– В области художественного перевода гораздо больше свободы, мне кажется. Переводчик создает свой творческий ответ, который должен жить на языке перевода, в то время как научный текст должен быть прежде всего точным, поэтому переводчику не остается места для воссоздания эффекта оригинала. А в художественном переводе чуть ли не каждое слово может отличаться от оригинала.

– **Каковы Ваши поисковые стратегии, если Вы не знаете значения слова или когда Вам известно значение, но Вы не можете передать его на английский?**

– Я работаю в основном с современной литературой, поэтому если я не знаю какого-либо слова или фразы, это значит, что они появились в языке недавно либо это окказионализм. Я ищу значение в Интернете, а иногда спрашиваю у автора. А если у меня возникают проблемы с переводом сленговых выражений, которые употребляет молодое поколение, то я ищу эквивалент в сленге английской молодежи той же возрастной группы.

– **Что Вы делаете, когда перевод «не идет»?**

– Откладываю работу над ним на некоторое время, а в голове продолжается работа.

– **Если бы Вам пришлось составлять этический кодекс переводчика, какие бы пункты Вы в него внесли?**

– Конечно, перевод можно отнести к тому роду деятельности, который зиждется на некоторых этических принципах. У меня никогда не возникало проблем с использованием подстрочника для создания собственных переводов. Но мне кажется вполне допустимым использовать подстрочники других авторов как переход к более поэтичному тексту перевода, при этом важно ссылаться на источники.

Интервью подготовлено Д.Т. Шаталовым, перевод Е.Ю. Хариной и Д.Т. Шаталова.

Список литературы

1. Beowulf (by Robert Huntington Fletcher, from A History of English Literature, Chapter I. Period I. The Britons And The Anglo-Saxons. To A.D. 1066 (1918)). – URL: <http://classclit.about.com/library/bl-etexts/rfletcher/bl-rfletcher-history-1-anglo-saxon-beowulf.htm>.
2. Beowulf. Translation from Old English by Marijane Osborn. – URL: <http://www.paddletrips.net/beowulf/html/osbo.html>.
3. Crystal D. and Davy D. Investigating English Style. – London: Longmans, 1983.
4. English Literature Spotlight // Первое сентября. Английский язык. – 2010. – № 18.
5. Famous Poets and Poems. English Poets. – URL: <http://famouspoetsandpoems.com>.
6. Gina D.B., Clemen L.S. British History Through Art. – Genoa, Canterbury: Black Cat Publishing, 2001.
7. Gross H. Sound and Form in Modern Poetry. – Univ. of Michigan Press, 1965.
8. Hecker M.J., Volosova T.D. English Literature. – Moscow: Prosveshcheniye, 1969.
9. Lermontov and Byron. Personality. Creativity. Destiny // Первое сентября. Английский язык. – 2010. – № 20.
10. Seamus Heaney Poems. – URL: <http://www.poemhunter.com/seamus-heaney-3>.
11. Seamus Heaney. – URL: <http://www.theguardian.com/books/2011/jan/24/seamus-heaney-ts-eliot-prize>.
12. The Complete Works of Shakespeare. – London; Glasgow: The Alexander Text. Collins, 1992. – 1376 pp.
13. Беовульф: пер. с древнеангл. В. Тихомирова [Электронный ресурс]. – URL: <http://izbakurnog.historic.ru/books>.
14. Верещагина Е.Н., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М., 1990.
15. Вильям Блейк в переводах С. Маршака. – М., 1965.
16. Дагбаева Н.Ж., Овчинникова М.Ф. Принципы формирования социолингвистической компетенции на начальном этапе языкового вуза [Электронный ресурс] // Вектор науки. – 2012. – № 1(8) – С. 103–106. – URL: https://edu.tltsu.ru/sites/sitescontent/site1238/html/media69595/029_dagbaeva.pdf.
17. Журнальный зал. Шеймас Хини. Стихи. Перевод Григория Кружкова [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/6/hini.html>.
18. О переводе поэзии. Интервью с Карен Лидер // Журнал переводчиков «Мосты». – 2013. – № 1(37).
19. Маршак С.Я. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Художественная литература, 1969. – Т. 3, 4.
20. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2008.
21. Вордсворт У. Избранная лирика: сб. / сост. Е. Зыкова. – М.: Радуга, 2001.
22. Шагинян М. Литературные портреты У. Блэйка, С.В. Рахманинова и др. – М., 1980.

Источники использованных материалов

Иллюстраций

Первая страница обложки: Томас Гейнсборо. Беседа в парке. – URL: <http://artpaintingartist.org/wp-content/uploads/2012/07/Conversation-in-a-Park.jpg>.

Вторая страница обложки: Джон Вильям Вотерхаус. Леди из Шалот. – URL: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/1e/John_William_Waterhouse_-_The_Lady_of_Shalott.

Иллюстрации и портреты художников взяты в поисковой системе «Яндекс. Картинки».

Робин Гуд. Иллюстрация американского художника Луиса Рейда.

Потерянный рай. Сатана. Иллюстрации. Гюстав Доре. – URL: <http://im.tiscali.cz/press/2012/10/27/39498-vyobrazeni-satana-v-knize-johna-miltona-ztraceny-raj>.

Видеофрагментов на диске в формате MP4

1. Сцены из фильма «Ромео и Джульетта». Режиссер: Франко Дзеффирелли. Пр-во: Великобритания, Италия, 1968. В главных ролях Оливия Хасси и Леонард Уайтинг. First Kiss. The Balcony Scene. The Tragedy. Romeo and Juliet (1968); What is the Youth. Romeo and Juliet (1968), music by Nino Rotta. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=jUxBfelyVv8>.

2. Auld Lang Syne. By Robert Burns, sung by Mary Campbell; Auld Lang Syne. By Robert Burns in the Scottish dialect, sung by Csonga foddle, Nick guitar; Auld Lang Syne. By Robert Burns, sung by Sissel. – URL: http://www.youtube.com/watch?v=UOwNBP_B1xo.

3. My Heart's in the Highland. By R. Burns, music by Ross Harris. Performed by Thehackmo. My Heart's in the Highland. By R. Burns, performed by Karine Polwart. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=i15gMKjWD84>.

4. A Red, Red Rose. By R. Burns, sung by Andy M. Stewart. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=cBCQMWMbeMU>.

5. Hamlet. Act 3. Scene 1. Performed by K. Branagh. Fragment from the film “Hamlet” – USA\UK, 1996. Director: Kenneth Branagh. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=7PcUQyXNYe0>.

6. The Lady of Shalott by Alfred Lord Tennyson. A short film by Director Nick Loven, performed by Ben Poole. 2009. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=QuMwgPGvoOk>.

7. Blackberry Picking read by Seamus Heaney. – URL: http://www.youtube.com/watch?v=HhBK5_zLwJY.

Учебное издание

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XIV–XX ВЕКОВ

Хрестоматия

Составители:

Аристова Елена Алексеевна,
Улитина Светлана Григорьевна

В оформлении обложки использованы:

На первой странице обложки – Томас Гейнсборо. Беседа в парке.
На второй странице обложки – Джон В. Уотерхаус. Леди из Шалот.

Редактор и корректор *В.В. Мальцева*

Подписано в печать 27.01.16. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 13,0. Тираж 100 экз. Заказ № 4/2016.

Издательство
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский пр. 29, к. 113.
Тел. (342) 219-80-33.